

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке

ISSN 1997-2857 (Print)
ISSN 2076-8575 (Online)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Свидетельство Федеральной службы
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
ПИ № ФС 77 73382
от 17.08.2018

№ 2 (68) 2024

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2024-2>

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ВОСТОКА

- Ревуненкова Е.В.** Крузенштерн и начало российской малаистики.....5
Настасенко И.Д. Проблема «пути покаяния» в книге «Философия как путь покаяния» Танабэ Хадзимэ.....15
Ху Вэньсюй Работа правительства Китайской Республики с советскими военными советниками
в начальный период японо-китайской войны 1937–1945 гг.24

АРХЕОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ В CIRCUM-PACIFIC

- Грищенко В.А.** Три фазы культуры наконечников на пластинах и процессы неолитизации острова Сахалин
в условиях климатических флуктуаций конца бореала – начала атлантика.....30
Мальшев А.С. К вопросу об изучении бохайских домохозяйств.....42
Шмидт И.В., Федорова Д.С. Археология Арктики: обзор зарубежных исследовательских проектов
(Канада, Гренландия, Норвегия).....54
Березницкий С.В. Ихтиофаги Амура и рыбопромышленники:
от этнокультурной диффузии до гуманитарной катастрофы.....64

ИСТОРИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

- Юрченко Е.С.** Миссия посла США в Японии Р.С. Морриса в Сибирь в 1919 г.72
Власов С.А. Реализация государственной политики в сфере физкультуры и спорта в Приморском крае
в послевоенные годы (1946–1953 гг.).....83
Волкова Е.С. Ваучерная приватизация и ее социальные последствия
на страницах художественной литературы российского Дальнего Востока.....93

PHILOSOPHIA PERENNIS

- Матвейчев О.А.** Русская мысль XVII–XVIII вв. о славянской прародине.....104
Лаврухина И.М., Глушко И.В., Дикунова Е.В., Горячев В.С., Пархоменко А.Ю.
Представление о справедливости в теории и обыденно-практическом сознании.....111

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ф.Е. АЖИМОВ – доктор философских наук, декан факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»,
профессор Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С.В. БЕРЕЗНИЦКИЙ	доктор исторических наук, заведующий отделом этнографии Сибири Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН
А.Л. ГЫНГОВ	PhD, заведующий кафедрой логики, этики и эстетики философского факультета Софийского университета им. Св. Климента Охридского
Х. КАТО	PhD, профессор, директор Центра изучения айнов и коренных народов Университета Хоккайдо
Н.Н. КРАДИН	член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН
Д. ЛИВЕН	PhD, старший научный сотрудник Тринити колледжа Кембриджского университета, академик Британской академии наук
А.В. ЛЫСОВА	PhD, доктор социологических наук, доцент Школы криминологии Университета Саймона Фрейзера
Н.Л. МАМАЕВА	доктор исторических наук, руководитель Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Китая и современной Азии РАН
Б.И. ПРУЖИНИН	доктор философских наук, руководитель сектора философии естественных наук Института философии РАН, главный редактор журнала «Вопросы философии»
Р.Ю. ФЕДОРОВ	доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института криосферы Земли Тюменского научного центра СО РАН
А.В. ТАБАРЕВ	доктор исторических наук, заведующий сектором зарубежной археологии отдела археологии палеометалла Института археологии и этнографии СО РАН
Т.Г. ЩЕДРИНА	доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета
С.Е. ЯЧИН	доктор философских наук, профессор Департамента философии и религиоведения Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, заслуженный работник высшей школы РФ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

К.С. ЕРЕМЕНКО – кандидат исторических наук,
доцент Департамента истории и археологии Школы искусств и гуманитарных наук

Компьютерная вёрстка Е.А. ПРУДКОГЛЯД

Полное или частичное воспроизведение материалов допускается только с разрешения редакции.
Ссылка на журнал обязательна.

Полнотекстовые версии номеров с 2008 г. размещены в сети Интернет по адресам:
ДВФУ: <https://journals.dvfu.ru/gisdv>, https://www.dvfu.ru/schools/school_of_humanities/publication/
РНЭБ: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28209

Подписано в печать 27.05.2024. Дата выхода в свет 19.06.2024.
Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 13,72. Уч.-изд. л. 14,02. Тираж 30 экз. Заказ 144.
Цена свободная.

Адрес редакции:
690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, кампус ДВФУ, к. F, ауд. F602
Тел.: +7 (423) 256-24-24 (доб. 2413), E-mail: gisdv@dvfu.ru

Адрес учредителя и издателя:
690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10

Отпечатано в типографии Издательства ДВФУ
690091, Приморский край, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 10.

HUMANITIES RESEARCH

in the Russian Far East

ISSN 1997-2857 (Print)
ISSN 2076-8575 (Online)

ACADEMIC JOURNAL

Certificate of the Federal Service
for Supervision of Communications,
Information Technology
and Mass Media
PI № FS 77 73382
of 17.08.2018

№ 2 (68) 2024

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2024-2>

TABLE OF CONTENTS

HISTORY AND CULTURE OF THE EAST

- Revunenkova E.V.** Krusenstern and the beginning of Malay studies in Russia.....5
Nastasenko I.D. The issue of «metanoetics» in Tanabe Hajime's «Philosophy as Metanoetics».....15
Hu Wenxu The work of the government of the Republic of China with Soviet military advisors
during the initial period of the Second Sino-Japanese War.....24

ARCHAEOLOGY, ANTHROPOLOGY AND ETHNOLOGY IN CIRCUM-PACIFIC

- Grishchenko V.A.** Three phases of the blade arrowheads culture and the neolithization
of Sakhalin Island under climatic changes of Late Boreal – Early Atlantic.....30
Malyshev A.S. On the issue of studying Bohai households.....42
Schmidt I.V., Fedorova D.S. Arctic archaeology:
a review of foreign research projects (Canada, Greenland, Norway).....54
Bereznitsky S.V. Fish eaters of the Amur region and fishing companies:
from ethnocultural diffusion to humanitarian disaster.....64

HISTORY OF RUSSIAN REGIONS

- Yurchenko E.S.** The mission of the U.S. Ambassador to Japan R.S. Morris to Siberia in 1919.....72
Vlasov S.A. Implementation of state policy in the field of physical culture and sports in Primorsky Krai
in the post-war years, 1946–1953.....83
Volkova E.S. Voucher privatization and its social consequences in the fiction of the Russian Far East.....93

PHILOSOPHIA PERENNIS

- Matveychev O.A.** Russian thought of the 17th and 18th centuries on the Slavic homeland.....104
Lavrukhina I.M., Glushko I.V., Dikunova E.V., Goryachev V.S., Parkhomenko A.Yu.
The perception of justice in theory and everyday consciousness.....111

EDITOR-IN-CHIEF

Felix E. AZHIMOV – Doctor of Sc. (Philosophy), dean of the Faculty of Humanities,
HSE University (Moscow), professor, School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University

EDITORIAL STAFF

SERGEY V. BEREZNITSKIY	Doctor of Sc. (History), Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences
ALEXANDER L. GUNGOV	PhD, Sofia University St. Kliment Ohridski
HIROFUMI KATO	PhD, Hokkaido University
NIKOLAY N. KRADIN	Doctor of Sc. (History), Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences, corresponding member of Russian Academy of Sciences
DOMINIC LIEVEN	PhD (History), Trinity College, Cambridge University, fellow of the British Academy
ALEXANDRA V. LYSOVA	PhD, Doctor of Sc. (Sociology), Simon Fraser University
NATALYA L. MAMAEVA	Doctor of Sc. (History), Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences
BORIS I. PRUZHININ	Doctor of Sc. (Philosophy), Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
ROMAN Yu. FEDOROV	Doctor of Sc. (History), Tyumen Scientific Centre, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
ANDREY V. TABAREV	Doctor of Sc. (History), Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
TATIANA G. SHCHEDRINA	Doctor of Sc. (Philosophy), Moscow State Pedagogical University
SERGEY E. YACHIN	Doctor of Sc. (Philosophy), Far Eastern Federal University

EXECUTIVE SECRETARY

KSENIYA S. EREMENKO – Candidate of Sc. (History), Associate Professor,
School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University

Editorial office address:
F602, building F, FEFU campus, Russky Island, Vladivostok, Russia, 690922
Tel.: +7 (423) 256-24-24 (ext. 2413)
E-mail: gisdv@dvfu.ru

Website:
DVFU: <https://journals.dvfu.ru/gisdv>, https://www.dvfu.ru/schools/school_of_humanities/publication/
E-LIBRARY: <http://elibrary.ru/contents.asp?titleid=28209>

УДК 94.5

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2024-2/5-14>

Е.В. Ревуненкова*

КРУЗЕНШТЕРН И НАЧАЛО РОССИЙСКОЙ МАЛАИСТИКИ

Статья посвящена малайской рукописи, которая была выполнена по заказу И.Ф. Крузенштерна во время его пребывания в Малакке и в 1799 г. передана им в Академию наук в Санкт-Петербурге. Эта рукопись представляет собой список знаменитого памятника малайского средневековья под названием «Сулалат-ус-салатин». Автор описывает историю приобретения рукописи, характеризует ее особенности и содержание, а также очерчивает историко-культурное значение и художественное влияние представленного в рукописи произведения.

Ключевые слова: И.Ф. Крузенштерн, рукопись, «Сулалат-ус-салатин», малаистика

Krusenstern and the beginning of Malay studies in Russia. ELENA V. REVUNENKOVA (Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia)

The article is devoted to the Malay manuscript, which was commissioned by I.F. Krusenstern during his stay in Malacca and in 1799 donated to the Academy of Sciences in Saint Petersburg. This manuscript is a copy of a famous medieval Malay literary work called «Sulalat u's-Salatin». The author describes the history of the acquisition of the manuscript, characterizes its features and content, and also outlines the historical and cultural significance and artistic influence of «Sulalat u's-Salatin».

Keywords: I.F. Krusenstern, manuscript, Sulalat u's-Salatin, Malay studies

19 ноября 2020 г. исполнилось 250 лет со дня рождения великого российского мореплавателя Ивана Федоровича Крузенштерна (1770–1846). К этой дате в Государственном историческом музее была открыта и в течение всего 2021 г. действовала выставка «Крузенштерн. Вокруг света». Среди многочисленных экспонатов выставки, в т.ч. отражающих приобретения великого мореплавателя во время кругосветной экспедиции, была представлена и малай-

ская рукопись, хранящаяся в архиве Института восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге. У посетителей выставки могло создаться впечатление, что рукопись была приобретена И.Ф. Крузенштерном во время кругосветного путешествия (1803–1806 гг.). На самом деле история приобретения малайской рукописи, хранящейся в Академии наук с 1799 г., относится к более раннему периоду жизни великого мореплавателя. Она связана с малоизвестным

* РЕВУНЕНКОВА Елена Владимировна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела Австралии, Океании и Индонезии Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) РАН, г. Санкт-Петербург, Россия, evrevu@gmail.com

© Ревуненкова Е.В., 2024

эпизодом его биографии, который имел, однако, важные последствия для востоковедной науки, прежде всего для изучения культуры стран малайско-индонезийского региона (Нусантары).

После окончания Морского кадетского корпуса И.Ф. Крузенштерн несколько лет служил добровольцем в английском флоте. Заканчивая службу, 28-летний офицер совершал плавание в Китай на фрегате «Oiseau», которое должно было продолжаться с 1797 по 1799 г. В пути выяснилось, что фрегат требует ремонта, и в июне 1798 г. он был поставлен на стоянку у острова Пинанг на северо-западном побережье Малаккского полуострова. Получив таким образом отпуск, И.Ф. Крузенштерн на местных судах добрался до Малакки, где вынужден был задержаться на 2 месяца, т.к. заболел тропической лихорадкой и продолжать плавание в Китай на отремонтированном фрегате не смог.

И.Ф. Крузенштерн был явно осведомлен об истории Малакки – столицы могущественного султаната, существовавшего в течение XV–XVI вв., в сферу влияния которого входил ряд государственных образований малайско-индонезийского региона. Малакка была оживленным морским торговым портом, поддерживающим интенсивные связи с Китаем, Индией, странами Ближнего Востока. Малакка и Малаккский султанат стали центром развития малайской культуры и просвещения, где высокого уровня достигла придворная литература, обогащенная внутренними и внешними веяниями, прежде всего, со стороны яванской, индо-персидской и арабской культур.

В период расцвета Малаккского султаната в среде образованной элиты возникает обостренный интерес к истории своего государства, к своему прошлому и получает развитие особый жанр исторической прозы, условно называемый в европейской традиции хрониками, историями, анналами. Среди них особенно выделяется произведение, посвященное истории Малаккского султаната и других малайских государств, в котором дух историзма в очень своеобразном преломлении, с несомненной силой художественного воплощения проявился наиболее отчетливо. Таковым является знаменитый памятник малайского средневековья, известный под названиями «Седжарах Мелаю» (наиболее распространенное) и «Сулалат-ус-салатин». В российской малаистике за ним утвердилось название «Малайские родословия». Во время пребывания в Малакке И.Ф. Крузенштерн за-

казал сделать рукописную копию именно этого произведения.

Рукопись Крузенштерна называется «Сулалат-ус-салатин», но помещено это название не в виде заголовка, а внутри текста предисловия. В нем автор произведения, следуя персидской средневековой традиции, называет себя факиром, сознающим свое ничтожество и невежество, и говорит, что по повелению государя сочинил повесть и назвал эту повесть «Сулалат-ус-салатин», т.е. «Родословия всех правителей». А предназначение этой повести состояло в том, чтобы потомки государей знали о всех обычаях, извлекали бы из них пользу [12, с. 96–97].

Возможно, что И.Ф. Крузенштерн узнал об этом произведении, находясь в Малакке. Но не исключено, что и раньше, во время службы в Англии, до него доносились некоторые сведения об этом произведении, поскольку в научных кругах Европы уже в середине XVII – начале XVIII вв. оно было известно как лучшее произведение для изучения малайского языка и малайской истории до прихода португальцев.

После выздоровления И.Ф. Крузенштерн, взяв с собой сделанную по его заказу рукопись, на различных судах самостоятельно добирался до Кантона, куда прибыл 19 ноября 1798 г. Служба его в британском флоте закончилась, и он возвратился в Петербург, где передал рукопись в Академию наук. С 1799 г. начинается история движения малайской рукописи внутри академических учреждений Петербурга. Восстановила эту историю и дала подробное архивное описание рукописи А.М. Куликова – научный сотрудник Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР (сейчас – Институт восточных рукописей РАН). Сначала Крузенштерн, скорее всего, передал эту рукопись академику Федору Ивановичу Шуберту (1758–1825), который в 1802 г. подарил ее Библиотеке Академии наук, сопроводив рукопись описанием, полученным от И.Ф. Крузенштерна, что зафиксировано в «Протоколах заседаний конференции Императорской академии наук от 13 октября 1802 г.» (на французском языке): «Коллежский советник и кавалер Шуберт подарил библиотеке историческую рукопись, содержащую легендарную индийскую хронику, начиная с Александра Великого, написанную на малайском языке, арабской графикой по приказу Alla-Eddin'a – правителя Atchien. Этот дар был принят с признательностью и будет поме-

щен дарителем в академическую библиотеку» (Цит. по: [7, с. 162–163]). В 1818 г. рукопись под названием «История малайцев» была передана в только что образованный Восточный кабинет во главе с академиком Христианом Даниловичем Френом (1782–1851). На форзаце первого тома (л. 1106 европейской пагинации) имеется надпись на немецком языке готическим шрифтом, сделанная рукой Х.Д. Френа: ««История малайцев с древнейших времен до завоевания Малайи португальцами». На малайском языке. Во время своего пребывания в Малайе в июле 1798 коммодор Крузенштерн при особой любезности официальных лиц получил разрешение скопировать рукопись этой истории, которую очень высоко ценили. Он послал эту копию в Академию наук в Санкт-Петербурге».

Рукопись состоит из двух томов: 1-й том – 106 листов, 2-й том – 86 листов. Размер листа – 26,5 x 20,9 см. Пагинация европейская, поздняя, и проставлена карандашом. Бумага европейского производства (Амстердам) с филигранью, «J. Honig Zoopen». Дата изготовления бумаги – 1794 г. (водяной знак). Бумага и текст прекрасно сохранились. Переплет поздний, изготовлен из плотного картона, обернутого мраморной бумагой, корешки кожаные, с золотым тиснением. Текст написан с обеих сторон листа на малайском языке разновидностью арабской графики *nasx*. В конце первого тома поставлена дата 1213 г. хиджры, что соответствует июлю 1798 – маю 1799 г. [6; 7].

Можно дополнить это описание несколькими комментариями. В оригинале малайской рукописи пагинации нет. Ее функцию выполняют расположенные внизу каждой страницы кустоды, что характерно для средневековой рукописной традиции Востока и Запада. Текст написан черной тушью, но имеются многочисленные слова и предложения, выделенные красной тушью. К ним относятся арабские изречения; имена султанов и легендарных героев; слова, обозначающие «рассказ» (*al-kissah*), т.к. произведение состоит из 34-х рассказов; слова, обозначающие начало каждого рассказа или абзаца; слова, выполняющие функции знаков препинания, слова-ритмизаторы. Судя по разнице почерка, над текстом трудились три переписчика. Ахмат Адам, видный исследователь и издатель малайских рукописей, почетный профессор Университета Малайя, установил имена этих переписчиков, которые написаны в конце первого тома рукописи: Мухаммад Та-

хир аль-Джави, Мухаммад Закат Лонг, Ибрахим Джамрут [18, с. 151]. Видно, что переписчики торопились, чтобы успеть за 2 месяца создать список этого объемного произведения. Нередко пропущены слова и целые фразы. Иногда, наоборот, встречаются повторы слов и словосочетаний. В ряде случаев повторы можно объяснить сменой переписчиков и стремлением исправить ошибки, повторив написание слов и целых предложений 2–3 раза. Немало зачеркнутых слов, дописанных поверх букв и слов, которые были пропущены или не уместились на строке. В тексте много арабизмов – арабских и персидских слов, изречений, стихотворных строк. Само название произведения – «Сулалат-ус-салатин» – арабское, однако видно, что переписчики не очень хорошо знали арабский язык. Как правило (но не всегда), арабские выражения или стихи сопровождаются переводом или пересказом на малайский. При этом в некоторых случаях малайские парафразы арабских изречений и отдельных индо-персидских стихотворений не соответствуют оригиналу [12, с. 13–17].

Сведения о рукописи, приведенные Ф.И. Шубертом и Х.Д. Френом, могли быть получены только от самого И.Ф. Крузенштерна. В сопроводительной записи Ф.И. Шуберта названо имя султана Ала-уд-Дина из государства Аче (северо-западная оконечность Суматры), по просьбе которого в 1021 г. хиджры создавалось это произведение. В данном случае Ф.И. Шуберт следовал словам И.Ф. Крузенштерна, который, в свою очередь, высказал то, что написано в предисловии рукописи: «Так говорится: случилось это в 1021 год хиджры Пророка – да благословит его Аллах и да приветствует! – ... в царствование почившего в Аче светлейшего султана Ала-уд-Дина Рияят Шаха – тени Аллаха в сем мире ... Повеление государя гласило так: “Я прошу бендахару¹ составить малайскую повесть обо всех обычаях, чтобы потомки наши, которые придут после нас, помнили бы их и чтобы извлекали бы из них пользу”» [12, с. 96–97]. Скорее всего, здесь идет речь об Алла-уд-Дине Рияят Шахе III (правил с 1597 по 1615 гг.), султанине Джохора (южная часть Малаккского полуострова), взятом в плен и увезенном в Аче. Быстро возвысившиеся и соперничавшие друг с другом после завоевания Малакки португальцами, государства Джохор и Аче во многом унаследовали традиции Малаккского султаната и стали

¹ Премьер-министра.

центрами малайской культуры и мусульманской образованности.

В автографе академика Х.Д. Френа на форзаце первого тома рукописи сказано, что разрешение сделать копию произведения было получено «при особой любезности официальных лиц». Действительно, подобного рода произведения было нелегко приобрести, т.к. они считались собственностью султанов или священнослужителей высокого ранга. Поэтому заслуга молодого Крузенштерна, который, преодолев немало препятствий, смог заказать для себя рукопись памятника, имеющего огромное культурно-историческое значение, особенно велика.

Первоначальный вариант этого произведения, созданного в Малакке в период расцвета Малаккского султаната, не сохранился. Оно известно в различных версиях и вариантах более позднего происхождения, созданных в Джохоре, где воспоминания о былом величии Малакки продолжали стимулировать развитие малайской культуры. Знаменитое произведение «Сулалат-ус-салатин» или «Седжарах Мелаю» было не только воссоздано, но и подверглось ряду изменений и дополнений. Самое главное из них – описание завоевания Малакки португальцами. Так возникла вторая редакция этого памятника, датируемая 1021 г. хиджры или 1612 г. по христианскому летоисчислению. Все известные до недавнего времени списки этого произведения, находящиеся в библиотеках и архивах разных городов мира – Джакарты и Сингапура, Лондона и Манчестера, Лейдена и Амстердама, являются более полными или сокращенными вариантами второй, т.н. джохорской его редакции. К этой же редакции относится и список Крузенштерна. Он заканчивается рассказом о том, как Малакка под предводительством Афонсу д'Албукерки была завоевана франками, т.е. португальцами. Поэтому следует внести уточнение к автографу Х.Д. Френа: рукопись представляет собой не только историю малайцев с древнейших времен и до завоевания Малакки португальцами, но и историю этого завоевания.

И.Ф. Крузенштерн не мог знать конкретного содержания рукописи, т.к. первый перевод произведения на английском языке появился только в 1821 г. [26] и был выполнен выдающимся востоковедом Джоном Лейденом, другом знаменитого политического деятеля и ученого, собирателя произведений малайской словесности Томаса Стэнфорда Рэффлза.

Чтобы оценить вклад И.Ф. Крузенштерна в изучение культуры малайско-индонезийского региона, следует дать краткую характеристику произведения, рукописную копию которого он привез в Петербург и передал в Академию наук. Как отмечалось выше, оно создавалось в период расцвета Малаккского султаната. Содержание этого произведения связано с его историей, событиями, происходящими в общественной и государственной жизни султаната, его внутренними и внешними связями – как с другими государственными образованиями Малайского архипелага, так и с Индией, Китаем, Сиамом, Персией, арабским Востоком. Очень большое место занимают в нем генеалогии и родственные связи правителей и их ближайшего окружения – высших государственных лиц (премьер-министров, министров, судей, военачальников, казначеев, начальников портов и т.д.). Подробности внутренней жизни султанского дворца, придворного этикета и церемониала, описания многочисленных интриг придворной и семейной жизни высших государственных чиновников свидетельствуют в пользу того, что анонимный автор этого произведения, скорее всего, был современником и очевидцем многих событий описываемого времени и принадлежал к самым высокопоставленным кругам малайского общества.

Сведения о политической системе государства во главе с верховным правителем – султаном, «тенью Аллаха на земле», и других особенностях государственного и общественного устройства, многочисленные описания придворных ритуалов, дипломатических приемов, городского быта, развлечений, народной обрядности и т.п. делают этот памятник важнейшим источником для изучения эпохи стремительного становления, расцвета и столь же стремительного падения Малаккского султаната и средневековой Малайи в целом. Но подлинно историческое в этом произведении переплетается с мифологическими, сказочными, легендарными сюжетами, реальные события нередко приурочиваются к бытовавшим в то время сказаниям, мифам, легендам, иногда растворяются в них. Ряд мифологических мотивов связан с древними культами, обрядами и поверьями (культом камней, представлением о чудесном рождении героев из растений или от животных, о чудодейственной силе слюны и др.). Многие из них имеют широкие параллели в репертуаре мирового фольклора. К ним отно-

сятся мотивы, связанные с представлениями о мировом дереве, о вскармливании человека животным, о змеборстве, о состязания богатырей и женихов, о покинутых младенцах, становящихся в будущем героями, о похищении красавиц и т.д. Мифы, легенды, сказки занимают в этом средневековом произведении на историческую тему такое же место, как реальные исторические события. Выдающийся российский ученый В.Н. Топоров отмечал, что обильное использование фольклорного материала в историческом повествовании является одной из характерных особенностей раннеисторических описаний, прежде всего у Геродота [14, с. 117–119; 15, с. 573], а К.К. Браун – один из исследователей и переводчиков знаменитого малайского произведения – прямо называет его создателя «малайским Геродотом» [21]. Ряд мифологических и легендарных сюжетов этого памятника встречается и в других произведениях малайского средневековья, но в каждом из них – со своим историческим подтекстом [11]. Такое же переплетение реальных исторических событий с сюжетами фольклорного происхождения присуще другим средневековым произведениям Востока и Запада на исторические темы, например, яванским хроникам [20] или скандинавским сагам. Всемирно известный ученый М.И. Стеблин-Каменский определяет характер авторства сочинений подобного рода как «эпический». В нем не осознается разница между описанием реальных событий и их творческой переработкой. В таких сочинениях пути истории и художественного описания еще не разошлись. Тем не менее эти описания воспринимаются как правда, но правда особого рода – «синтетическая», представляющая собой органическое сочетание исторической правды с художественной [13, с. 84]. Поэтому от «Сулалат-ус-салатина», как и от подобных ему исторических произведений, трудно ожидать точности и подлинной достоверности. Его нельзя назвать историческим произведением в современном смысле слова, но оно пронизано многочисленными историческими реалиями, которые подтверждаются при критическом анализе текста в сопоставлении с другими текстами исторического содержания и широким кругом иных источников. Именно так поступают специалисты по древней и средневековой истории малайско-индонезийского региона, у которых этот памятник находится в постоянном научном обращении.

Мифы, предания, легенды, исторические события, родословные высшей знати, подробные описания ритуальной и повседневной жизни в «Сулалат-ус-салатине» сочетаются с фрагментами из более ранних исторических и литературных произведений, эпических сказаний, в т.ч. из заимствованных из других литератур – индийской, персидской, арабской. В памятник в трансформированном виде инкорпорированы части из самой ранней исторической хроники XIV в. «Повести о раджах Пасея». В то же время многие созданные позже произведения малайской исторической прозы либо создавались по образцу «Сулалат-ус-салатина», либо прямо цитировали или заимствовали из него некоторые сюжеты. В этом отношении малайское историческое произведение сходно с русскими летописями, в состав которых книжники включали предшествующие произведения без всякой внешней мотивировки: такова была особенность жанровой структуры летописей [8, с. 61, 91].

В малайском памятнике нашли отражение сюжеты из знаменитого яванского цикла «Сказания о рыцаре Панджи», распространившегося по всей островной и континентальной частям Юго-Восточной Азии [3, с. 94–106; 9; 24, р. 35; 25, р. 227]. Текст памятника изобилует яванскими вкраплениями – поговорками, стихами, подробными описаниями яванской титулатуры, музыкальных инструментов яванского оркестра и других элементов яванской культуры. Я еще вернусь к вопросу о роли яванской культуры и литературы в создании этого произведения в связи с полемикой, разгоревшейся вокруг текстологических проблем рукописи Крузенштерна, между двумя крупнейшими специалистами – Ахматом Адамом и Анри Шамбер-Луаром, французским исследователем и издателем произведений малайской литературы.

Выше говорилось, что в этом памятнике нашли отражение внешние влияния, стимулировавшие развитие малайской культуры. Это касается прежде всего культурных веяний, шедших из Индии и стран мусульманского Востока. В «Сулалат-ус-салатине» найдена завершённая трансформация образов Рамы и Лакшмана из древнеиндийского эпоса на малайской почве, долгое время бытовавшего в устной форме. Персидское влияние в памятнике обнаруживается как в упоминании царей из династий Ахеменидов и Сасанидов, персидских городов, цитировании персидских поговорок и двусту-

ший, так и в использовании сюжетов и образов иранской литературы. Одним из главных персонажей этого произведения является Искандар Зул-карнайн (Александр Македонский) – герой романа об Александре, который проник в Малайю вместе с мусульманством из арабских и индо-персидских источников. Согласно малайской традиции, нашедшей отражение в памятнике, потомки Искандара Зул-карнайна являются родоначальниками исконно малайских правителей и оказываются таким образом включенными в мир мусульманской культуры. Упоминаются в памятнике «Повесть об Амуре Хамзе» и «Повесть о Мухаммаде Ханафии». «Повесть об Амуре Хамзе» посвящена дяде пророка Мухаммеда, совершавшего многочисленные подвиги и деяния волшебного-авантюрного характера во дворце Хосрова I Ануширвана из династии Сасанидов. Мухаммад Ханафия, герой второй повести, – подлинный мусульманин, доблестный борец с неверными. Обе повести читают защитникам Малакки перед штурмом города португальцами. Воинственный дух популярных в средневековой Малайе персидских повестей должен был укрепить боевой настрой жителей Малакки.

Созданный в период расцвета малайской культуры и интенсивного развития литературного творчества, этот историко-литературный памятник не только впитал в себя самые разнообразные элементы культуры других народов, но и сам явился источником сюжетов ряда литературных произведений, создававшихся в последующие эпохи. Много общих эпизодов имеется в «Сулалат-ус-салатине» и в более позднем знаменитом малайском произведении – «Повести о ханг Туахе». Элементы раннего эпоса, встречающиеся в малайском памятнике, получили самостоятельное развитие и, в сущности, породили новый литературный жанр – историко-героический эпос. Повесть, объединившая легенды и предания о возможно исторически существовавшем адмирале Малакки, была создана в середине XVII в. в Джохоре и воплотила надежды на возрождение когда-то мощного и независимого Малаккского султаната [10, с. 3–10].

«Сулалат-ус-салатин» на несколько веков определил развитие малайской литературы и во многом остается живым и действенным фактором развития современной культуры Малайзии, Сингапура и Индонезии. Исторические герои, мифические персонажи и сюжеты этого памят-

ника малайского средневековья продолжают вдохновлять литераторов и деятелей искусства этих стран. Классик современной индонезийской поэзии Амир Хамзах (1911–1946) написал поэму о легендарном адмирале ханг Туахе – одном из главных героев «Сулалат-ус-салатина» и «Повести о ханг Туахе». Поэма стала известна на русском языке в переводе М.А. Болдыревой [2, с. 15–19]. Популярность этого героя в современной Малайзии с годами только растет. О нем снимаются фильмы, осуществляются театральные инсценировки и радиопостановки. И каждый раз трансформация сюжетов и трактовка образов главных героев меняется в соответствии с вызовами времени, в зависимости от преобладающих в данный момент общественных настроений и общего идеологического фона. Издаются целые поэтические циклы и сборники, восходящие к темам и образам выдающегося малайского памятника. Современные сингапурские поэты, пишущие на малайском языке, создали стихи, посвященные Тун Сери Ланангу – предполагаемому автору или редактору знаменитого произведения. В своем творчестве они прибегают ко многим фольклорным образам и сюжетам, нашедшим отражение в этом памятнике. Существуют стихи, посвященные легендарному основателю Сингапура – Санг Нила Утаме, и поэма, в основе которой лежит сюжет представленной в памятнике легенды о нападении меч-рыбы на Сингапур. Популярен в современной Малайзии фильм о любви последнего малаккского султана Махмуда к сказочной принцессе с горы Леданг, снятый по очень распространенному фольклорному сюжету, но приуроченному в памятнике к реальному историческому персонажу [4, с. 58; 5]. Реальные и легендарные предки малайцев присутствуют в повседневной жизни Малайзии и Сингапура в каменных скульптурах, названиях улиц, природных источников, фирм, машин. В одном из центральных парков Сингапура под священным деревом *варингин* (баньян) стоит деревянный склеп – символическая могила основателя и первого правителя Малакки Искандар Шаха. Надпись на могиле представляет собой текст легенды из «Сулалат-ус-салатина» о происхождении названия города. Одной из достопримечательностей современной Малакки является источник с чистой питьевой водой, который носит название в честь персонажа произведения – китайской принцессы Ли По, в XV в. доставленной в жены малаккскому султану.

В «Сулалат-ус-салатине» прослеживается несколько стилевых пластов, но в целом памятник считается образцом высокого стиля малайского классического языка. В этом языке тщательно разработана система обращения к правителю и общения внутри дворцовой элиты. Элементы дворцового языкового этикета сохраняются и в современной Малайзии при обращении к представителям верховной власти [1].

Уже с XVII в. этот выдающийся памятник привлекал внимание как европейских, так и малайских ученых больше, чем какое-либо другое произведение малайского средневековья. В течение XIX–XX вв. выявлялись и описывались рукописи, издавались тексты на основе одной или нескольких рукописей, публиковались переводы и подробные пересказы произведения на европейских языках. С середины XIX до начала XX в. «Сулалат-ус-салатин» издавался 18 раз [23, р. 219]. Памятник и сейчас находится в центре научных исследований Малайзии. Ему посвящаются специальные конференции и лекции с обсуждением различных дискуссионных проблем филологического, текстологического и историографического характера. В Куала-Лумпуре и Малакке за последние двадцать лет вышло 6 новых изданий памятника [23, с. 218]. Вся эта активная научная деятельность по изучению знаменитого памятника малайского средневековья до начала 2000-х гг. развивалась без учета рукописи Крузенштерна, т.к. она не была известна международному сообществу малаистов. Из зарубежных ученых о ней знал только известный нидерландский филолог Р. Роолфинк. Он хотел использовать ее для создания критического текста «Седжарах Мелаю», над которым работал в 1970-х гг., но в то время рукопись была для него недоступна, а критический текст этого произведения так пока и не создан.

В 2008 г. автором этих строк было издано факсимиле рукописи Крузенштерна с переводом и комментариями [12]. Несмотря на то, что это издание вышло в свет на русском языке, оно было замечено в Малайзии и во Франции. Малазийский профессор Ахмат Адам издал факсимиле рукописи Крузенштерна, сопроводив его текстологическим исследованием и транслитерацией, во многом отличной от предыдущих изданий [17]. По его мнению, рукопись Крузенштерна представляет собой ту же версию знаменитого произведения, что и рукопись из коллекции Т.С. Раффлза под номером 18 [17, р. lxxxviii–xcvi], которую выдающийся

малаист Р.О. Уинстедт считал самым ранним из всех известных списков «Седжарах Мелаю» [27]. Но этот список датируется 1807 г. С выходом в свет рукописи Крузенштерна, созданной в 1798 г., оказалось, что именно этот список следует считать самым ранним [18, р. 154; 23, р. 219].

Ахмат Адам предложил читать многие слова и выражения текста, написанного в арабской графике, по-явански, а не по-малайски. Одна из его статей так и называется: «“Сулалат-ус-салатин”. Новое прочтение» [16]. Ученый подчеркивает особенную роль древней и средневековой яванской литературы в создании этого выдающегося памятника малайской культуры. Он также считает, что все три переписчика рукописи Крузенштерна были яванцами или малайцами, свободно владеющими древнеяванским и санскритом [17, р. xxxix–liv, xcvi–xcviii]. Эти же мысли малайский ученый высказывает в статье, напечатанной в российском научном издании на малайском языке [18]. Он делает вывод, что рукопись Крузенштерна приоткрывает завесу тайны над многими скрытыми в произведении сведениями, большей частью возникшую именно из-за того, что в течение целого века исследователи ошибочно прочитывали написанные в арабской графике слова, выражения или стихотворные строки и неправильно транслитерировали текст на латиницу [18, с. 178].

Анри Шамбер-Луар критически отнесся к идеям малайского профессора [22; 23]. Между двумя учеными возникла острая дискуссия по поводу чтения и интерпретации отдельных мест списка Крузенштерна, его принадлежности к той или иной версии и по многим другим вопросам текстологического и филологического характера. Научная полемика двух ученых нашла отражение в статьях на малайском и английском языках, изданных в России [19; 23]. Несмотря на резкое неприятие подхода малайского коллеги к решению ряда текстологических проблем малайской рукописи Крузенштерна, А. Шамбер-Луар все-таки считает издание и исследование Ахмата Адама в высшей степени полезными, т.к. они побуждают к тщательной работе над неизвестным до последнего времени текстом рукописи с тем, чтобы определить ее место в будущей классификации всех версий знаменитого малайского памятника [23, р. 228].

Так, спустя более двух столетий после того, как молодой офицер британского флота Иван Федорович Крузенштерн представил малай-

скую рукопись в Академию наук и заложил таким образом фундамент российской малаистики, она вошла в научный оборот, стала достоянием международного сообщества малаистов и открыла новый этап в изучении выдающегося памятника малайского средневековья, который по своему историко-культурному значению и художественному воздействию может стоять в одном ряду с другими известными памятниками письменности Востока, давно завоевавшими мировое признание.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бодрова Ю.В. Некоторые особенности этикетности малайского языка // Этнография, история, культура стран Южных морей: Маклаевские чтения 1995–1997 гг. СПб., 1997. С. 195–198.
2. Болдырева М.А. Творчество индонезийских поэтов XX в. Амира Хамзаха и Хейрила Анвара. М.: Наука, 1976.
3. Брагинский В.И. История малайской литературы VII–XIX вв. М.: Наука, 1983.
4. Кукушкина Е.С. Встреча трех красок: немного о своеобразии малайской поэзии Сингапура // Сингапур – перекресток малайского мира. М.: Красная гора, 1996. С. 47–58.
5. Кукушкина Е.С. Трансформация образов Ханг Туаха и Ханг Джебата в литературе, культуре и политике Малайзии // Малайско-индонезийские исследования. Вып. XXI. М.: Экон-Информ, 2019. С. 112–123.
6. Куликова А.М. История одной малайской рукописи // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Вып. VI. М.: Наука, 1970. С. 51–53.
7. Куликова А.М. История крузенштерновского списка «Малайских родословий» – «Sejarah Melayu» // Малайско-индонезийские исследования: сборник статей памяти академика А.А. Губера. М.: Наука, 1977. С. 162–167.
8. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979.
9. Осипов Ю.М. Яванское сказание на литературной почве Юго-Восточной Азии // Фольклор и этнография. Л.: Наука, 1970. С. 224–229.
10. Повесть о ханг Туахе. М.: Наука, 1984.
11. Ревуненкова Е.В. Заметки об одном художественном каноне средневековой малайской литературы // Малайско-индонезийские исследования. Вып. XVI. М.: Гуманитарий, 2004. С. 219–225.
12. Ревуненкова Е.В. Сулалат-ус-салатин. Малайская рукопись Крузенштерна и ее культурно-историческое значение. СПб.: Петербургское востоковедение, 2008.
13. Стеблин-Каменский М.И. Миф. Л.: Наука, 1976.
14. Топоров В.Н. О космологических источниках раннеисторических описаний // Труды по знаковым системам. Т. 6. Тарту: Тартуский университет, 1973. С. 106–150.
15. Топоров В.Н. История и мифы // Мифы народов мира: в 2-х т. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1980. С. 572–574.
16. Adam, A., 2016. Sulalat u's-Salatin. Suatu Pembacaan Baharu. Dewan Sastera, November.
17. Adam, A., 2016. Sulalat u's-Salatin. Kuala Lumpur: Yayasan Karyawan.
18. Adam, A., 2018. Menyoroti teks Sulalat u's-Salatin tahun 1798: tersilapkah kita membaca Sejarah Melayu selama ini? // Малайско-индонезийские исследования. Вып. XX. М.: ИСАА, 2018. С. 151–179.
19. Adam, A., 2019. Anri Chamber-Loir's «One more version of the “Sejarah Melayu”»: a rebutter's essay // Малайско-индонезийские исследования. Вып. XXI. М.: Экон-Информ, 2019. С. 197–217.
20. Berg, C.C., 1965. The Javanese picture of the past. In: Soedjatmoko ed., 1965. An introduction to Indonesian historiography. Ithaca: Cornell University Press, pp. 87–118.
21. Brown, C.C., 1948. A Malay Herodotus. Bulletin of the School of Oriental and African Studies, Vol. 12, no. 3–4, pp. 730–736.
22. Chamber-Loir, H., 2017. One more version of the «Sejaeah Melayu». Archipel, no. 94, pp. 211–221.
23. Chamber-Loir, H., 2019. One more version of the «Sejarah Melayu» // Малайско-индонезийские исследования. Вып. XXI. М.: Экон-Информ, 2019. С. 218–229.
24. Gonda, J., 1947. Lettekunde van Indische Archipel. Amsterdam: Elsevier.
25. Hooykaas, Ch., 1947. Over Maleische Literatuur. Leiden: Brill.
26. Malay Annals. London: Longman, Hurst, Rees, Orme, and Brown, 1821.
27. Winstedt, R.O. ed., 1938. The Malay Annals, or, Sejarah Melayu. London; Singapore: Malayan Branch of the Royal Asiatic Society.
28. Zoetmulder, P., 1965. The significance of the study of culture and religion for Indonesian historiography. In: Soedjatmoko ed., 1965. An introduction to Indonesian historiography. Ithaca: Cornell University Press, pp. 326–343.

REFERENCES

1. Bodrova, Yu.V., 1997. Nekotorye osobennosti etiketnosti malaiskogo yazyka [Some etiquette features of Malay language]. In: Etnografiya, istoriya, kul'tura stran Yuzhnykh morei: Maklaevskie chteniya 1995–1997 gg. Sankt-Peterburg, 1997, pp. 195–198. (in Russ.)
2. Boldyreva, M.A., 1976. Tvorchestvo indoneziiskikh poetov XX v. Amira Khamzakha i Kheirila Anvara [The works of XXth century Indonesian poets Amir Hamzah and Khairil Anwar]. Moskva: Nauka. (in Russ.)
3. Bragiinskii, V.I., 1983. Istoriya malaiskoi literatury VII–XIX vv. [The history of Malay literature of the VIIth–XIXth centuries]. Moskva: Nauka. (in Russ.)
4. Kukushkina, E.S., 1996. Vstrecha trekh krasok: nemnogo o svoeobrazii malaiskoi poezii Singapura [The meeting of three colours: a few words about the distinctiveness of the Malay poetry of Singapore]. In: Singapur – perekrestok malaiskogo mira. Moskva: Krasnaya gora, 1996, pp. 47–58. (in Russ.)
5. Kukushkina, E.S., 2019. Transformatsiya obrazov Hang Tuaha i Hang Dzhebata v literature, kul'ture i politike Malaizii [Transformation of the images of Hang Tuah and Hang Jebat in the Malaysian literature, culture and politics]. In: Malaisko-indoneziiskie issledovaniya. Vyp. XXI. Moskva: Ekon-Inform, 2019, pp. 112–123. (in Russ.)
6. Kulikova, A.M., 1970. Istoriya odnoi malaiskoi rukopisi [The history of one Malay manuscript]. In: Pis'mennye pamyatniki i problemy istorii kul'tury narodov Vostoka. Vyp. 4. Moskva: Nauka, 1970, pp. 51–53. (in Russ.)
7. Kulikova, A.M., 1977. Istoriya kruzenshternovskogo spiska «Malaiskikh rodoslovii» – «Sejarah Melayu» [The history of Krusenstern's manuscript of «The Malay Annals» – «Sejarah Melayu»]. In: Malaisko-indoneziiskie issledovaniya: sbornik statei pamyati akademika A.A. Gubera. Moskva: Nauka, 1977, pp. 162–167. (in Russ.)
8. Likhachev, D.S., 1978. Poetika drevnerusskoi literatury [The poetic of early Russian Literature]. Moskva: Nauka. (in Russ.)
9. Osipov, Yu.M., 1970. Yavanskoe skazanie na literaturnoi pochve Yugo-Vostochnoi Azii [Javanese story on the literary ground of Southeast Asia]. In: Fol'klor i etnografiya. Leningrad: Nauka, 1970, pp. 220–229. (in Russ.)
10. Povest' o hang Tuakhe [The legend of Hang Tuah]. Moskva: Nauka, 1984. (in Russ.)
11. Revunenikova, E.V., 2004. Zametki ob odnom khudozhestvennom kanone srednevekovoi malaiskoi literatury [Notes on an artistic canon of medieval Malay literature]. In: Malaisko-indoneziiskie issledovaniya. Vyp. XVI. Moskva: Gumanitarii, 2004, pp. 219–225. (in Russ.)
12. Revunenikova, E.V. 2008. Sulalat-us-salatin. Malaiskaya rukopis' Kruzenshterna i eyo kul'turno-istoricheskoe znachenie [Sulalat u's-Salatin. Krusenstern's Malay manuscript and its cultural and historical significance]. Sankt-Peterburg: Peterburgskoe vostokovedenie. (in Russ.)
13. Steblin-Kamenskii, M.I., 1976. Mif [Myth]. Leningrad: Nauka. (in Russ.)
14. Toporov, V.N., 1973. O kosmologicheskikh istochnikakh ranneistoricheskikh opisaniy [On cosmological sources of early historical descriptions]. In: Trudy po znakovym sistemam. T. 6. Tartu: Tartuskii universitet, 1973, pp. 106–150. (in Russ.)
15. Toporov, V.N., 1980. Istoriya i mify [History and myths]. In: Mify narodov mira: v 2-kh t. T. 1. Moskva: Sovetskaya entsiklopediya, 1980, pp. 572–574. (in Russ.)
16. Adam, A., 2016. Sulalat u's-Salatin. Suatu Pembacaan Baharu. Dewan Sastera, November.
17. Adam, A., 2016. Sulalat u's-Salatin. Kuala Lumpur: Yayasan Karyawan.
18. Adam, A., 2018. Menyoroti teks Sulalat u's-Salatin tahun 1798: tersilapkah kita membaca Sejarah Melayu selama ini? In: Malaisko-indoneziiskie issledovaniya. Vyp. XX. Moskva: ISAA, 2018, pp. 151–179.
19. Adam, A., 2019. Anri Chamber-Loir's «One more version of the “Sejarah Melayu”»: a rebutter's essay. In: Malaisko-indoneziiskie issledovaniya. Vyp. XXI. Moskva: Ekon-Inform, 2019, pp. 197–217.
20. Berg, C.C., 1965. The Javanese picture of the past. In: Soedjatmoko ed., 1965. An introduction to Indonesian historiography. Ithaca: Cornell University Press, pp. 87–118.
21. Brown, C.C., 1948. A Malay Herodotus. Bulletin of the School of Oriental and African Studies, Vol. 12, no. 3–4, pp. 730–736.
22. Chamber-Loir, H., 2017. One more version of the «Sejaeah Melayu». Archipel, no. 94, pp. 211–221.
23. Chamber-Loir, H., 2019. One more version of the «Sejarah Melayu». In: Malaisko-indoneziiskie issledovaniya. Vyp. XXI. Moskva: Ekon-Inform, 2019, pp. 218–229.
24. Gonda, J., 1947. Lettekunde van Indische Archipel. Amsterdam: Elsevier.

25. Hooykaas, Ch., 1947. Over Maleische Literatuur. Leiden: Brill.

26. Malay Annals. London: Longman, Hurst, Rees, Orme, and Brown, 1821.

27. Winstedt, R.O. ed., 1938. The Malay Annals, or, Sejarah Melayu. London; Singapore: Malayan Branch of the Royal Asiatic Society.

28. Zoetmulder, P., 1965. The significance of the study of culture and religion for Indonesian historiography. In: Soedjatmoko ed., 1965. An introduction to Indonesian historiography. Ithaca: Cornell University Press, pp. 326–343.

*Статья поступила в редакцию 04.03.2024;
рекомендована к печати 14.04.2024*

И.Д. Настасенко*

ПРОБЛЕМА «ПУТИ ПОКАЯНИЯ» В КНИГЕ «ФИЛОСОФИЯ
КАК ПУТЬ ПОКАЯНИЯ» ТАНАБЭ ХАДЗИМЭ

Статья посвящена понятию «путь покаяния» (*дзэнгэдо*), которое было сформулировано Танабэ Хадзимэ в книге «Философия как путь покаяния», опубликованной в 1946 г. Автор рассматривает данное произведение в контексте жизненного пути японского философа и становления его философской системы. Смысловое содержание понятий «покаяние» и «путь покаяния» раскрывается через их связь с другими концептами – логикой, случайностью, свободой и т.д.

Ключевые слова: японская философия, Танабэ Хадзимэ, покаяние, тарики, дзирики, сатори

The issue of «metanoetics» in Tanabe Hajime’s «Philosophy as Metanoetics».
IVAN D. NASTASENKO (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

The article is devoted to the concept of «metanoetics» (*zangedō*), which was formulated by Tanabe Hajime in his book «Philosophy as Metanoetics» published in 1946. The author examines this work in the context of the life of the Japanese philosopher and the making of his philosophical system. The semantic content of the central concept is revealed through its connection with other concepts, such as logic, accident, freedom, etc.

Keywords: Japanese philosophy, Tanabe Hajime, metanoetics, тарики, дзирики, сатори

Жизнь и учение Танабэ Хадзимэ

Танабэ Хадзимэ родился в Токио в 1885 г. Его отец, директор академии Кайсэй¹, был знатоком Конфуция, о матери сведений найти не удалось. Как отмечает ученик Танабэ и один из переводчиков его книги «Философия как путь покаяния» на английский Такэути Ясинори, еще в начальной и средней школе многие отмечали экстраординарные способности Танабэ. Он поступил в Токийский Императорский университет на факультет математики, потом перевелся на факультет философии, который окончил с

отличием в 1908 г. Его дипломная работа «Исследования по философии математики» будет отмечена Нисидой Китаро, что станет первым звеном в долгой истории взаимоотношений двух философов Киотоской школы. В 1913 г. Танабэ занял должность лектора на факультете естественных наук в Императорском университете в Тохоку [8, р. x]. За два года он пишет и публикует книгу «Современное естествознание» («Сайкин-но сидзэнкагаку»), с которой начинается разработка философии науки в Японии. В 1916 г. Танабэ женится на 19-летней Асино Тиё, которая будет вместе с ним до самой своей смерти.

¹ Подготовительная средняя частная школа для мальчиков, основанная в 1871 г.

* НАСТАСЕНКО Иван Дмитриевич, магистрант философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия, nastasenکو.ivan@yandex.ru

© Настасенко И.Д., 2024

В конце 1910-х гг. Нисида Китаро (1875–1945) приглашает Танабэ занять пост ассистента профессора на факультете искусства и литературы Киотского университета. Танабэ к тому моменту уже был знаком с Нисидой и с его работами, в т.ч. с книгой «Интуиция и рефлексия в самопознании». В 1922 г., получив грант от Министерства образования Японии, Танабэ уезжает в Германию. Первый год в Берлине он учится под руководством Алоиза Рия, который предлагает ему поехать к М. Хайдеггеру и Г. Риккерт; однако вместо этого Танабэ едет во Фрайбург к Э. Гуссерлю, где изучает феноменологию. В итоге Гуссерль даже написал письмо Нисиде, где выражал надежду, что Танабэ принесет феноменологию на Восток [8, р. xi]. Сам японский мыслитель имел другие планы и в 1924 г. вернулся на родину с желанием совместить «философию жизни» и «философию гуманитарных наук». «Даже отправившись за границу, я не смогу найти учителя лучше Нисиды», – писал он [8, р. xi]. После поездки Танабэ находится в довольно долгой переписке с К. Ясперсом [6, с. 74]. «Религиозность» будет не последним понятием в наших размышлениях о философии Танабэ.

Дж. Хейзиг подробно рассматривает, как складывались отношения Танабэ с тремя столпами немецкой философии – Кантом, Гегелем и Марксом [8, р. xii–xiv]. Поручение подготовить торжественную речь по случаю годовщины со дня рождения Канта побудило Танабэ погрузиться в изучение кантовской теологии. К Гегелю Танабэ пришел через Фихте и Шеллинга, о которых два года читал лекции, затем он два года работал над гегелевской «Энциклопедией», а после – тридцать лет над «Феноменологией». Знакомство с Марксом тоже началось опосредованно – через коллег, таких как Мики Киёси, с которым Танабэ был вместе во Фрайбурге, и Тосака Дзюн, который заставил Танабэ обратить серьезное внимание на вызовы, поставленные марксизмом перед японским обществом. Танабэ пишет работу «Логика видов», в которой пытается совместить самостоятельно выработанные взаимодополняющие концепты – «диалектика относительности» (*со:тай-сэйрирон-но бэнсё:хо:*) и «диалектика логики видов» (*сю-но ронри-но бэнсё:хо:*). И тут происходит первый конфликт, раскол с Нисидой, учение которого о «логике локуса» (*басё-тэки ронри*) и «интуиции» (*тёккан*) не совмещается с «логикой видов».

Под «логикой» и у Нисиды, и у Танабэ понимается не формальный метаязык, а скорее некая группа принципов или просто языковые рекомендации для работы, связанные с мышлением, теоретизированием. Нельзя сказать, что Танабэ разделяет европейское представление о различиях между индивидом–видом–человечеством: в его работе «вид» обладает субъектностью, и в целом создается впечатление, что он гомогенен, един и монолитен в принятии решений и несении ответственности за этот выбор. Сказано даже, что «вид» есть своего рода архетип, который прослеживается в обществе с давних времен; «вид» у Танабэ исходит из иррационального состояния с помощью чистого желания прийти к человеческому сознанию [8, р. xvi]. Работа «Логика видов и схема Мира» («*Сю-но ронри то сэкай дзусики*») выходит в 1935 г., в период развития японского милитаризма и активной агрессивной политики Японии по отношению к соседям в тихоокеанском регионе. Хейзиг, говоря об отношении Танабэ к этому периоду, заявляет, что тот скорее осуждал события тех дней и проводимую политику. Другой автор, Дж. Хаббард, указывает, что в письмах знакомым на фронт Танабэ всячески поддерживал проводимую политику [7, р. 19–21]. Конечно, можно сказать, что учет политической конъюнктуры был необходим, чтобы успешно существовать в тоталитарном обществе. Но вполне возможно, что внутренний кризис назревал у философа еще с того времени, а концепция «коллективной вины» у «вида» давила еще большим грузом на его мировоззрение.

«Диалектика опосредования» является продолжением «логики видов», получая определение «абсолютной». Вообще и Нисида, и Танабэ часто используют понятия «абсолютная свободная воля», «абсолютная реальность», «абсолютное отражение», «абсолютное ничто», «абсолютная критика» и им подобные. Возможно, тем самым японские мыслители стремятся придать «абсолютизируемым» понятиям некую безграничность, сделать их более весомыми и универсальными.

В 1928 г. Нисида ушел из Киотского университета, и его должность была передана Танабэ. Спустя два года выходит работа Танабэ «Обращаясь к учению учителя Нисиды» («*Нисида сэн-сэй-но осие-о аогу*»). Хейзиг выделяет это событие как разделившее отношения философов на «до» и «после» [8, р. xiii]. Исходя из прямых и косвенных указаний, можно утверждать, что

Танабэ крайне болезненно воспринял разрыв с учителем. Вплоть до смерти Нисиды в 1945 г. они с Танабэ не упоминали имен друг друга и критиковали концепты друг друга без ссылки на автора. Несмотря на прискорбность такого длительного и болезненного для обоих разлада, нельзя не отметить, что без этого столкновения двух позиций Танабэ мог бы так и оставаться в тени наставника и Киотоская школа могла зациклиться на учении Нисиды. Но она пошла другим путем.

После 1945 г. Танабэ уходит в отставку из Киотского университета и уезжает в отдаленную префектуру, где проведет остаток своих дней. Одним из важнейших событий, если не главным, в его послевоенной жизни стала смерть жены в 1951 г. Когда его ученик Ивао Кояма (1905–1993) посетил его и спросил, почему учитель стал вести затворнический образ жизни, Танабэ ответил: «Невыносимо ... видеть упадок японского народа после поражения... Как профессор Императорского университета, я чувствовал определенную ответственность за то, что привел Японию к несчастью, и чем больше я чувствовал эту ответственность, тем меньше я был способен вести легкую жизнь...» [9, р. 46]. Несчастья сыграли не последнюю роль в размышлениях Танабэ о «покаянии/раскаянии», о чем речь пойдет ниже.

Танабэ умер 29 апреля 1962 г. в курортном городе Каруидзава префектуры Нагано. Его могильный камень находится на склоне горы Асама на краю леса. На камне выбито: «Цель моего поиска – Истина, и только она одна» [8, р. 1].

«Философия как путь покаяния»

В книге «Философия как путь покаяния» Танабэ не склоняется к какой-либо религиозной конфессии. Он попеременно ссылается на христианство, буддизм школ Дзэн и Син, но не на синтоизм, возможно, чтобы дистанцироваться от тогдашней пропаганды [8, р. хxi–хxiii, xli]. Как показывает А.Н. Мещеряков, гражданам Японии тогда внушалась мысль об их духовной связи с наследием духа благородных самураев; при этом постоянно напоминалось, что для императора они как «трава, которую он косит» [3, с. 173]. Говорилось, что каждый доблестно бившийся солдат японской армии займет свое место в мире богов [3, с. 168]. Л.Б. Карелова приводит свидетельства участия Танабэ в подготовке переворота с целью отказа от агрессивной политики [2, с. 8]. Когда его западный кол-

лега и старый знакомый М. Хайдеггер выступил с речью на церемонии вступления в должность ректора Фрайбургского университета, Танабэ осудил его сотрудничество с нацистским правительством и политизацию философии [2, с. 8]. Во время первого публичного обсуждения вопроса «пути покаяния» 21 октября 1944 г. на заседании Киотоского философского общества Танабэ говорил: «Для меня путь покаяния есть путь философии... Слово “покаяние” имеет много значений, оно используется в повседневной жизни, однако, чтобы употреблять его как философский термин, необходимо определить это понятие... Обычно, когда говорят о покаянии, имеются в виду сожаление о прошлых поступках и чувство бессилия что-то изменить, и вследствие этого ощущения бессилия – растерянность и депрессия, а не стремление к активным действиям. Католики рассматривают такое бездейственное покаяние как добродетель, а Бенедикт Спиноза называл его двойным бессилием. А именно, он считал, что двойное бессилие – в прошлом и в настоящем – не может считаться добродетелью... Покаяние как путь философии не подразумевает обостренного ощущения анемии от бессилия, хотя возможно в какой-то мере оно и присутствует. Однако коль скоро речь идет о покаянии как пути философии, оно не может не быть активным. Путь философии означает перерождение благодаря покаянию. Другими словами, мое раскаяние – это активное и позитивное действие, способное компенсировать прошлое, при котором предшествующая личность умирает и заново возрождается, или, можно сказать, происходит духовное перерождение» (цит. по: [2, с. 8–9]).

Итак, японский философ находился в процессе трудной и долгой рефлексии по поводу происходящего с ним и с его страной, он в определенной степени чувствовал свою вину за то, что все произошло подобным образом. Его книга – та новая философская парадигма, которую он предлагает миру – стала его собственной попыткой «раскаяться» за события, в которых он винил себя, возможно, вплоть до самой смерти.

Приступая к рассмотрению основных понятий книги, следует сказать о том, что представляют собой у Танабэ «покаяние» (*дзангэ*) и «путь покаяния» (*дзангэдо*), равнозначный «метаноэтике». В японском буддизме *дзангэ* – это раскаяние в своих прошлых грехах перед Буддой, бодхисаттвой или учителем. Танабэ определяет *дзангэ* как «бальзам для боли раскаяния,

который в то же время является источником абсолютного света, парадоксально заставляя тьму сиять, хотя она и не исчезает» [8, р. 2]. Танабэ на протяжении всей работы постоянно жонглирует понятиями «метаноэтика», «метаноэзис», «метанойя», «*дзангэдо*» и «*дзангэ*», в некоторых случаях рядом с греческим словом пишет японский вариант, и представляется, что эти слова можно в целом рассматривать как разные аспекты, формы восприятия одного и того же явления. Использование западного термина «метаноэтика» Танабэ объясняет тем, что рассматривает его в значении «мета-ноэтика», «трансцендирование ноэтики, метафизическая философия, базирующаяся на интеллектуальных интуициях, полученных разумом» [8, р. 2]. При этом Танабэ, хотя и признает, что на него отчасти повлиял буддизм школы Син, все же старается выйти за рамки любой религии. По учению Синрана, основателя Син, возрождение в Чистой земле, буддийском раю, достигается одной лишь верой в спасительную «силу Другого» – будды Амитабхи [5, с. 61]. Подобным же образом Танабэ дистанцируется и от христианства, объясняя это тем, что хочет избавиться от ненужной мифологизации и создать именно универсальную философию. При этом для него *дзангэ* не ограничивается *дзирики*, собственной силой; оно немислимо без *тарики*, силы Другого.

Далее мы разберем некоторые главы из исследуемой книги. Первая глава повествует о философском значении понятия «метаноэтика». Суть *дзангэ* для Танабэ в том, чтобы отказаться от использования собственной силы, принять невозможность справиться самостоятельно с изменением себя, очищением от ошибок прошлого. Отрекаясь от *дзирики*, человек должен отдать себя во власть *тарики*, и потом *тарики* будет взаимодействовать с *дзирики*. Результатом явится символическая смерть прошлого «я» и обретение нового себя [8, р. 6]. Но это не единственная цель метаноэтики. Также благодаря ей можно достичь «нирваны». По Танабэ, это не состояние, когда мировая воля максимально отсутствует и путем аскезы подавлены страсти жизни, как это происходит у Шопенгауэра [1, с. 317]. Для Танабэ это состояние, где в том числе наличествует «абсолютное ничто», где и происходит очищение от грехов прошлого и создание нового «я» уже без них.

Танабэ заявляет, что испытать *дзангэдо* необходимо каждому человеку, без этого, по его мнению, даже трудно это как-то обсуждать

[8, р. 8]. «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам» (Матф. 7:7), – цитируя Евангелие, Танабэ стремится показать, что метаноэтика доступна всем, кто хочет раскаяться. Но разве всем есть за что каяться? В чем мои прегрешения, если я жил праведно? На это Танабэ бы ответил ссылкой на свою «логику видов», указывая на коллективную ответственность: каждый член вида несет ответственность за общую судьбу [8, р. xxxix]. Также Танабэ цитирует Синрана: «Никогда не обсуждайте, принял ли вас Амитабха: правильный вопрос в том, изменили ли вы свое сердце или нет» [8, р. 10].

Учитывая биографию Танабэ и его опыт взаимодействия с западной и восточной философией, кажется удивительным и в то же время понятным его отношение к «рациональности». Декартовское *cogito ergo sum* характеризуется им как проявление веры в Бога [8, р. 12]. Танабэ считает этот случай тем самым использованием *дзирики*, когда человек пытается достичь спасения в достижении Бога, но использует при этом только свои возможности. Этот путь, по мнению философа, является ошибочным.

Кант и Гегель допустили ту же ошибку: они замыкали разум в рамках собственной силы и считали, что этого достаточно. Но разве этот процесс – не иная форма метанойи? «Смерть разума» есть отказ от *дзирики* и своего рода дозволение отдать себя в руки *тарики*. После этого произойдут смешение обеих сил и «воскрешение» разума. Вера в другое, в силу вне нас и передачу ей нас на какой-то момент – вот что Танабэ считает важным, вот в чем он видит суть метаноэтики. Неудивительно, что с такой точки зрения он отмечает, что Кьеркегор создал свою метаноэтику [8, р. 28]. Зацикленность философии, в особенности западной, на *дзирики*, желание исполнить все запросы разума только с ее помощью и стало решающим обстоятельством, приведшим Танабэ к разочарованию в «рациональности» философии: он убеждается в необходимости силы Другого, силы, превосходящей нас, которая находится вне нас и способна дать нам основания, отсутствующие в нас самих. Потому философия и должна быть метаноэтикой. Должна сформироваться философия, где «есть акт, но без актора», где взаимопроникновение *тарики* и *дзирики* позволяет человеку очиститься [8, р. 27].

Вторая глава книги носит название «Абсолютная критика: логика метаноэтики». Как уже

говорилось, под «логикой» понимается некая формальная группа принципов взаимодействия разных понятий, концептов между собой. Начинает Танабэ эту главу с очередного напоминания: путь покаяния – это новый, универсальный способ философствования. Основания этого пути находятся, помимо *тарики*, абсолютного ничто, также в «абсолютной критике». Танабэ рассуждает о становлении абсолютной критики в немецкой философии именно в период от Канта до Гегеля, он уделяет особенное внимание «Феноменологии духа». Его интересуют момент критики критикующего разума и первооснова данной критики. Недоработкой Канта и Гегеля он считает их заикленность на разуме и поиск оснований в нем самом [8, р. 38–39]. Кантовская «Критика чистого разума» ставит перед философией правильные вопросы, но не в состоянии дать на них ответ [8, р. 43]. Кантовские антиномии появляются именно из-за ограничения на использование оснований вне разума. Даже пытаюсь разрешить антиномии в рамках, предложенных немецким философом, мы все равно приходим к моменту неясности, к моменту, когда ожидается ответ «да» или «нет», но такой ответ не может быть дан из-за отсутствия достаточных оснований, в силу того, что он выходит за рамки разума [8, р. 39, 43]. Отрекшись от метафизического знания, Кант сам закрыл для себя дорогу к условному «просветлению» и достижению истины [8, р. 42]. Кант и Гегель не выходят за рамки само-тождества разума. Зато это делает Кьеркегор, который также осуждает немецких философов за то, что они не покидают царства Разума.

Кьеркегор понятнее Танабэ, ближе ему по духу и стилю философствования. Японский мыслитель признает и разделяет религиозность Кьеркегора и его концепцию «раскаяния» [8, р. 44, 53, 57]. Конечно, следует упомянуть и августиновское *illuminatio*, которое Танабэ также затрагивает в своих рассуждениях. Принцип озарения свыше, когда Бог просвещает разум человека и как бы приоткрывает перед ним завесу тайн мироздания, крайне похож, по его мнению, на процесс *дзангэ*.

В связи с проблемой «пути покаяния» необходимо также рассмотреть рассуждения Танабэ о дзэн-буддизме. В качестве способа преодоления дихотомии «смерть–воскрешение» он выделяет именно учение Дзен [8, р. 37]. Великая Смерть, по его мнению, есть та самая критика критики, необходимая критика разума, которая

должна закрыть лакуны в философской парадигме [8, р. 43]. Ссылаясь на учение Синрана, Танабэ рассуждает о процессе отрицания, освобождения себя от «самости» и последующего возвращения к ней. «В течении жизни мы принимаем участие в *нирване*, так и не отделив себя от наших желаний» [8, р. 45]. Находясь в западной парадигме, трудно понять до конца истинный посыл, заложенный в таких высказываниях. Танабэ посвящает несколько страниц разбору «Фауста» и резюмирует все цитатой самого Гете: «Все – аллегория» [8, р. 49]. Аллегория, недосказанность – даже на уровне языковой коммуникации Дзэн как будто рассчитывает на *тарики* на уровне восприятия слов мастера, учителя. При слушании наставлений в человека должна проникать не только мудрость, которая имеет основание в разуме и может существовать в его рамках, но и истина трансцендентная, выходящая за рамки человеческого, способная снизойти в виде озарения. Это можно проиллюстрировать строками наставника Дзэн Сидо Бунана (1602–1676):

Если полная смерть одного для себя возможна,
Пока одно существует,
Одно может возвыситься
Во всем, что захочет сделать [8, р. 49].

На русском языке существует другое четверостишие, которое частично передает суть вышеприведенных строк:

Живя, будь мертв,
Будь абсолютно мертв,
И делай все, что хочешь.
Все будет хорошо.

Эта мысль – типичное олицетворение связи «ум – отрицание ума». Процесс *дзангэ* – это, помимо прочего, отрицание самости, постижение чего-либо и приход к новой самости.

В третьей главе, названной «Абсолютная критика и историзм», Танабэ рассуждает о времени, говорит о своем понимании истории, о тех способах, которыми ее можно описать. История, по мнению Танабэ, невозможна без «случайности» [8, р. 64]. Если весь мир предопределен, то необходимо ли деление на прошлое, настоящее и будущее? Ведь в случае тотальной детерминации все произошедшее в мире произошло в силу универсального закона, а значит, может произойти в силу этого же закона еще раз. Не яв-

ляется ли это вечным циклом, который обречен на повторение без каких-либо изменений? В таком случае мы не можем говорить о какой-либо истории. Для разрешения этого противоречия Танабэ использует категорию «случайность». Именно из-за нее мы можем полагать, что история как таковая существует, что возможно ее линейное восприятие. Вторым важным элементом является «свобода», ей Танабэ посвятит целую главу в исследуемой работе. Пока же мы можем говорить о свободе как продолжении этой логики, только направленной на будущее. «Свобода означает превращение случайности в выбор, решение субъекта» [8, р. 66]. Здесь важен момент решения, утверждения субъектом своей самости. Что касается происхождения случайности, то тут все по-буддийски понятно и не очень ясно одновременно. Указывая причину, мы получим каузальную зависимость. Ее мы можем экстраполировать на уровень универсальных законов. Таким образом, в рамках размышлений Танабэ, можно прийти к детерминизму, что противоречит уже разработанной картине мира. «Случайность появилась случайно» – этот лозунг мы можем использовать в качестве ключевого объяснения.

Танабэ не отрицает детерминацию полностью. Прошлое как раз определяет, формирует нас, а мы, в свою очередь, обладая свободой, вольны совершать любые поступки, творя тем самым истинную историю. Этот механизм хорошо вписывается в рамки диалектики опосредования: имея предопределенность в прошлом, мы получаем вариативность в будущем, их взаимопроникновение и есть история.

Поскольку не существует универсального закона, который бы детерминировал ход истории, время также не является неизменной горизонтальной линией. Танабэ определяет время как «кривую», похожую на «параболу» [8, р. 69]. Так он пытается отобразить детерминацию прошлого в отношении настоящего и последующий прорыв в будущее. Но странно, что это именно парабола, график которой $y=x^2$. Интуитивно кажется, что он не передает «свободу» будущего. В случае параболы функция $y=x^2$ детерминирует не только настоящее, но и прошлое. График всегда будет расти в соответствии с обозначенными функцией рамками. Здесь отсутствует момент «случайности», «свободы» индивида в будущем.

Четвертая глава названа «Метаноэтика и философия свободы». Рассуждения о свободе

Танабэ начинает с исторической ретроспекции. В античной Греции большая роль отводилась проблеме природы, физике, а затем и метафизике, может быть, чуть позднее «человек» заслужил себе отдельное место, но свобода не была в центре внимания [8, р. 117]. Все изменилось с приходом христианства, а именно христианского понимания истории, когда отсчет стали вести от грехопадения. А грехопадение и есть результат проявления свободной воли человека. Первые люди сами решили вкусить запретный плод, а вся последующая человеческая история, с ее черными и белыми страницами, есть результат одного свободного выбора. Либералы же сделали вопрос «свободы» ключевым для определения сущности человека как таковой.

Далее Танабэ дает свое понимание «свободы». Под ней он понимает «реализацию только через творческое действие, инициированное в ничто и имеющее место в будущем; это есть чистая спонтанность, которая развивается из ничто» [8, р. 118]. Даже в определении этого понятия философ не отходит от принципа *тарики* и *дзирики*. Основанием свободы не можем служить мы сами, нам необходима сила Другого, только благодаря связи с ней человек обретает свободу. Отношения с Богом строятся почти в той же логике. Бог есть абсолют – значит, его нельзя определить в терминах бытия, потому что он выходит за его рамки; значит, Бог близок понятию «ничто»; таким образом, Бог может стать тем «ничто», что побуждает человека к творческому действию, пробуждает в нем творца, делает его свободным.

Важным для нас кажется рассуждение Танабэ о связи между свободой и метаноэтикой. Из предыдущей части может сложиться представление об их схожести: в обоих случаях фигурирует собственная сила (*дзирики*), а также сила Другого (*тарики*), но это обманчивое впечатление. Свобода путем связи с силой «ничто» утверждает свою самость в действии, происходит как бы само-принятие. Метаноэтика же – это отказ от своей самости в пользу силы Другого, который вернет человеку его уже очищенную самость. Конечно, Танабэ также говорит о диалектичном рассмотрении свободы: истинная свобода станет таковой, если она вырвется за рамки свободы само-утверждающей [8, р. 141]. В противном случае свобода останется лишь теорией, которая потеряется на фоне остальных и не станет частью фундаментального решения, чем, в свою очередь, может стать метаноэтика.

Танабэ снова повторяет, что только метаноэтикой, только путем превращения всего остального в часть *дзангэдо* можно достичь нового в философии, выйти за границы разума. Танабэ подчеркивает исключительность созданной им философии и говорит о ее несравнимости с учениями дзэнских мудрецов, настаивая на ее универсальности и отсутствии необходимости связывать ее с какой-либо религией [8, p. 128].

Пятая глава посвящена абсолютному опосредованию в метаноэтике. При рассмотрении этой главы мы уделим особое внимание такому понятию, как *сатори*. Дзэнский термин «*сатори*» (внезапное озарение) мы будем понимать как некое внутреннее субъективное переживание опыта постижения истинной природы вещей путем достижения состояния «одной мысли».

Начинает Танабэ с повторения дзэнских мудростей: «Горы есть горы, воды есть воды»; «Нет ничего низменного, нет ничего неприятного» [8, p.152]. При этом дихотомия добра и зла существует в каждой религии, но, по мнению Танабэ, ее можно свести к оценочному суждению: «Не существует такого зла, которое нельзя было бы превозмочь» [8, p. 153]. Основываясь на учении Дзэн, он повторяет, что «зло есть человеческое невежество» [8, p. 153]. Одним из способов постижения истинной природы окружающего мира является состояние *сатори*. Оно необходимо для того, чтобы превозмочь зло, недостатки нашего мира. Достичь его можно путем дисциплины и концентрации. Конечно, есть исключения из правил: мудрецы способны самостоятельно изолировать себя от внешней суеты, опираясь только на собственную силу. Танабэ восхищается такими людьми и даже испытывает некий трепет перед ними. Он скромно заявляет, что сам никогда не приближался к подобным духовным вершинам [8, p. 171]. Обычные же люди, к которым относит себя и Танабэ, не в состоянии достичь *сатори* самостоятельно, и неизвестно, смогут ли когда-нибудь, поэтому философ и выбрал *дзангэдо*. Он хочет компенсировать недостающие возможности за счет *тарики*, силы безграничного, абсолютного ничто. Отрицая свою самость, человек способен будет избавиться от своего субъективного восприятия, от перенесения на вещи каких-либо внешних ожиданий, которые были навязаны извне и не относятся к реальности. После чего он может начать смотреть на вещи, как «они [есть] то, что они есть» [8, p. 154].

«Умерщвление самости», кажется, довольно точное описание того, о чем размышляет здесь Танабэ. Но нас больше интересует дихотомия жизни и смерти. Ведь, как отмечает сам Танабэ, мы смертны с момента своего появления на свет [8, p. 158]. Смерть лишь кажется нам чем-то из будущего, на самом деле она есть тот самый «жнец с косой», что преследует нас с момента появления на этой земле. Поэтому борьба со страхом смерти и принятие смерти является частью общей концепции дзэн-буддизма [8, p. 163]. «Живи как мертвец и умирай как живой»; «Умри для себя раз и навсегда» [8, p. 158, 161–163]. Танабэ отмечает схожесть «бытия к смерти» Хайдеггера с учением Дзэн [8, p. 162]. Связь же смерти–жизни и метаноэтики почти что прямая. Что есть смерть, как не отрицание существования, отрицание жизни и бытия? Значит, смерть есть то самое ничто. Путь покаяния и есть цикл умирания и воскрешения, но умирания символического, иначе мы бы не вернулись в свою самость. Пока мы как бы отдаем себя *тарики*, мы существуем в процессе создания нашей новой «самости». Путь заключается в отречении от своей самости, принятии абсолютного ничто и возвращении к обновленному себе. Какова именно связь между смертью и жизнью: «или–или», «и то, и это», «ни то, ни это»? Как явствует из сказанного выше, это «ни то, ни это», потому что смерть, отсутствие существования, не есть пустое бытие; это именно не заполняемое отрицание, которые мы можем также обозначить как «ничто» [8, p. 159, 164–166].

Опосредование можно определить как диалектический принцип, где одно не существует отдельно от другого, оба основаны на взаимодействии, взаимопроникновении друг в друга: утверждая, мы опосредуем отрицание и наоборот. Танабэ приводит разные связки, которые мы можем экстраполировать на взаимодействие *тарики–дзирики* или, как в приведенном выше примере, утверждения–отрицания: абсолютное–относительное, одно–многое [8, p. 167]. Их отношения диалектичны: свобода собственной силы невозможна без участия силы Другого, а сила Другого не способна активно действовать без спонтанного проявления силы собственной. Диалектика и цикличность – вот два понятия, которые окажутся универсальными для описания взаимодействия разных элементов в учении Танабэ, особенно связанных с *дзангэдо*. Кроме того, мы можем выделить еще ряд бинарных

связок, которые часто используются мыслителем: «вера–убеждение», «практика–дисциплина», «свидетельство–*сатори*», «*дзирики–тарики*» [8, р. 192]. Эти конфигурации только путем диалектического и абсолютного опосредования способны дать описание *дзангэдо*.

Восьмая, заключительная глава повествует о метаноэтике как религиозном взгляде общества. В ней Танабэ резюмирует все сказанное ранее, рассказывает о своей позиции по вопросам политических систем с точки зрения метаноэтики и делится своими представлениями о будущем Японии и японской нации.

Он рассуждает о культурализме, национализме, а также о напряженности между социализмом и либерализмом. Культурализм определяется им как «артистичный гедонизм, который льстит своим горделивым сторонникам, считающим свое положение привилегированным» [8, р. 262]. По мысли Танабэ, экзистенция, суть человеческой жизни, заключается в социальной гармонии или же рассмотрении человеком в качестве цели жизни «любви» [8, р. 265]. Национализм Танабэ осуждает по понятным причинам: в рамках логики видов объединение и вражда по принципу этнической, национальной или расовой принадлежности осуждаются им как недостойные. Человечеству нужно больше гуманности.

О противопоставлении США и СССР («идеалистического либерализма – материалистического социализма») Танабэ говорит с точки зрения своей диалектики абсолютного опосредования. В качестве достоинства либерализма он отмечает «свободу» индивида, Я. Из отрицательных черт он выделяет иерархичность общества [8, р. 262]. В отношении социализма он говорит о том же самом, но с противоположным знаком: отсутствие индивидуальной свободы, диктатура пролетариата, но наличие близкого к религиозному концепта «братства» и «сестринства», когда все люди не чужие друг для друга. Разрешение этого противопоставления он видит в обозначенной диалектике и метаноэзисе. Опосредуя достоинства и недостатки двух концепций, человечество сможет найти срединный путь, благодаря которому создадутся общества нового типа. В общем и целом, Танабэ продолжает развивать «логику видов», которая должна прийти к некой «логике государств», отличие которой – в изменении масштабов задействованных человеческих ресурсов. Кроме того, Танабэ говорит о том, что метаноэтика по от-

ношению к науке будет лучше имеющихся в его время альтернатив. Метаноэтика не основывается только на разуме, она допускает «выходящее за его пределы», она максимально доступна и понятна для обычного человека [8, р. 290]. Используя ее, мир получит не только новую философию, но и новую науку, а также новую религию.

Танабэ завершает книгу сожалениями об агрессивной политике Японской империи, начавшейся в 1930-е гг. Он говорит, что весь народ страны Ямато несет ответственность за произошедшее, и корит себя больше других [8, р. 295]. Особенно стыдным он считает то, что раскаяние за прошлое насаждается Японии насильно. Это покаяние не является добровольным актом, признанием противоречий и грехов самим обществом, а есть лишь проявление позиции силы победителя по отношению к поверженному противнику. Навязанный извне либерализм является таким же оскорблением и поводом для ощущения стыда. Конечно, можно было бы сказать, что в рамках *дзангэдо* отказ от старого политического строя и принятие либерализма в рамках опосредования (взаимодействия традиций прошлого и парадигмы другой культуры) приведет к новому политическому строю, который будет «очищен» от грехов прошлого. Но это не так, метаноэтика есть дело исключительно добровольное. Изменения, которые не приняты всем существом, не будут осуществлены правильно, а значит, не принесут желаемого эффекта, и, следовательно, не будут истинной метаноэтикой.

Кажется, что, отвечая в том числе на навязанное извне покаяние, Танабэ утверждает необходимость очищения для всех наций, не проводя между ними никакого различия [8, р. 296]. В каждой стране есть свои противоречия, не важно, принадлежит она к социалистическому лагерю или придерживается капиталистической модели. Везде есть этот «гордый узел», и только разрубив его посредством *дзангэдо*, можно достичь очищения и просветления. Все это создаст необходимые условия для улучшения нашего общества, нашего мира, и создаст некое единое «товарищество», где человек человеку не волк, а брат или сестра.

Таким образом, «Философия как путь покаяния» в каком-то смысле является «дейтельным раскаянием» Танабэ Хадзимэ. В рамках нее он стремился донести до читателей свои чувства и переживания о происходящем. «Деятельность»

заключается в том, что он не остановился на собственной рефлексии, но попытался предложить миру альтернативу, решение для вечно враждующего мира. Он предложил не только новый способ философствования, но и новый способ жизни, способ отношения людей к себе и друг другу. История показала, что после выхода эта книга мало кем была рассмотрена в подобном ключе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Интымакова Л.Г. Современники А. Шопенгауэра о его пессимизме: оценки и интерпретации // Вестник Таганрогского института им. А.П. Чехова. 2015. № 2. С. 313–318.
2. Карелова Л.Б. Танабэ Хадзимэ: философия как путь покаяния // Концепт: философия, религия, культура. 2020. Т. 4. № 3. С. 7–18.
3. Мещеряков А.Н. Упразднение тела: японский тоталитаризм и культ смерти // Отечественные записки. 2013. № 5. С. 157–174.
4. Судзуки Д. Основы Дзэн-Буддизма. Кацуки С. Практика Дзэн. Бишкек: Одиссей, 1993.
5. Трубникова Н.Н. Синран и история буддийского учения о Чистой земле // Философские науки. 2012. № 5. С. 61–76.
6. Шиошвили И.Г. Экзистенциализм в японской философии // Европейский журнал философских исследований. 2014. № 1. С. 73–76.
7. Horo Atsuhiko, 1992. Kyoto School philosophy: a call for a paradigm shift in philosophical thought. Nanzan Bulletin, Vol. 16, pp. 19–21.
8. Tanabe Hajime, 1986. Philosophy as metanoetics. Berkeley: University of California Press.
9. Ханадзава Хидэфуми. Танабэ Хадзимэ-но Ко:яма Ивао хихан: Басэтэки ронри-то коо:-но гэнри-ни кансору (Критика Танабэ Хадзимэ Ивао Такаямы: «Логика места и принцип согласования») // Окаямадайгаку дайгакуин бунка кагаку кэнкю:ка ки:. 2003. Вып. 15. С. 43–71.

REFERENCES

1. Intymakova, L.G., 2015. Sovremenniki A. Shopengauera o ego pessimizme: otsenki i interpretatsii [Contemporaries of A. Schopenhauer about his pessimism: assessments and interpretations], Vestnik Taganrogskego instituta im. A.P. Chekhova, no. 2, pp. 313–318. (in Russ.)
2. Karelova, L.B., 2020. Tanabe Khadzime: filosofiya kak put' pokayaniya [Tanabe Hajime: philosophy as a path of repentance], Kontsept: filosofiya, religiya, kul'tura, Vol. 4, no. 3, pp. 7–18. (in Russ.)
3. Meshcheryakov, A.N., 2013. Uprazhdenie tela: yaponskii totalitarizm i kul't smerti [Abolition of the body: Japanese totalitarianism and the cult of death], Otechestvennye zapiski, no. 5, pp. 157–174. (in Russ.)
4. Suzuki, D., 1993. Osnovy Dzen-Buddizma [Fundamentals of Zen Buddhism]. Katsuki, S., 1993. Praktika Dzen [Zen practice]. Bishkek: Odissei. (in Russ.)
5. Trubnikova, N.N., 2012. Sinran i istoriya buddiiskogo ucheniya o Chistoi zemle [Shinran and the history of the Buddhist Pure Land teaching], Filosofskie nauki, no. 5, pp. 61–76. (in Russ.)
6. Shioshvili, I.G., 2014. Ekzistentsializm v yaponskoi filosofii [Existentialism in Japanese philosophy], Evropeiskii zhurnal filosofskikh issledovaniy, no. 1, pp. 73–76. (in Russ.)
7. Horo Atsuhiko, 1992. Kyoto School philosophy: a call for a paradigm shift in philosophical thought. Nanzan Bulletin, Vol. 16, pp. 19–21.
8. Tanabe Hajime, 1986. Philosophy as metanoetics. Berkeley: University of California Press.
9. 花澤秀文, 2003. 田邊元の高山岩男批判: 「場所的論理と呼応の原理」に関する [Hajime Tanabe's criticism of Iwao Takayama: regarding *basho* logic and the principle of response], 岡山大学大学院文化科学研究科紀要, no. 15, pp. 43–71. (in Japanese)

*Статья поступила в редакцию 30.10.2023;
рекомендована к печати 12.01.2024*

Ху Вэньсюй*

РАБОТА ПРАВИТЕЛЬСТВА КИТАЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ С СОВЕТСКИМИ ВОЕННЫМИ СОВЕТНИКАМИ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ЯПОНО-КИТАЙСКОЙ ВОЙНЫ 1937–1945 гг.

С началом японо-китайской войны 1937–1945 гг. советское правительство оказало поддержку Китаю, в т.ч. направив в страну своих военных советников. Для управления деятельностью военных советников правительство Китайской Республики создало в 1938 г. новый государственный орган – Отдел по делам военных советников Военного совета правительства. В статье рассмотрена структура и направления работы данного отдела, а также условия и содержание работы советских военных советников.

Ключевые слова: японо-китайская война 1937–1945 гг., Гоминьдан, Китайская Республика, СССР, военные советники

The work of the government of the Republic of China with Soviet military advisors during the initial period of the Second Sino-Japanese War. HU WENXU (Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

With the outbreak of the Second Sino-Japanese War Soviet government provided various support to China, including sending its military advisors to the country. To manage the activities of military advisors, the government of the Republic of China created a new government body in 1938 – the Department of Military Advisors of the Military Affairs Commission. The article examines the structure and directions of work of this department, as well as the conditions and content of the work of Soviet military advisors.

Keywords: Second Sino-Japanese War, Kuomintang, Republic of China, USSR, military advisors

После инцидента у Лугоуцяо 7 июля 1937 г. японо-китайская война уже шла полным ходом, и китайское правительство остро нуждалось в иностранной помощи. Однако Германия и Италия были союзниками Японии, США, Великобритания и Франция заняли стороннюю позицию и только советское правительство оказало полную поддержку Китаю. Подобно тому, как в начале 1920-х гг. Китай, нуждавшийся в финансовой и материальной поддержке западных дер-

жав, не получил ее, так и в самые тяжелые для Китая годы (1937–1938 гг.) японо-китайской войны просьбы Чан Кайши о поддержке, обращенные к США и Англии, не были услышаны. В начальный период войны в Англии и США имели место акции протеста и публичное осуждение действий Японии, однако иных форм поддержки не последовало.

В организации военно-технического сотрудничества Китайской Республики (далее – КР)

* Ху Вэньсюй, аспирант Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Китая и современной Азии РАН, г. Москва, Россия, 1085430069@qq.com

© Ху Вэньсюй, 2024

и СССР, развивавшегося в условиях противостояния Китая и Японии, значительную роль сыграло наличие у Чан Кайши опыта сотрудничества с советскими военными советниками, приобретенного в ходе подъема национального антиимпериалистического движения в Китае в 1920-е гг. и по мере развития первого сотрудничества коммунистов и Гоминьдана, т.е. строительства единого фронта прогрессивных сил (1922–1927 гг.). Во время Северного похода (1926–1928 гг.) – ключевого события революционного процесса в Китае в 1920-е гг. – советские военные советники во главе с генералом В.К. Блюхером, главным военным советником Сунь Ятсена и Гоминьдана в 1924–1927 гг., помогали Чан Кайши в борьбе с милитаристскими режимами, поставившими Китай на грань исчезновения.

Чан Кайши высоко оценивал военный талант генерала В.К. Блюхера. 2 августа 1937 г. Чан Кайши выразил Д.В. Богомолу, советскому послу в Китае, надежду, что В.К. Блюхер приедет в Китай для оказания помощи в военных действиях и примет участие в кадровых назначениях в созданном в начале 1938 г. Отделе по делам военных советников Военного совета правительства [5, р. 108]. Однако этому желанию Чан Кайши было не суждено осуществиться по причине трагических событий в СССР, связанных с проведением так называемых сталинских чисток: осужденный в шпионаже в пользу Японии, генерал Блюхер умер 9 ноября 1938 г. в Лефортовской тюрьме.

Для работы в Китае военными советниками советское руководство отбирало опытных кадровых офицеров, многие из которых уже побывали в Китае в 1920-е гг. (А.Я. Калягин, В.И. Чуйков, М.И. Дратвин), были знакомы с китайскими политическими и военными деятелями. Деятельность советских советников в КР осуществлялась под руководством военного атташе в Китае М.И. Дратвина. С мая 1938 г. после отъезда из Китая миссии немецких военных советников он стал Главным военным советником в аппарате Чан Кайши. Чан Кайши не препятствовал М.И. Дратвину в создании системы военных советников, в основном советских, на основе его собственного военного видения. Советские военные советники разрабатывали свои предложения в соответствии с долгом и совестью в интересах китайского народа. Опыт показал, что советник в какой-то мере должен быть и дипломатом: не спешить, давать сове-

ты только на основе фактов, подтвержденных документами, учитывать исторический опыт. Нужно быть и психологом: заботиться о престиже собеседника, предвидеть его намерения [1, с. 64].

Отдел по делам военных советников был создан как чисто военный орган и отвечал за работу с иностранными советниками, большая часть из которых была из СССР. Отдел сформировали после того, как китайское правительство, потерпев поражение при Нанкине, отступило в Ухань. Изначально отдел возглавил Чжоу Мин из Второго отделения Второго управления штаба, выпускник советского военного университета. К моменту формирования отдела он почти забыл русский язык и не был политически активен. Вскоре, осенью 1938 г., его сменил на этом посту Чжан Чун, ранее занимавший должность секретаря Шестого отдела Военного совета правительства. В августе 1937 г. он в качестве главы китайской делегации посетил СССР и принял участие в переговорах о предоставлении Китаю советской военной помощи. Вернувшись в Китай, он открыл в Ханькоу школу русского языка, которая готовила переводчиков, и возглавил ее. Чжан Чун в молодом возрасте также учился в Москве, был энергичным и настолько политически активным, что заслужил высокую оценку Чан Кайши, более того – стал его специальным посланником для тайных связей с Коммунистической партией Китая и Советским Союзом. Офис отдела был расположен на Да Сянцзы, старой улице в Чунцине, где находилось Главное управление Военного совета китайского правительства, которое возглавлял Хэ Яоцзу [6, р. 127–130]. Сначала в руководстве отдела работал только директор, Чжан Чун, но позже появился заместитель директора Лян Цзыцзюнь, который получил образование во Франции, а еще позднее – Цюй У, который учился в СССР.

Отдел состоял из трех секторов и группы переводчиков. Первый сектор отвечал за назначение иностранных советников и переводчиков и имел два подразделения. Одно, во главе с Сунь Гуйцзи, отвечало за подбор и распределение переводчиков. Следует отметить, что большинство переводчиков были харбинцами, бывшими служащими Китайско-Восточной железной дороги, которые прекрасно говорили по-русски. Другое, возглавляемое Чан Иньцзи, отвечало за распределение иностранных советников разных военных специальностей по утвержденным

Чан Кайши военным районам и боевым частям. Второй сектор отвечал за делопроизводство и также состоял из двух подразделений: документального и редакционного, возглавлявшийся соответственно Ся Чжунгао и Пань Диминем. Третий сектор отвечал за общие дела военных советников – снабжение, питание, размещение и транспорт, обеспечивал условия пребывания советников в Чунцине. Сектор возглавлял Гао Боюй. В офисе отдела было много сотрудников – секретарей и уполномоченных, которые готовили предложения для руководителя отдела и которых можно считать мозговым центром [3].

Отдел по делам военных советников Военного совета правительства имел офисы в Гуйлине, Хэньяне и Куньмине. Самый большой офис находился в Гуйлине, его возглавлял Дан Биган. При этих офисах были созданы специальные школы русского языка для подготовки русскоязычного китайского персонала, в которых сотрудники офисов выступали в качестве преподавателей. Русский язык изучали 4–5 тыс. чел. Они играли важную роль в культурном сближении Китая и Советского Союза [6, р. 127–130].

Важное направление работы офисов было сосредоточено вокруг распределения обязанностей военных советников и переводчиков по различным театрам военных действий. Система распределения военных советников по театрам военных действий сочетала как распределение обязанностей, так и собственно конкретных специалистов, носила многоступенчатый характер и в целом была достаточно эффективной. Это направление работы отдела требовало высокой квалификации и четкого реагирования на действия японского агрессора, в частности, на малейшие изменения в стратегии вооруженных сил Японии, знания общей военно-политической обстановки на фронтах. На каждый театр военных действий выделялось приблизительно от двух до четырех военных советников. Главный военный советник жил в Чунцине – столице Китая военного времени, и переговоры между ним и Чан Кайши обычно переводил Чжан Чун.

Значительное место в организации работы отдела и деятельности военных советников принадлежало офису Главного советника, известному как «Гостевой дом Главного советника» или «Резиденция Главного советника» [6, р. 127–130]. Руководителем приемной являлся У Тинцзюнь, уроженец Ханьшоу (пров. Хунань), владевший русским языком.

Сотрудники и переводчики отдела набирались из различных источников. Согласно воспоминаниям Цюй У, в отделе работало большое количество сотрудников со знанием русского языка, около 100 человек, частично занимавшихся переводом русских книг по военной тематике, частично выступавших в качестве устных переводчиков при советских военных советниках [9, р. 309–310].

Процедура набора переводчиков была очень строгой и предусматривала проверку политического профиля кандидатов. Например, Кун Кэцзя, переводчик отдела, вспоминает: «Сначала я сдал письменный и устный экзамены начальнику отдела переводов, а затем со мной беседовал лично руководитель отдела Чжан Чун, который учился на факультете русского языка Пекинского университета. Чжан Чун вручил мне экземпляр газеты «Правда» и попросил перевести некоторые материалы на китайский язык, а затем повторить исходный смысл по-русски. Меня также попросили написать письменный отчет об экзамене по русскому языку. В конце Чжан Чун выразил свое удовлетворение и дал добро на мою работу в отделе» [7]. Кун Кэцзя ждал целый месяц результатов экзамена, а позже узнал, что антикоммунистически настроенные гоминьдановские политики и чиновники подозревали его в прокоммунистической ориентации и что агенты Гоминьдана обнаружили, что Кун Кэцзя читал только коммунистическую газету «Синьхуа жибао», а не центральную газету Гоминьдана [7]. Были также переводчики, которых глава гоминьдановской секретной службы привлек для наблюдения за деятельностью советских военных советников. Один из них, А.Я. Калягин, позже вспоминал: «Они [переводчики] часто находили возможность поговорить о коммунизме, о советском режиме, о советской жизни, спрашивали нас, где мы работаем, какие должности занимаем, в каком подразделении служим» [1, с. 50].

Из китайской научной литературы следует, что усилиями персонала отдела было достигнуто единение в достижении целей и создана благоприятная для работы атмосфера. Большое значение при оценке эффективности деятельности отдела придается личности его руководителя, Чжан Чуна. Хуан Ситао, служивший в почтовом отделении, вспоминал: «Каждый раз, когда Чжан Чун приходил в офис отдела и проходил мимо двери почтового отделения, он заходил и задавал сотрудникам жизненно важные вопро-

сы, проявлял внимание и заботу по отношению к своим подчиненным» [8, р. 140–141]. Чжан Чун ежедневно поддерживал связь с Главным советником советской группы, обобщал мнения ее членов, выборочно переводил документы на китайский язык и напрямую отчитывался перед Чан Кайши. Советские военные советники были очень довольны работой отдела, осуществлявшейся под его руководством.

Советская группа советников, прибывшая в Китай в течение 1938 г. для оказания помощи китайской стороне в военных действиях, была представлена в основном военно-техническими специалистами с большим боевым опытом. По прибытии в Китай усилиями отдела советники были размещены, а затем распределены по различным театрам военных действий. По воспоминаниям советских военных советников, они были тепло приняты китайским правительством. Чан Кайши, следуя китайским традициям, устроил прибывшим в Китай военным из СССР торжественный прием. Советским военным советникам предоставили жилье в усадьбе, состоявшей из нескольких коттеджей в европейском стиле, «где было все – от полотенец до радиол и холодильников» [1, с. 20]. Для обслуживания был нанят многочисленный и хорошо обученный штат прислуги. Советские военные советники четко соблюдали дисциплину как на работе, так и в свободное время. Им не разрешалось получать подарки от китайских чиновников. Они отличались высоким профессионализмом, ответственно относились к своей работе, были доброжелательны и хорошо общались с людьми. По воспоминаниям современников, китайские сотрудники с уважением и симпатией относились к советским специалистам [7].

Перед советскими военными советниками были поставлены в качестве основных две задачи: обучение китайской армии и участие в разработке и реализации основных планов боевых действий. В то время отдел также координировал работу французских военных советников, деятельность которых значительно отличалась в сравнении с советниками из СССР: французские советники в Китае получали высокую зарплату, тратили ее свободно, но не подготовили ни одного предложения, которое было бы принято во внимание китайской стороной [6, р. 131–133]. Советские военные советники быстро разобрались в ситуации на поле боя и завоевали расположение китайского военного персонала своей компетентностью и взвешенными

советами. Планирование советскими военными советниками кампании китайской армии против японских войск, атаковавших Чанша, было настолько успешным, что японские вооруженные силы были вынуждены отступить. Чан Кайши не мог не отметить, что «с прибытием русских советников китайская армия сражается лучше, чем раньше» [10, р. 26]. 6 мая 1938 г. Чан Кайши попросил советских военных советников «подготовить персонал отдела к участию в обнаружении и переводе секретных японских телеграмм» [4, р. 406].

Поскольку советские военные советники прибыли в Китай в самом начале китайско-японской войны, они не имели достаточно глубокого понимания общей ситуации в военной сфере страны. В том числе и по этой причине руководство китайской армии и советские военные советники порою расходились во мнениях по конкретным вопросам, в частности, это касалось оценки советскими военными советниками уровня армии Китайской Республики как невысокого в сравнении с уровнем армии Советского Союза. Констатация этого факта болезненно воспринималась китайскими военными. Так или иначе, но отдел оказался в центре попыток смягчить разногласия между китайским военным руководством и советскими военными советниками [7]. Таким образом, недопонимание между сторонами все же имело место, однако усилия советской стороны по оказанию помощи своему соседу были очевидны и превосходили по своему значению все негативные моменты, сопровождавшие развитие сотрудничества СССР с китайской стороной.

На фоне призывов советских военных советников, касающихся изменения стратегии военного руководства китайской армии в направлении активизации военных действий на фронтах японо-китайской войны, военные специалисты из СССР столкнулись с ситуацией, когда командование китайской армии не желало принимать разработанные ими оперативные планы. Это уже были серьезные разногласия, тем более что пассивная позиция китайской стороны была тесно связана с надеждами китайского руководства на вступление в японо-китайскую войну Советского Союза. Отметим, что советские военные советники часто слышали неприемлемое для СССР суждение, согласно которому на передний план военной политики Китайской Республики выдвигалась идея немедленного вступления СССР в войну против Японии, ко-

торое «легко положит конец войне» [2, с. 95]. В свете этого стратегического расхождения отдел по делам военных советников Военного совета начал терять свое значение.

В 1941 г. отказ Гомиьндана от активизации военных действий против японского агрессора и усиление враждебной позиции по отношению к Коммунистической партии Китая вызвали жесткую реакцию советского правительства: последовало решение о прекращении поставок оружия в Китай и отзыве военных советников и других специалистов. Это адекватное ситуации решение принималось на фоне изменения международного положения: нападение фашистской Германии на СССР потребовало концентрации всех сил и средств и сокращения различного рода финансовых и материальных вливаний советской стороны в Китайскую Республику.

После смерти Чжан Чуна в августе 1941 г. пост руководителя отдела занял Бу Даоин. В связи с началом Великой Отечественной войны Советский Союз не смог в должном объеме продолжать оказывать помощь Китаю. Советские военные советники вернулись на родину. С началом войны на Тихом океане в 1941 г. Чан Кайши активизировал усилия по поиску государств, готовых оказать Китаю поддержку в войне с японским агрессором. Военная помощь, как и военные советники, на этот раз пришли из Великобритании и США.

В изменившейся ситуации потребовалась реорганизация Отдела по делам военных советников. Перед военными советниками и сотрудниками отдела Гомиьндан поставил задачу усиления политической сознательности, которая интерпретировалась с позиции усиления в политике Гомиьндана элементов антикоммунистической направленности и разработки политики предотвращения проникновения в Китай коммунистических идей. Отдел по делам военных советников был преобразован в Отдел по иностранным делам [6, р. 136].

Характеризуя деятельность советских военных советников в начальный период японо-китайской войны, обратим особое внимание на усилия СССР по укреплению военного потенциала Китайской Республики и налаживанию сотрудничества между Гомиьнданом и КПК как основы внутривосточной стабильности и доверительных отношений, так необходимых для развития советско-китайских отношений. В эти годы с помощью Советского Союза была со-

здана система деятельности советских военных советников, повышена планка боеспособности китайской армии, осуществлено преобразование вооруженных сил Китая в армию, способную противостоять японской агрессии, которая таила в себе опасность втягивания в японо-китайскую войну Советского Союза, вряд ли сумевшего бы в те времена выдержать войну на два фронта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Калягин А.Я. По незнакомым дорогам (Записки военного советника в Китае). М.: Наука, 1979.
2. Чуйков В.И. Миссия в Китае. М.: Воениздат, 1983.
3. Лю Танлин. Фу сулянь цайгоу канжи уци дэ хуэйи (Воспоминания о поездке в СССР с целью закупки вооружения для нужд антияпонской войны) // Фаншань вэньши сюаньцзи. Ди и цзи. Пекин, 1988. С. 142–183.
4. Ма Юйунун. Чжан Чун чуань (Биография Чжан Чуна). Пекин: Туаньцзе чубаньшэ, 2012.
5. Сюэ Сяньтянь, Цзинь Дунцзи. Миньго шици чжун су гуанси ши (чжун) (История китайско-советских отношений в республиканский период. Т. 2). Пекин: Чжунгун дан ши чубаньшэ, 2009.
6. Ся Чжунгао. Чжан Чун юй цзюньвэй хуэй гувэньчу (Чжан Чун и Отдел по делам военных советников Военного совета) // Юэцин вэньши цзыляо. 2000. Вып. 4. С. 127–136.
7. Ху Хайянь. Та данжэнь го сулянь цзюньши гувэнь дэ бяньи – цзи канчжань шици дэ кун кэцзя (Он работал переводчиком советских военных советников: воспоминания Кун Кэцзя времен антияпонской войны) // Цзянхуай вэньши. 1993. № 3. С. 73–93.
8. Хуан Ситао. Чжан Хуайнань сяньшэн эр сань ши (Немного о господине Чжан Хуайнане) // Юэцин вэньши цзыляо. 2000. Вып. 4. С. 140–141.
9. Цюй У хуэйи лу (ся) (Воспоминания Цюй У. Т. 2). Пекин: Туаньцзе чубаньшэ, 1998.
10. Чжоу Лиян. Канжи чжаньчжэн цизянь сулянь цзюньши гувэнь цзай чжунго (Советские военные советники в Китае во время антияпонской войны) // Байнянь чао. 2005. № 8. С. 26–34.

REFERENCES

1. Kalyagin, A.Ya., 1979. Po neznakomym dorogam (Zapiski voennogo sovetnika v Kitae)

[Along unknown roads: notes of a Soviet military advisor in China]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

2. Chuikov, V.I., 1983. Missiya v Kitae [Mission to China]. Moskva: Voenizdat. (in Russ)

3. 刘唐领, 1988. 赴苏采购抗日武器的回忆 [Memories of the mission to the Soviet Union to purchase weapons for Anti-Japanese War]. In: 房山文史选辑. 第一辑. 北京, 1988, pp. 142–183. (in Chinese)

4. 马雨农, 2012. 张冲传 [Biography of Zhang Chong]. 北京: 团结出版社. (in Chinese)

5. 薛衔天, 金东吉. 2009. 民国时期中苏关系史) 中 ([The history of Sino-Soviet relations in the Republican Period. Vol. 2]. 北京: 中共党史出版社. (in Chinese)

6. 夏仲高, 2000. 张冲与军委会顾问处 [Zhang Chong and the Department of Military Advisors of the Military Affairs Commission], 乐清文史资料, no. 4, pp. 127–136. (in Chinese)

7. 胡海燕, 1993. 他担任过苏联军事顾问的编译 – 记抗战时期的孔柯嘉 [He served as an interpreter for Soviet military advisors: memories of Kong Kejia during the War of Resistance], 江淮文史, no. 3, pp. 73–93. (in Chinese)

8. 黄希陶, 2000. 张淮南先生二三事 [A few words about Mr. Zhang Huainan], 乐清文史资料, no. 4, pp. 140–141. (in Chinese)

9. 屈武回忆录) 下 ([Qu Wu memories. Part 2]. 北京: 团结出版社, 1998. (in Chinese)

10. 周黎扬, 2005. 抗日战争期间苏联军事顾问在中国 [Soviet military advisors in China during the Anti-Japanese War], 百年潮, no. 8, pp. 26–34. (in Chinese)

*Статья поступила в редакцию 23.11.2023;
рекомендована к печати 02.02.2024*

АРХЕОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ В CIRCUM-PACIFIC

УДК 902.01

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2024-2/30-41>

В.А. Грищенко*

ТРИ ФАЗЫ КУЛЬТУРЫ НАКОНЕЧНИКОВ НА ПЛАСТИНАХ И ПРОЦЕССЫ НЕОЛИТИЗАЦИИ ОСТРОВА САХАЛИН В УСЛОВИЯХ КЛИМАТИЧЕСКИХ ФЛУКТУАЦИЙ КОНЦА БОРЕАЛА – НАЧАЛА АТЛАНТИКА

Статья посвящена хронологии и содержанию периода раннего неолита на острове Сахалин. Автором впервые произведен свод и анализ всех имеющихся радиоуглеродных дат выявленных археологических комплексов в хронологическом интервале 9,5–7,8 тыс. л.н. На основе комплексного анализа источников выделены три хронологических фазы культуры наконечников на пластинах на острове Сахалин и прослежен процесс локализации данной культуры в конце периода на юге острова. Данные явления наблюдаются на фоне процесса неолитизации, понимаемой как адаптивная реакция коллективов, населяющих острова, на климатические изменения конца плейстоцена – начала голоцена.

Ключевые слова: остров Сахалин, ранний неолит, культура наконечников на пластинах, леворучьинский комплекс, неолитизация

Three phases of the blade arrowheads culture and the neolithization of Sakhalin Island under climatic changes of Late Boreal – Early Atlantic.
VYACHESLAV A. GRISHCHENKO (Sakhalin State University, Yuzno-Sakhalinsk, Russia)

The article is devoted to the chronology and content of the Early Neolithic period on Sakhalin Island. It presents the compilation and analysis of all available radiocarbon dates of identified archaeological complexes in the chronological interval of 9,5–7,8 thousand years ago. Based on a comprehensive analysis of sources, the author identifies three chronological phases of the blade arrowheads culture on Sakhalin Island and traces the process of localization of this culture at the end of the period in the south of the island. These phenomena are seen against the background of the process of neolithization, which is treated as an adaptive response of the communities inhabiting the islands to climatic changes of the late Pleistocene – early Holocene.

Keywords: Sakhalin Island, early Neolithic, blade arrowheads culture, Levoruchinsky complex, neolithization

* ГРИЩЕНКО Вячеслав Александрович, кандидат исторических наук, заведующий Учебным археологическим музеем, доцент кафедры российской и всеобщей истории Института филологии, истории и востоковедения Сахалинского государственного университета, г. Южно-Сахалинск, Россия, v.grishchenko@mail.ru
© Грищенко В.А., 2024

Эпоха неолита в археологии Сахалина и сопредельных островных территорий (остров Хоккайдо и Курильский архипелаг) – время существования нескольких археологических культур, связанных с процессом неолитизации региона, понимаемым нами как система адаптивных реакций человеческих коллективов на меняющиеся внешние условия с целью глубокой эксплуатации среды. Кульминацией этого процесса в регионе стало формирование адаптивной системы «водного» (aquatic) неолита [8]. В этом длительном процессе, который, по последним оценкам, занял период с 13 до 7,8 тыс. л.н.¹ и включал в себя несколько климатических фаз и сменяющих друг друга культур, выделяется период конца бореала – начала атлантика (9,5–7,8 тыс. л.н.) – время прихода на острова культуры наконечников на пластинах (далее – КНП), ее функционирования и исчезновения под влиянием культур среднего неолита. Исходя из данных, полученных в ходе исследований опорных памятников КНП, данная культура появляется на островах 9,5 тыс. л.н. и довольно стремительно охватывает территории от низовьев Амура (стоянка Ямихта) через Сахалин (ранненеолитические комплексы памятников Левый ручей 2, Славная 4) до Хоккайдо (Акацуки, Нумаджири, Хигаси-Кусиро I) и севера Хонсю (Аомори). По нашим представлениям, появление КНП в островном мире северо-востока Азии связано с миграцией на острова в раннем голоцене населения из материковой части континента. Возможными исходными районами миграций служили Забайкалье и Якутия, а в качестве путей проникновения использовались речные системы. Предположительным порталом северного проникновения на острова являлась территория нижнего Амура, где естественным образом сходятся западный (Забайкалье, верхнее и среднее Приамурье) и северный (Якутия) источники миграций. Первые материалы КНП опубликованы японским краеведом Ё. Саито. В 1943 г., комментируя необычные для культур северной Японии находки наконечников стрел на пластинах, он высказал предположение о том, что эта «культура, возможно, распространялась с материковой Азии через Сахалин на Хоккайдо» [17]. Во второй половине XX в. данная тема получила развитие в трудах С. Като [14], Х. Кимура [10; 15], М. Китадзава [16], А.А. Василевского [1].

¹ Здесь и далее применяются калиброванные календарные даты.

экспедиций Сахалинского (под руководством А.А. Василевского, В.А. Грищенко) и Токийского (под руководством Ш. Онуки, М. Фукуда) университетов в 2005–2013 гг. изучение данной тематики было возобновлено [4; 7]. В результате были изучены и датированы стратифицированные комплексы КНП на островах (с севера на юг): о. Сахалин – Левый ручей 2 (ранне-неолитический горизонт), Адо-Тымово 2 (ранне-неолитический горизонт), Пугачево 1, Славная 5, Славная 4, Горнозаводск 2 (ранне-неолитические горизонты); о. Шикотан – Малокурильское 2; о. Хоккайдо – Юбецу-Ичикава. Относительно Сахалина стоит выделить несколько памятников, на которых удалось получить достоверный материал для датирования – это Левый ручей 2 и Адо-Тымово 2 в северной части острова и Славная 4 и 5 в южной. Проведенные работы и полученные результаты позволяют рассматривать данные стоянки в качестве опорных памятников КНП в зоне перехода от материковой к островной суше Азии.

Для установления культурно-хронологической картины в данной работе использованы материалы нескольких археологических объектов, отвечающих критериям информативности, достоверности, проверяемости, комплексности для придания им статуса опорных. В полной мере – насколько это возможно в современных условиях – вышеуказанным критериям соответствуют стратифицированные поселенческие комплексы, где наборы артефактов (керамики и каменного инвентаря) надежно связаны с объектами (жилищами и очагами) и, как следствие, с материалом радиоуглеродного датирования. Из всего массива данных, относимых исследователями к периоду раннего неолита о. Сахалин, выделены следующие опорные памятники: поселения Левый ручей 2, Адо-Тымово 2, Славная 4 и стоянка Славная 5 (Рис. 1). Выделив на данных памятниках разновременные культурно-хронологические компоненты и датировав их, мы получили довольно четкую картину трех временных фаз, включающих на всем своем протяжении ранне-неолитические пластинчатые комплексы, которые постепенно замещаются комплексами бифасиально-отщеповой индустрии. Современная хронология КНП о. Сахалин (Табл. 1) строится на основе набора радиоуглеродных дат с сигмами не более 100 лет, полученных в разных лабораториях как методом жидкостно-сцинтиллярного счета (LCS), так и ускоренной масс-спектрометрией (AMS).

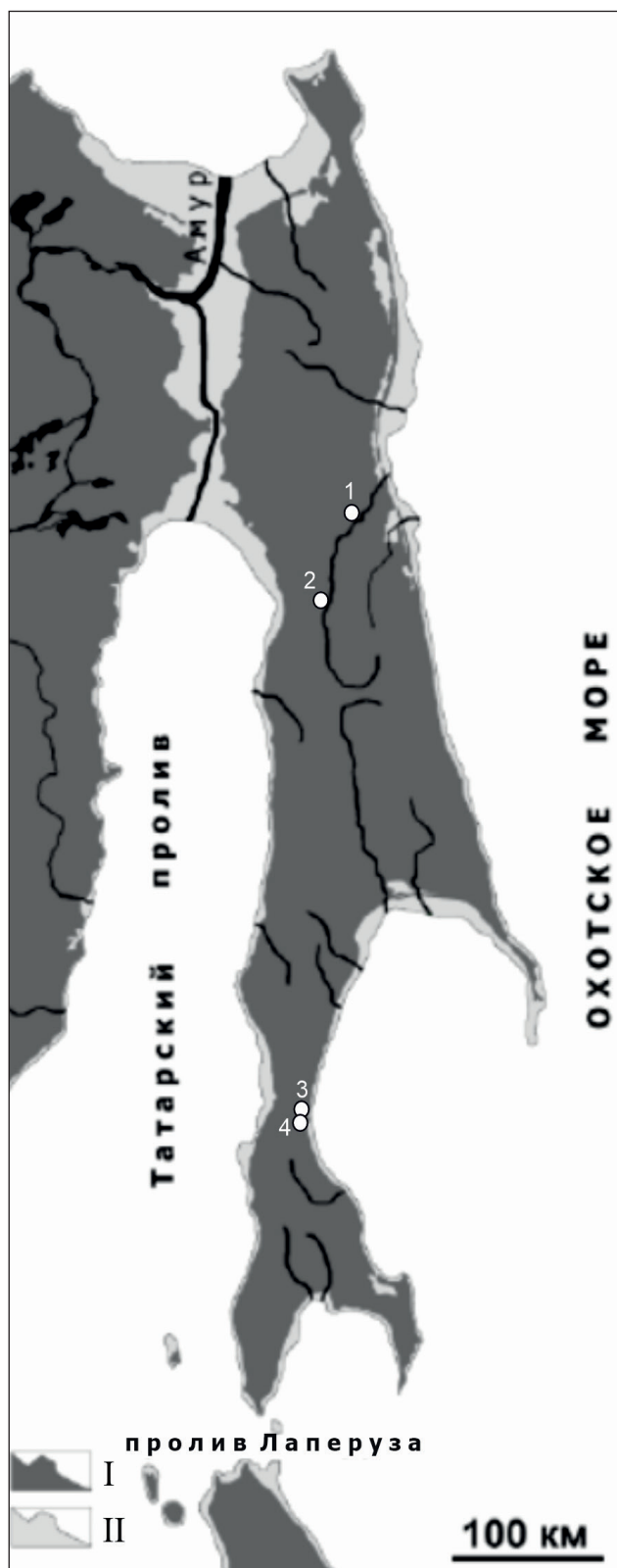

Рис. 1. Карта расположения упоминаемых в статье памятников: 1 – Левый ручей 2; 2 – Адо-Тымово 2; 3 – Славная 5; 4 – Славная 4. Очертания береговой линии о. Сахалин: I – современная береговая линия; II – примерные очертания береговой линии около 8 тыс. л.н. [6]

Материалами для датирования выступили древесные угли из археологических объектов (очагов и жилищ) и угольки со стенок керамических сосудов (нагар). Возможные искажения дат по нагару вследствие т.н. «эффекта резервуара» в данном анализе исключаются перекрестным датированием по очажным углям на опорных памятниках. Последствия возможного удревления прямых датировок керамики отмечены только на материалах датирования нагара леворучьинского комплекса, что, по-видимому, характерно для бассейна р. Тымь, т.к. имеет повторяющийся эффект в материалах более поздней имчинской неолитической культуры. По этой причине данные датировок нагара леворучьинского комплекса здесь не учитываются. При калибровке массива радиоуглеродных дат КНП и леворучьинского комплекса выявлена их концентрация по трем хронологическим группам (фазам), границы и состав которых описаны ниже.

Фаза I (9,5–9 тыс. л.н.). Наиболее ранним комплексом КНП на о. Сахалин являются материалы слоев 4 и 5 раскопа 2 поселения Славная 4, где выявлено два жилища и набор артефактов пластинчатого и бифасиально-отщепового расщепления, включая и шлифованные изделия (тесла и стержни) (Рис. 2: 1–14). Керамический инвентарь ранне-неолитического комплекса Славной 4 содержит фрагменты тонкостенной керамики с минеральным отощителем в тесте, с характерным отпечатком раковины моллюска на донце сосуда. На о. Хоккайдо данный прием характерен для керамики типа Тэннеру (Акацуки).

На северном Сахалине данный хронологический отрезок представлен датой из очага № 1 из межжилищного пространства пункта 1 поселения Левый ручей 2, где на низкой террасе р. Тымь между жилищами имчинской неолитической культуры III тыс. до н.э. зафиксированы два очага и коллекция артефактов, включающая малые и средние пластины (Рис. 3: 3–15), конический нуклеус параллельного принципа расщепления (Рис. 3: 1) и полиэдрический резец (Рис. 3: 2). В сырьевом отношении данный набор артефактов, выполненный из серого кремня, резко контрастирует с яшмовым бифасиально-отщеповым комплексом жилищ обоих пунктов поселения Левый ручей 2. Любопытно, что подобное сочетание в рамках общего месторасположения комплексов имчинской неолитической культуры и пластинчатых ранне-неолитических артефактов характерно и для ряда других поселений нижней части долины

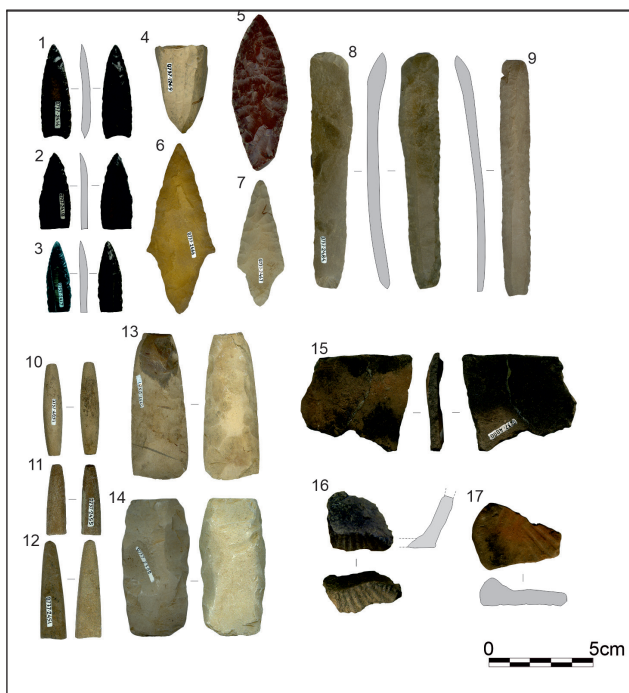

Рис. 2. Артефакты I фазы КНП из южной части о. Сахалин: ранненеолитический слой поселения Славная 4

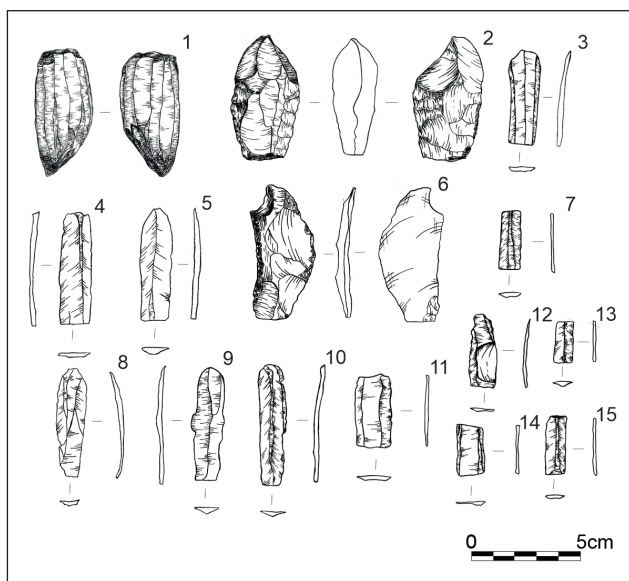

Рис. 3. Артефакты I фазы КНП из северной части о. Сахалин: комплекс межжилищного пространства поселения Левый ручей 2, пункт 1

р. Тымь [3]. Датирование древесных углей из очагов межжилищного пространства пункта 1 поселения Левый ручей 2 дает календарный возраст в диапазоне 9395–8219 л.н. (Табл. 1: № 12, 13), что соответствует времени существования I и II фаз раннего неолита острова. Такая «растяжка» дат на отрезок больше 1 000 лет, возможно, искажена датой из очага № 2 (СОАН-8590),

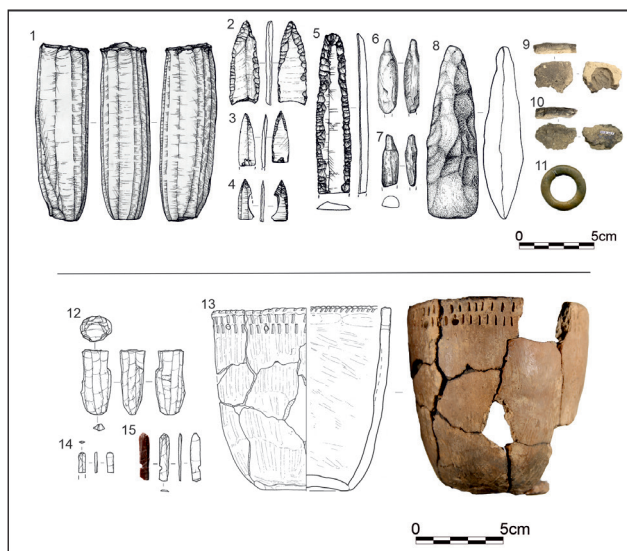

Рис. 4. Артефакты II фазы КНП о. Сахалин: 1–11 – раскоп 1–2 (2006/8) стоянки Славная 5; 12–15 – ранненеолитический слой поселения Адо-Тымово 2

у которой сигма превышает 100 лет. В целом, учитывая однокомпонентный характер коллекции ранненеолитического слоя пункта 1 поселения Левый ручей 2, предлагаем опереться на дату из очага № 1 и отнести коллекцию пластинок к фазе I, синхронной описанному выше комплексу Славной 4.

Фаза II (9–8,3 тыс. л.н.). Данный хронологический отрезок представлен материалами раскопов 1 и 2 (2006/2008 гг.) стоянки Славная 5, располагавшихся на морской аккумулятивной террасе высотой 14–15 м над уровнем Охотского моря. Главной отличительной чертой коллекции Славной 5 (Рис. 4: 1–11) является исключительная ориентация на параллельное пластинчатое расщепление и, как следствие, отсутствие в инвентаре бифасиальных изделий. При этом яркие неолитические инновации – шлифованные тесла, стержни, украшение (шлифованное каменное кольцо) и керамика – присутствуют в коллекции, составляя значительную часть комплекса находок. Еще одной отличительной чертой Славной 5 является значительная доля хоккайдского обсидиана [9] в инвентаре: из данного сырья изготовлено 50,1% всех артефактов, 52,4% всех орудий (исключая тесла, топоры, отбойники, грузила, стержни) и 84,8% всех нуклеусов. Такая доля артефактов из обсидиана аномальна для неолита Сахалина. Еще одной возможной составляющей данного хронологического отрезка являются материалы ранне-неолитического слоя поселения Адо-Тымово 2,

Радиоуглеродные даты памятников раннего неолита о. Сахалин

№	Лабораторный индекс	14C, л.н.	Cal BP (± 2 σ) 95.4 %	Памятник	Контекст	Материал датирования	Фаза
1	МТС-16742	8410±50	9531–9299	Славная 4	Раскоп 2, слой 5, керамика (внутренняя поверхность)	Керамика	I
2	МТС-16743	8270±50	9427–9033	Славная 4	Раскоп 2, слой 5, керамика, венчик (внутренняя поверхность)	Керамика	I
3	МТС-16744	8370±50	9525–9150	Славная 4	Раскоп 2, слой 3, керамика, венчик (внутренняя поверхность)	Керамика	I
4	МТС-16745	8500±50	9544–9437	Славная 4	Раскоп 2, слой 4, керамика, венчик (внутренняя поверхность)	Керамика	I
5	МТС-16746	8450±50	9539–9320	Славная 4	Раскоп 2, слой 4, керамика, венчик (внутренняя поверхность)	Керамика	I
6	МТС-16747	8170±50	9278–9006	Славная 4	Раскоп 2, слой 4, керамика (внутренняя поверхность)	Керамика	I
7	МТС-16748	8260±70	9432–9026	Славная 4	Раскоп 2, слой 4, керамика, донце (внутренняя поверхность)	Керамика	I
8	АА-79416	8135±50	9274–8990	Славная 4	Раскоп 2, слой 5, керамика, венчик (внутренняя поверхность)	Керамика	I
9	АА-79417	8150±50	9275–8996	Славная 4	Раскоп 2, слой 4, керамика (внутренняя поверхность)	Керамика	I
10	SOAN-8587	8105±85	9395–8651	Левый ручей 2, пункт 1	Очаг № 1 в межжилищном пространстве	Уголь	I
12	МТС-17510	8070±60	9257–8652	Адо-Тымово 2	Шурф, слой раннего неолита, керамика, венчик (внутренняя поверхность)	Керамика	I–II
13	МТС-17512	7920±60	8985–8599	Адо-Тымово 2	Шурф, слой раннего неолита, керамика, венчик (внутренняя поверхность)	Керамика	II
11	SOAN-8590	7705±105	8972–8219	Левый ручей 2, пункт 1	Очаг № 2 в межжилищном пространстве	Уголь	Сигма больше 100 лет
14	МТС-17511	7640±50	8542–8369	Адо-Тымово 2	Шурф, слой раннего неолита, керамика, стенка (внутренняя поверхность)	Керамика	II
15	МТС-16741	7660±50	8547–8375	Славная 4	Раскоп 2, слой 5, керамика, венчик (внутренняя поверхность)	Керамика	II

16	МТС-16749	7920±70	8991–8595	Славная 4	Раскоп 2, слой 4, керамика, донце (внутренняя поверхность)	Керамика	II
17	Beta-324594	7780±40	8637–8447	Славная 5	Раскоп 1–2, 2006/2008 гг., керамика (внутренняя поверхность)	Керамика	II
18	МТС-16739	7825±50	8928–8450	Славная 5	Раскоп 1–2, 2006/2008 гг., керамика, венчик (внутренняя поверхность)	Керамика	II
19	SOAN-8597	7765±90	8975–8380	Левый ручей 2, пункт 2	Жилище № 12, пристеночное заполнение	Уголь	II
20	SOAN-8598	7710±80	8645–8365	Левый ручей 2, пункт 2	Жилище № 12, пол	Уголь	II
21	SOAN-8600	7650±80	8599–8224	Левый ручей 2, пункт 2	Жилище № 14, пристеночное заполнение	Уголь	II
22	МТС-16740	7340±50	8316–8021	Славная 5	Раскоп 1–2, 2006/2008 гг., керамика, венчик (внутренняя поверхность)	Керамика	III
23	МТС-17295	7180±60	8170–7867	Славная 5	Раскоп 3, 2013 г., яма № 1	Уголь	III
24	МТС-17296	7340±70	8329–8015	Славная 5	Раскоп 3, 2013 г., яма № 1	Уголь	III
25	МТС-17297	7120±50	8020–7843	Славная 5	Раскоп 3, 2013 г., яма № 1	Уголь	III
26	МТС-17023	7870±60	8984–8542	Славная 5	Раскоп 3, 2013 г., углистое пятно в слое	Уголь	III
27	МТС-17024	7350±45	8316–8025	Славная 5	Раскоп 3, 2013 г., яма № 1	Уголь	III
28	МТС-17025	7290±50	8188–7981	Славная 5	Раскоп 3, 2013 г., яма № 1	Уголь	III
29	МТС-17026	7430±80	8382–8036	Славная 5	Раскоп 3, 2013 г., углистое пятно в слое	Уголь	III
30	МТС-17120	7110±60	8025–7793	Славная 5	Раскоп 3, 2013 г., керамика, стенка (внутренняя поверхность)	Керамика	III
31	МТС-17121	7250±60	8182–7960	Славная 5	Раскоп 3, 2013 г., керамика, стенка (внутренняя поверхность)	Керамика	III
32	МТС-17122	7250±60	8182–7960	Славная 5	Раскоп 3, 2013 г., керамика, стенка (внутренняя поверхность)	Керамика	III
33	SOAN-8596	7365±90	8365–8015	Левый ручей 2, пункт 2	Жилище № 11, очаг	Уголь	III
34	SOAN-8599	7130±100	8173–7747	Левый ручей 2, пункт 2	Жилище № 13, пол	Уголь	III

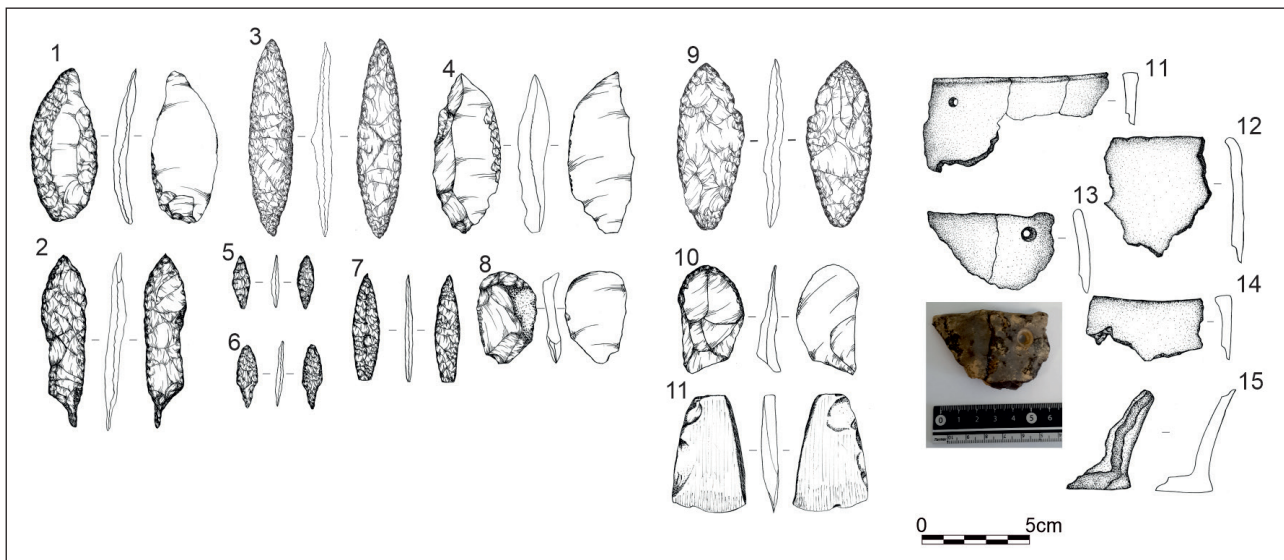

Рис. 5. Артефакты леворучьинского комплекса северной части о. Сахалин, синхронного II фазе КНП: 1–8, 11–15 – жилище № 12; 9–11 – жилище № 14 поселения Левый ручей 2, пункт 2

располагающегося в верхней части долины р. Тымь (северная часть о. Сахалин). Здесь в условиях стратиграфической последовательности зафиксирован комплекс раннего неолита, включающий пол погребенного жилища, керамику и каменный инвентарь. Подробные обстоятельства залегания данных находок, как и история изучения данного памятника, были опубликованы ранее [5]. Коллекция из стратиграфически зафиксированного слоя включает нуклеус конической формы с негативами параллельных снятий, фрагменты пластин и керамику (Рис. 4: 12–15). Датировки керамики Адо-Тымово 2 (Табл. 1: № 14–16) распределяются между группами дат I и II фаз (Рис. 8), что может отражать как промежуточный по хронологии характер комплекса, так и недостаточность данных по данному памятнику (датированы три фрагмента керамики, требуются дополнительные исследования широкой площадью).

Важной особенностью данной фазы является интродукция на остров комплекса, нехарактерного для раннего неолита Сахалина. Этот процесс нашел отражение в материалах, полученных в ходе раскопок пункта 2 поселения Левый ручей 2 [2]. Принципиально коллекцию леворучьинского комплекса выделяет полное отсутствие пластинчатой техники и обсидиана в инвентаре (Рис. 5). Основной принцип расщепления – радиальный, с многоплощадочных дисковидных нуклеусов. Орудия представлены бифасиальными остриями и ножевидными изделиями, большим количеством орудий на отщепках. Инновации материальной культуры – включая керамику, шлифовку

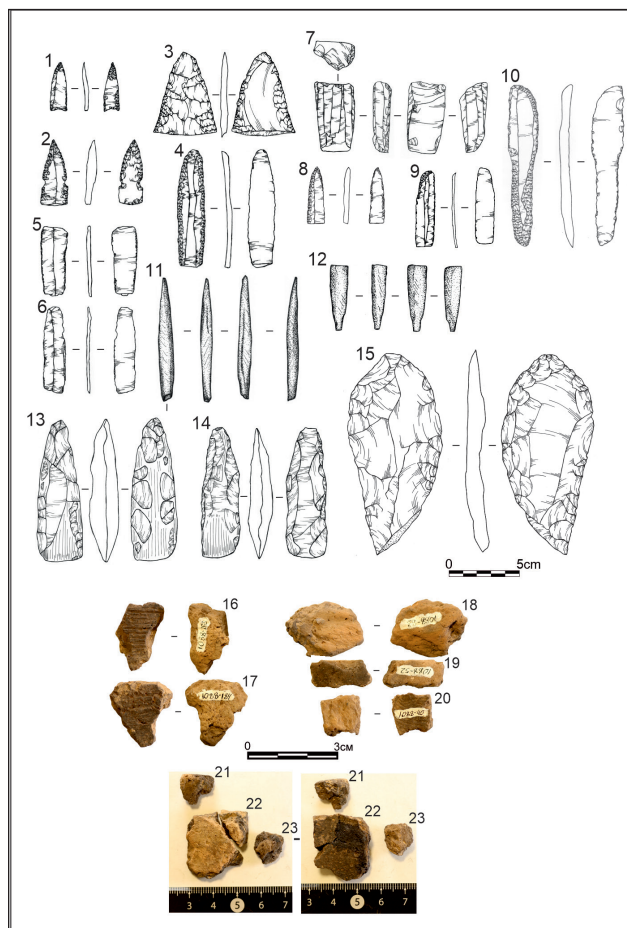

Рис. 6. Артефакты III фазы КНП из южной части о. Сахалин: раскоп 3 (2013 г.) стоянки Славная 5

тесел и топоров, строительство полуподземных жилищ – ярко определяют неолитический характер культуры леворучьинского комплекса. Можно сказать, что в совокупности характер и уровень развития материальной культуры оби-

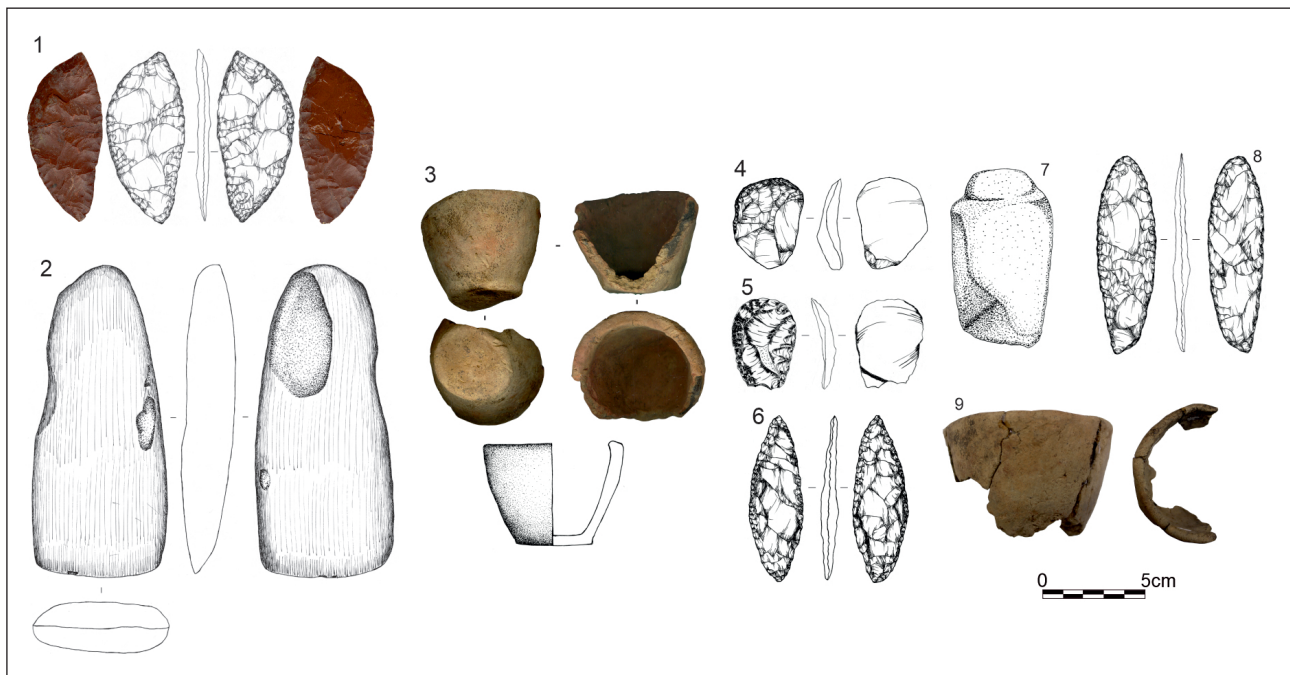

Рис. 7. Артефакты леворучьинского комплекса северной части о. Сахалин, синхронного III фазе КНП: жилище № 13 поселения Левый ручей 2, пункт 2

тателей пункта 2 поселения Левый ручей 2 принципиально соответствует облику последующих неолитических культур Сахалина, вплоть до культур эпохи палеометалла I тыс. до н.э. Из шести раскопанных жилищ (№ 10–15) пункта 2 датировать удалось четыре (№ 11–14). Их датировки делятся на две группы: раннюю (жилища № 12 и 14) и позднюю (жилища № 11 и 13). Соответственно, материалы ранней группы синхронны фазе II, материалы поздней группы – рассматриваемой ниже фазе III.

Фаза III (8,3–7,8 тыс. л.н.) представлена материалами раскопа 3 стоянки Славная 5. Этот раскоп 2013 г. располагался ниже раскопов 1 и 2 (2006/2008 гг.) по поверхности морской аккумулятивной террасы, на отметках 10–11 м над уровнем Охотского моря. Коллекция данного раскопа (Рис. 6: 1–15) представлена комплексом пластинчатого расщепления, включая серию характерных наконечников на пластинах, одноплощадочные нуклеусы параллельного принципа расщепления, орудия на длинных, средних и малых пластинах, шлифованные стержни и тесла. Керамические находки коллекции представлены небольшими фрагментами стенок сосудов (Рис. 6: 16–23). Керамика грубая, тонкостенная (до 5–7 мм), с грубосортированной минеральной примесью. Черепок ломкий, желто-коричневого цвета. Из орнаментальных приемов отмечен прочес по внутренней стенке сосуда, что является техническим приемом

изготовления керамического контейнера. Иных следов орнаментации не отмечено. Датировка данного комплекса находок проведена по углю из пятен в культурном слое и нагару на керамике (Табл. 1). Даты хорошо согласуются между собой в интервале рассматриваемой хронологической фазы раннего неолита (Рис. 8).

С радиоуглеродными датами раскопа 3 Славной 5 коррелируют датировки жилищ № 11 и 13 леворучьинского комплекса (Рис. 7), имеющего сходный облик во всех жилищах пункта 2 поселения Левый ручей 2. Так же, как и в жилищах № 12 и 14, в жилищах № 11 и 13 каменная индустрия представлена отщепово-бифасиальным комплексом с использованием яшмоидов красного цвета в качестве сырья. Керамический инвентарь представляет собой плоскодонные неорнаментированные сосуды однотипной формы: широкое устье и сужающееся к донцу тело. Керамика грубая, с крупными включениями минеральной примеси.

В рассматриваемом выше хронологическом интервале 9,5–7,8 тыс. л.н. в рамках периода раннего неолита и функционирования на всем протяжении этого отрезка КНП наблюдаются перерывы в массиве дат, которые формируют хронологические фазы I, II, III, четко фиксируемые в графике на калибровочной кривой (Рис. 8). В связи с этим возникает вопрос о причинах прерывного существования культур и интрузий на острова пришлого населения в условиях развития непрерывного процесса неолитизации,

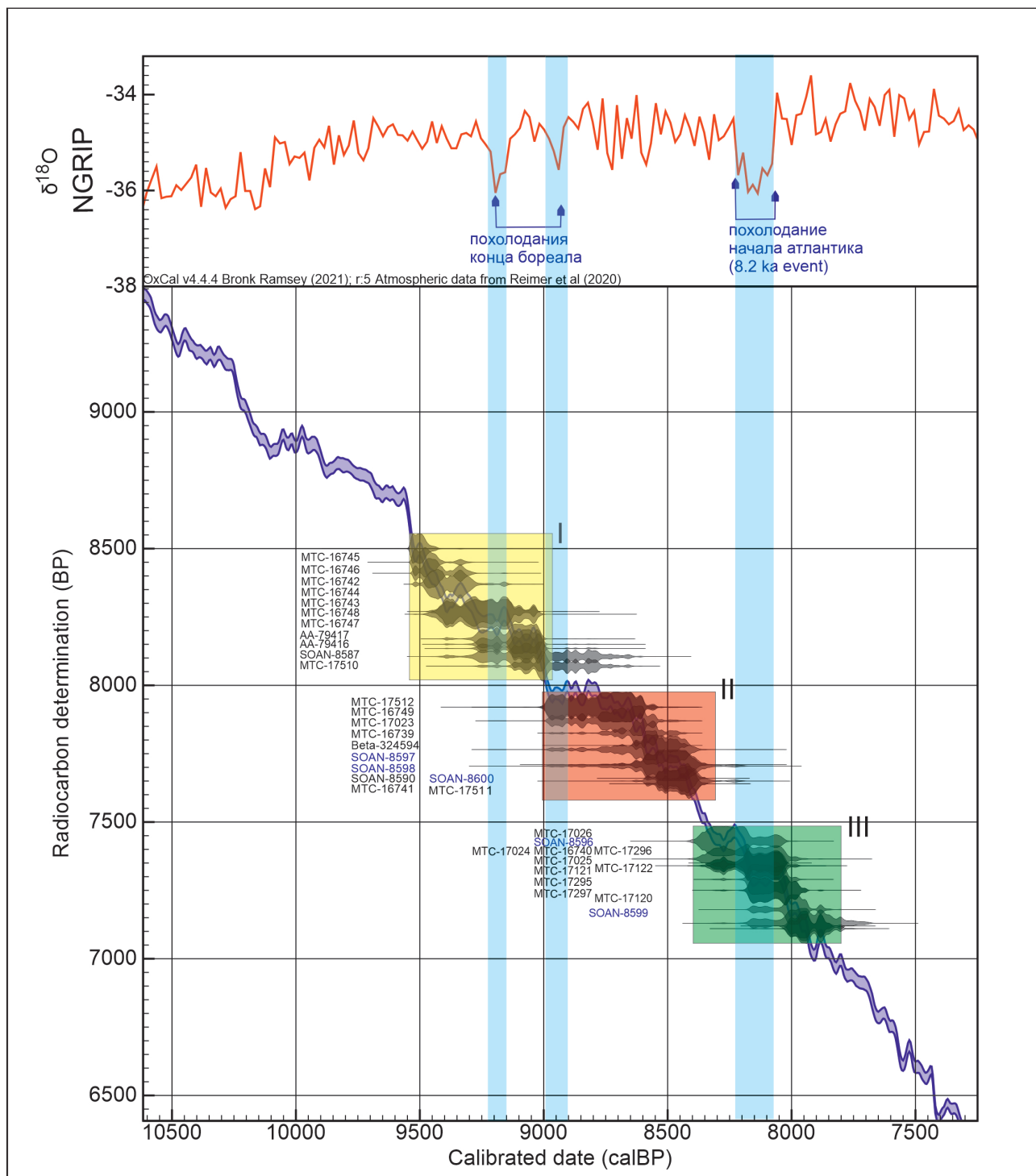

Рис. 8. Радиоуглеродная хронология трех фаз раннего неолита о. Сахалин и климатическая кривая [12]:
 I – Славная 4, раскоп 2, 2006 г.; Левый ручей 2, пункт 1, межжилищный ранненеолитический комплекс;
 Адо-Тымово 2, ранненеолитический комплекс;
 II – Славная 5, раскопы 1–2, 2006/2008 гг.; Левый ручей 2, пункт 2, жилища № 12, 14;
 III – Славная 5, раскоп 3, 2013 г.; Левый ручей 2, пункт 2, жилища № 11, 13

понимаемого как внедрение и использование инноваций в материальной культуре с целью формирования наиболее адекватных обстановке адаптивных реакций на внешние вызовы. При этом главной целью неолитизации как процесса на островных территориях является формирова-

ние устойчивых приемов извлечения пищевых ресурсов, т.е. в конечном счете энергии в виде калорий, из окружающей среды, включая водную морскую. В этой связи следует обратить внимание на описанные историко-культурные процессы в контексте планетарных климати-

ческих изменений. Принципиально в качестве главной причины движений социумов на острова рассматриваются климатические флуктуации аллерёда – молодого дриаса – голоцена. При этом похолодания климата, по-видимому, выступают в качестве драйверов миграций, особенно ярко это видно на примере голоценовых похолоданий конца бореала 9,4–8,8 тыс. л.н. и начала атлантика 8,2 тыс. л.н. Эти события отмечаются увеличением количества кислорода в соответствующих слоях ледовых скважин Гренландии [12], сталагмитов пещеры Хулу (Китай) [13], а также уменьшением доли пыльцы термофильных растений в палинологических спектрах торфяника Хоэ (северо-запад Сахалина) [11] и других разрезов Сахалина [6]. Эти климатические события начала голоцена совпадают в конце бореала с функционированием I фазы, а затем со сменой I и II фаз КНП, а похолодание начала атлантика совпадает с функционированием III фазы КНП и леворучьинского комплекса.

Следующий аспект дискуссии касается содержания периода раннего неолита и его места в процессе неолитизации островного мира Северо-Восточной Азии. Традиционно комплексы пластинчатой индустрии раннего неолита островных территорий северо-востока Азии объединяются в рамках культуры наконечников на пластинах, при этом важный маркер культурной идентификации – однородный состав керамического инвентаря – в данном случае не наблюдается. С точки зрения керамического комплекса КНП отличает значительная гетерогенность: в ранне-неолитических слоях обнаружена керамика с органической и минеральной примесью, с различной толщиной стенки и качеством теста – пористая толстостенная и плотная тонкостенная. Также различался температурный режим обжига и способы орнаментации. Данная особенность ярко иллюстрируется выделенными раннее многочисленными керамическими типам КНП на о. Хоккайдо [16] и подтверждается данными сахалинских памятников.

Каменная индустрия КНП характеризуется доминирующим значением пластинчатого расщепления, основанного на редукции конического нуклеуса, с присутствием в комплексе бифасиальных ножей и наконечников, а также орудий на отщепках. Все три фазы раннего неолита о. Сахалин отмечены присутствием традиции пластинчатого расщепления с характерным приемом оформления наконечников метательных орудий на средней или малой пластине с четко читаемым элементом – ограненной дорсальной

стороны и гладкой вентральной. Этот культурно значимый признак был подмечен еще в стадии первоначального изучения и стал в конечном итоге эпонимом. Важной отличительной чертой каменной индустрии является наличие представительной серии разнообразных по размерам, форме и способам оформления орудий деревообработки (топоров, тесел, долот, стамесок), выполненных в технике оббивки и шлифовки поверхности, а также присутствие в инвентаре стоянок и поселений оригинальных шлифованных изделий – каменных стержней (составных частей рыболовных крючков и грузил) и необработанных или с незначительной долей обработки галек – грузил для рыболовных сетей.

Важным для понимания историко-культурных процессов на островах северо-востока Азии в период функционирования комплексов КНП является факт сосуществования данной культуры с комплексом отщепово-бифасиального расщепления (леворучьинский комплекс), ставшим предвестником доминирующей традиции расщепления в последующих культурах неолита Сахалина. Таким образом, технология пластинчатого расщепления выступает скорее не этапным, а культурным признаком, связанным с движением определенных групп населения, а переход от пластинчатой к бифасиально-отщеповой технике не является продуктом эволюционного развития техники расщепления камня. Тем не менее, в качестве доминирующей стратегии эпохи неолита на островах рассматривается отщепово-бифасиальная техника, сменившая пластинчатое расщепление безвозвратно. Достоверные датировки леворучьинского комплекса показывают его синхронность с II и III фазами КНП, а его состав прямо указывает на превалирование в данном комплексе неолитических инноваций: четко фиксируемые жилища-полуземлянки, маркирующие стратегию оседлых поселений, значительно большая доля керамики в инвентаре, ориентация на местные минеральные ресурсы. Строительство долговременных сооружений в виде жилищ-полуземлянок является маркером оседлости как стратегии расселения, а также адаптивной реакцией на суровые островные условия. Любопытно, что фиксируемые в I фазе КНП на южном Сахалине (Славная 4, раскоп 2) заглубленные жилища в последующих фазах КНП не фиксируются ни на Сахалине (Славная 5), ни на севере Хоккайдо (Юбецу-Ичикава). Скопления археологического материала на этих памятниках фиксируются в составе концентраций,

приуроченных к углистым пятнам – возможно, небольшим очагам. На южном и северном Сахалине все известные памятники КНП относятся к типу стоянка, то есть не имеют выраженных жилищных впадин. Леворучьинский комплекс Северного Сахалина, синхронный II и III фазе КНП, функционирует в составе поселения из шести жилищ-полуземлянок, то есть демонстрирует устойчивую традицию домостроительства. Эта тенденция получит дальнейшее развитие в последующих неолитических культурах Сахалина, Хоккайдо и Курил.

Таким образом, неолитизацию островных территорий Северо-Восточной Азии можно рассматривать как цепь задач по адаптации в условиях глобального голоценового потепления и перехода от полуостровной в рамках Сахалино-Хоккайдско-Курильского полуострова к островной в современных очертаниях суши. В рамках функционирования трех фаз КНП решались задачи по освоению водной среды: устойчивое движение людей между островами и вдоль побережий происходило с целью эксплуатации биологических и транспортных ресурсов водной среды. Особенно ярко решение этих задач демонстрируют материалы раскопок стоянок Славная 5 и Юбецу-Ичикава. Похолодания конца бореала и начала атлантика провоцируют локализацию носителей КНП на южном Сахалине и севере Хоккайдо и проникновение на Сахалин с севера леворучьинского комплекса, обладающего устойчивыми адаптивными реакциями, которые в конечном счете определили облик островного неолита.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Василевский А.А. Каменный век острова Сахалин. Южно-Сахалинск: Сахалинское книжное издательство, 2008.
2. Грищенко В.А. Леворучьинский комплекс ранней фазы среднего неолита острова Сахалин. Раскопки поселения Левый ручей 2, пункт 2 в 2011 г., раскоп № 2. Южно-Сахалинск, 2018.
3. Грищенко В.А. О возрасте и составе имчинского бескерамического комплекса и имчинской неолитической культуры // Третьи краеведческие чтения (памяти Ю.В. Кнорозова): сборник материалов межрегиональной научной конференции (Южно-Сахалинск, 6–8 декабря 2022 г.). Калининград, 2023. С. 172–179.
4. Грищенко В.А. Ранний неолит острова Сахалин. Южно-Сахалинск: СахГУ, 2011.
5. Грищенко В.А. и др. Новые исследования поселения Адо-Тымово 2 (результаты работ совместной российско-японской экспедиции 2014–2015 гг.) // Археология Circum-Pacific: памяти Игоря Яковлевича Шевкомуда: сборник статей. Владивосток: Рубеж, 2017. С. 136–142.
6. Микишин Ю.А., Гвоздева И.Г., Петренко Т.И. Ранний голоцен Сахалина // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. № 12. С. 432–437.
7. Fukuda, M., 2015. New insights from the 2013 archaeological excavations at the initial Jomon settlement of Yubetsu-Ichikawa. In: Fukuda, M. ed., 2015. Archaeological study on the Neolithization / Jomonization process in the northern boundary region of the Japanese Archipelago: Research of the Yubetsu-Ichikawa site. Kashiwa; Kitami, pp. 157–160.
8. Gibbs, K. et al., 2017. Exploring the emergence of an ‘Aquatic’ Neolithic in the Russian Far East: organic residue analysis of early hunter-gatherer pottery from Sakhalin Island. *Antiquity*, Vol. 91, no. 360, pp. 1484–1500.
9. Izuho, M. et al., 2017. Obsidian sourcing analysis by X-ray fluorescence (XRF) for the Neolithic sites of Slavnyaya 4 and 5, Sakhalin Islands (Russia). *Archaeological Research in Asia*, Vol. 12, pp. 54–60.
10. Kimura, H. ed., 1999. The blade arrowhead culture over Northeast Asia. Sapporo: Sapporo University.
11. Leipe, C. et al., 2015. Late Quaternary vegetation and climate dynamics at the northern limit of the East Asian summer monsoon and its regional and global-scale controls. *Quaternary Science Reviews*, Vol. 116, pp. 57–71.
12. Svensson, A. et al., 2006. The Greenland ice core chronology 2005, 15–42 ka. Part 2: comparison to other records, *Quaternary Science Reviews*, Vol. 25, no. 23–24, pp. 3258–3267.
13. Wang, Y.J. et al., 2001. A high-resolution absolute-dated Late Pleistocene Monsoon record from Hulu Cave, China. *Science*, Vol. 294, no. 5550, pp. 2345–2348.
14. Като: С. Сэкидзинзоку ни цуите (Наконечники стрел на пластинах) // Буситсу бунка. 1963. № 1. С. 3–18.
15. Кимура Х. Сэкидзинзоку бунка ни цуите (Культура наконечников на пластинах) // Эгами Намио кё:дзю коки кинэн ронсю:. Ко:ко бидзюцу-хэн. Токио: Ямакава сюппанся, 1976. С. 1–27.
16. Китадзава М. Дзё:мон со:ки хирадзоко доки-гун но ё:со: (Особенности плоскодонной керамики раннего Дзёмона) // Кайкё: то кита но ко:когаку. Кусиро, 1999. С. 273–363.

17. Саито: Ё. Кусимэмон сэнтэйдоки о дзуйхан-суру сайсэки исэки (Стоянки с микропластинками и остродонной керамикой, орнаментированной гребенчатыми штампами) // Ко:кугаку засси. 1943. Т. 33. № 7. С. 29–60.

REFERENCES

1. Vasilevskii, A.A., 2008. Kamennyi vek ostrova Sakhalin [The Stone Age of Sakhalin Island]. Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalinskoe knizhnoe izdatel'stvo. (in Russ.)

2. Grishchenko, V.A., 2018. Levoruch'inskii kompleks rannei fazy srednego neolita ostrova Sakhalin. Raskopki poseleniya Levyi ruchei 2, punkt 2 v 2011 g., raskop № 2 [The Levoruchinsky complex of the early phase Middle Neolithic on Sakhalin Island. Excavation of the Levy Ruchey 2, point 2 settlement in 2011, excavation area no. 2]. Yuzhno-Sakhalinsk. (in Russ.)

3. Grishchenko, V.A., 2023. O vozraste i sostave imchinskogo beskeramicheskogo kompleksa i imchinskoi neoliticheskoi kul'tury [On the age and content of the nonceramic complex at Imchin and the Imchin Neolithic culture]. In: Tret'i kraevedcheskie chteniya (pamyati Yu.V. Knorozova): sbornik materialov mezhtseleynoi nauchnoi konferentsii (Yuzhno-Sakhalinsk, 6–8 dekabrya 2022 g.). Kaliningrad, 2023, pp. 172–179. (in Russ.)

4. Grishchenko, V.A., 2011. Rannii neolit ostrova Sakhalin [Early Neolithic of Sakhalin Island]. Yuzhno-Sakhalinsk: SakhGU. (in Russ.)

5. Grishchenko, V.A. et al., 2017. Novye issledovaniya poseleniya Ado-Tymovo 2 (rezul'taty rabot sovmestnoi rossiisko-yaponskoi ekspeditsii 2014–2015 gg.) [New research of Ado-Tymovo 2 site (results of the joint Russian-Japanese expedition of 2014–2015)]. In: Arkheologiya Circum-Pacific: pamyati Igorya Yakovlevicha Shevkomuda: sbornik statei. Vladivostok: Rubezh, 2017, pp. 136–142. (in Russ.)

6. Mikishin, Yu.A., Gvozdeva, I.G. and Petrenko, T.I., 2010. Rannii golotsen Sakhalina [Early Holocene of Sakhalin Island], Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk, no. 12, pp. 432–437. (in Russ.)

7. Fukuda, M., 2015. New insights from the 2013 archaeological excavations at the initial Jomon settlement of Yubetsu-Ichikawa.

In: Fukuda, M. ed., 2015. Archaeological study on the Neolithization / Jomonization process in the northern boundary region of the Japanese Archipelago: Research of the Yubetsu-Ichikawa site. Kashiwa; Kitami, pp. 157–160.

8. Gibbs, K. et al., 2017. Exploring the emergence of an 'Aquatic' Neolithic in the Russian Far East: organic residue analysis of early hunter-gatherer pottery from Sakhalin Island. *Antiquity*, Vol. 91, no. 360, pp. 1484–1500.

9. Izuho, M. et al., 2017. Obsidian sourcing analysis by X-ray fluorescence (XRF) for the Neolithic sites of Slavnaya 4 and 5, Sakhalin Islands (Russia). *Archaeological Research in Asia*, Vol. 12, pp. 54–60.

10. Kimura, H. ed., 1999. The blade arrowhead culture over Northeast Asia. Sapporo: Sapporo University.

11. Leipe, C. et al., 2015. Late Quaternary vegetation and climate dynamics at the northern limit of the East Asian summer monsoon and its regional and global-scale controls. *Quaternary Science Reviews*, Vol. 116, pp. 57–71.

12. Svensson, A. et al., 2006. The Greenland ice core chronology 2005, 15–42 ka. Part 2: comparison to other records, *Quaternary Science Reviews*, Vol. 25, no. 23–24, pp. 3258–3267.

13. Wang, Y.J. et al., 2001. A high-resolution absolute-dated Late Pleistocene Monsoon record from Hulu Cave, China. *Science*, Vol. 294, no. 5550, pp. 2345–2348.

14. 加藤晋平, 1963. 石刃鏃について [On blade arrowheads], *物質文化*, no. 1, pp. 3–18. (in Japanese)

15. 木村英明, 1976. 石刃鏃文化について [On blade arrowhead culture]. In: 江上波夫教授古稀記念論集. 考古・美術編. 東京: 山川出版社, 1976, pp. 1–27. (in Japanese)

16. 北沢実, 1999. 縄文早期平底土器群の様相 [The aspects of flat-bottomed pottery from the early Jomon]. In: 海峡と北の考古学. 釧路, 1999, pp. 273–363. (in Japanese)

17. 斎藤米太郎, 1943. 櫛目紋尖底土器を随伴する細石器遺蹟 [Microblade sites with comb-marked pointed-bottom pottery], *考古学雑誌*, Vol. 33, no. 7, pp. 29–60. (in Japanese)

*Статья поступила в редакцию 22.01.2024;
рекомендована к печати 22.02.2024*

А.С. Малышев*

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ БОХАЙСКИХ ДОМОХОЗЯЙСТВ

В статье дан анализ подходов, методов и методик изучения домохозяйств раннесредневекового государства Бохай (698–926 гг.), проведено разделение понятий «жилище» и «домохозяйство», которое рассматривается как основа для палеоэкономических и социальных исследований в археологии государства Бохай. Автор обосновывает критерии применения эконосоциального подхода для изучения проблемы и дает анализ основных его составляющих в применении к бохайскому материалу.

Ключевые слова: государство Бохай, домохозяйство, адаптация, жилища, хозяйственные зоны

On the issue of studying Bohai households. ALEKSANDR S. MALYSHEV (Far Eastern Federal University; Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia)

The paper analyzes the approaches, methods and techniques for studying households of the early medieval Bohai state (698–926) and makes a division of the concepts of «dwelling» and «household», which is considered as the basis for paleoeconomic and social research in the archeology of Bohai state. The author substantiates the criteria for using the eco-social approach to study the issue and provides an analysis of its main components as applied to Bohai materials.

Keywords: Bohai state, household, adaptation, dwellings, activity areas

Введение

Домохозяйства как часть поселенческой археологии пока мало изучаются в российской науке [31; 32], но представляют большой интерес для палеоэкономических и социальных исследований. Недостаток внимания к ним, возможно, объясняется тем, что нередко жилище и домохозяйство воспринимаются как синонимы. Поэтому важно подчеркнуть различие в содержании этих понятий. Жилище представляет собой археологический объект, а домохозяйство – аналитическую категорию. Как наименьшая единица культурной адаптации общества к

окружающей среде последнее характеризуется совместной производственной деятельностью в процессе освоения ресурсов. Из этого следует, что домохозяйство может включать в себя одно или несколько жилищ, а также хозяйственные сооружения и окружающее пространство.

Целью представленного исследования является выработка подходов, методов и методики изучения домохозяйств в государстве Бохай (698–926 гг.) по материалам бохайских памятников, расположенных на территории российского Приморья (Рис. 1). Государство Бохай охватывало юго-восточную Маньчжурию (КНР),

* МАЛЫШЕВ Александр Сергеевич, аспирант Департамента истории и археологии Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, старший лаборант сектора раннесредневековой археологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, г. Владивосток, Россия, alexandrm463@gmail.com

© Малышев А.С., 2024

север Корейского полуострова (КНДР), а также юго-западную часть Приморского края (РФ) [14; 15]. На территории России систематически раскопки велись на бохайских городищах (Краскинское, Горбатка, Николаевское-I, Николаевское-II, Кокшаровское и др.) и поселениях (Абрикосовское, Константиновское-1, Чернятино-2, Корсаковское-1), что в совокупности составляет обширную источниковую базу [1; 9; 14; 15]. Суммарно было раскопано около 70 жилищ.

На территории КНР известно 70 бохайских поселений. Из них небольшое количество было изучено археологически [33]. Всего было раскопано более 50 жилищ. Жилища схожей конструкции найдены и на территории Приморского края [33].

Наиболее подходящей для реконструкции домохозяйства представляется процессуальная парадигма археологического знания. Археологическая культура в ней понимается как адаптация к меняющимся внешним условиям. По-

скольку домохозяйства формируются как форма приспособления общества к природным и антропогенным условиям, весьма перспективно применение экосоциального подхода [16]. Проецируемый на бохайские домохозяйства, он будет предполагать изучение окружающей среды, с которой взаимодействовали бохайцы; материальной культуры, сложившейся как результат их адаптации к природным условиям; социальной структуры и политической организации, необходимых для поддержания жизнеспособности бохайских коллективов. Сами эти изменения устанавливаются с помощью методов широкого круга дисциплин, в т.ч. естественных наук.

Формирование и современное состояние археологии домохозяйств

В советской археологии понятие «домохозяйство» не использовалось. Но археологи применяли широкий спектр методик, что позволяло им получать сведения, выходящие за рамки изучения жилищ. Исследовались такие аспек-

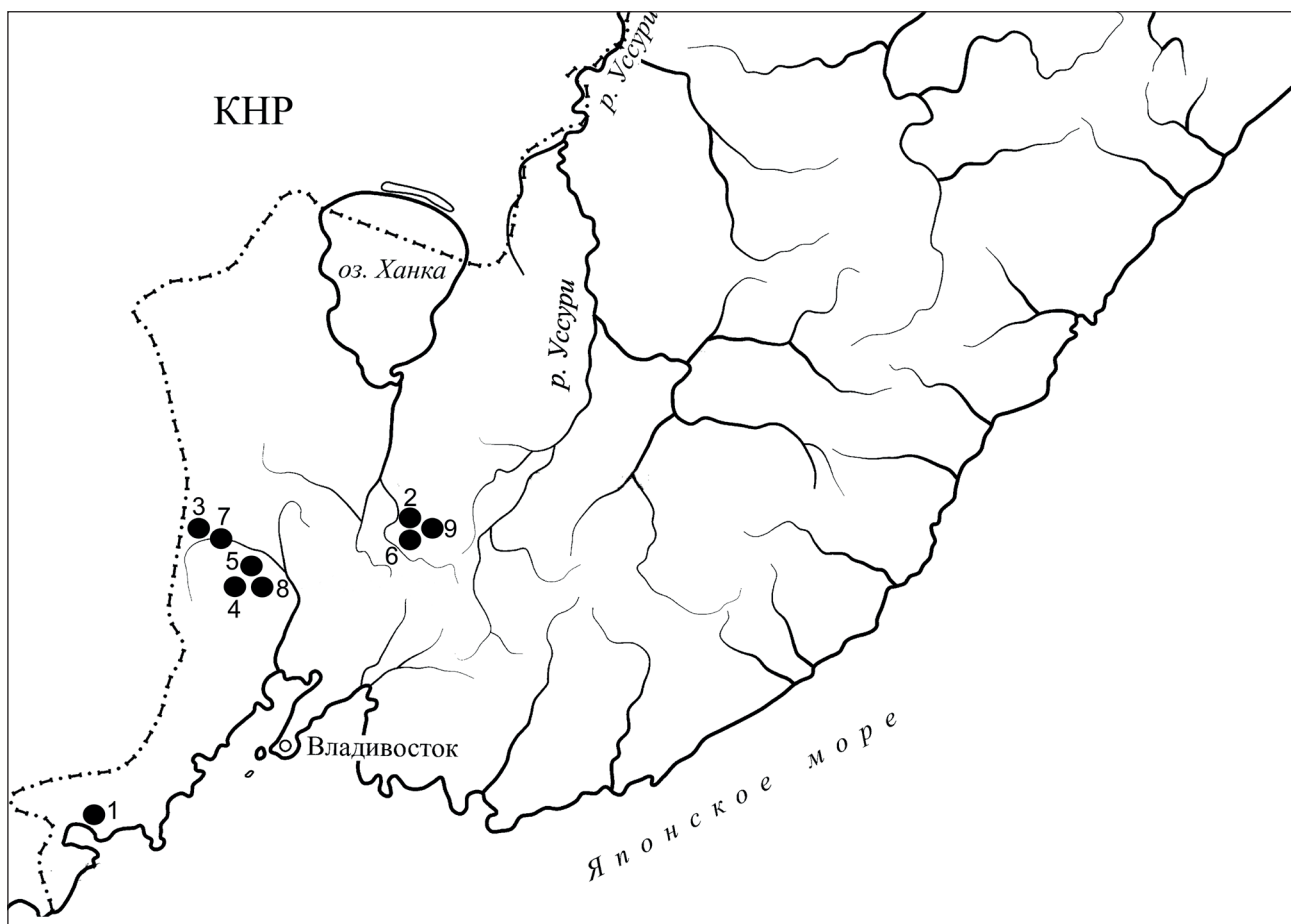

Рис. 1. Карта расположения упоминаемых в статье бохайских памятников:

- 1 – Краскинское городище; 2 – городище Горбатка; 3 – селище Константиновское-1;
- 4 – Корсаковское селище; 5 – Абрикосовское поселение; 6 – городище Николаевское-I;
- 7 – поселение Чернятино-2; 8 – городище Кокшаровское-1; 9 – городище Николаевское-II

ты, как функциональное деление пространства, демографические параметры обществ и их социальная структура. Безусловно, невозможно охватить весь объем литературы по данной проблематике в рамках одной статьи, поэтому ограничимся наиболее репрезентативными, на наш взгляд, публикациями.

В 1955 г. К.А. Раевский публикует материалы исследований в междуречье Днестра-Днепра. На Киселовском поселении был зафиксирован хозяйственный комплекс, состоящий из нескольких жилищ, ремесленных мастерских и загонов для скота. Благодаря высокому качеству раскопок ему удалось определить границы хозяйственных дворов, а также места хранения продуктов. Кроме того, благодаря находкам обломков посуды с семейными знаками собственности автор смог предположить, что каждый дом принадлежал отдельной семье [28].

Значительной вехой в становлении археологии жилищ стали работы В.М. Массона, самая активная деятельность которого пришлась на 1960-е – 1970-е гг. Наиболее показательны его раскопки неолитического поселения Джейтун на территории современного Туркменистана. В результате работ было вскрыто три строительных горизонта поселения. На каждом из них была определена планировка, выделены жилые помещения, различные хозяйственные постройки. Наибольшей его заслугой, на наш взгляд, является комплексность подхода к изучению экономики неолитической джейтунской культуры. Жилище здесь становится отправной точкой для определения особенностей системы жизнеобеспечения. Так, на основании данных об общей кубатуре стен домов автор устанавливает возможное количество трудодней, затраченных на их строительство. Далее, исходя из сравнительной площади домов, а также планировки поселения на уровнях различных строительных горизонтов В.М. Массон делает предположения о размерах семьи, проживавшей в доме (основным типом была малая семья), а также характеристике социального устройства в поселении [23].

В археологии Дальнего Востока системное изучение жилищ кроуновской культуры раннего железного века в контексте задач изучения культурных процессов в рамках экосоциального подхода велось Ю.Е. Вострецовым [7]. Жилища в его исследованиях являются средством и результатом приспособления людей к окружающей среде, особенностям которой автор

уделил значительное внимание. Ю.Е. Вострецов в том числе рассмотрел демографические аспекты развития кроуновской культуры. Основываясь на результатах анализа площади и планировки жилищ, количества очагов, керамических сосудов, на физическом моделировании бытовых процессов, проводя сравнения с этнографическими данными, он определил тип социального организма, занимавшего отдельное жилище, и норму площади пола на человека в разных поселениях и на разных этапах эволюции кроуновской культуры. Исследователь также предпринял попытку реконструкции системы расселения кроуновцев через оценку демографической емкости ландшафта.

В британской и американской археологии изучение домохозяйств начиналось как часть археологии поселений: это направление оформилось примерно в 1960-е – 1970-е гг. [19]. Археологов, разрабатывавших проблемы археологии поселений, интересовал широкий круг вопросов, связанных с поселенческими комплексами: выбор древними обществами места для проживания исходя из наличия ресурсов, особенности паттернов расселения по территории, планировочная структура памятников, используемые населением технологии и т.д. Впоследствии в археологии поселений выделилось два направления – макро – и микроструктурное. Первое изучает модели расселения – распределение поселений в ландшафте в связи с факторами, влияющими на их локализацию. Второе направление рассматривает поселения как отдельные социальные системы. Для него характерно изучение взаимодействия людей с окружающей средой в рамках какой-либо социальной единицы. Одной из таких единиц и является домохозяйство.

В 1982 г. вышла статья «Археология домохозяйств», положившая начало дискуссии о роли домохозяйств в изучении древних обществ [43]. Ее авторы, Ричард Уилк и Уильям Ратье, предложили рассматривать домохозяйство как «базовый социальный компонент жизнеобеспечения, наименьшую и наиболее многочисленную активную группу». По их мнению, домохозяйство состоит из трех элементов: 1) социального, включающего количество членов домохозяйства и отношения между ними; 2) материального – жилищ, зон активности и собственности; 3) поведенческого – деятельности, которая осуществлялась членами домохозяйства. В качестве одного из основных методов ими было

предложено использование этнографических аналогий археологическим культурам. На основании анализа домохозяйств в ряде этнографических и археологических культур авторы выделяют функции домохозяйств, выполнение которых изменяется в зависимости от условий, в которых проживает та или иная группа людей, а именно: производство материальных благ, их распределение, воспроизводство населения, а также передача собственности внутри домохозяйства. Некоторые исследователи истории археологической науки считают, что эта работа стала манифестом нового направления [36].

В наше время археология домохозяйств активно развивается. Выходят в свет различные публикации, проходят семинары и конференции [37]. Авторы, работающие в этом направлении, – в основном американские и британские археологи. Одними из наиболее известных среди них являются Пенелопа Элиссон и Стелла Сувацци. Чаще всего авторы обращаются к материалам Средиземноморья и Мезоамерики. На их основе археологи как реализуют на практике схему, предложенную в 1982 г., так и критикуют ее. Методологически современная археология домохозяйств отходит от процессуализма и стремится объяснить изменения внутри домохозяйств скорее индуктивно, чем дедуктивно. Можно проследить тенденцию, когда исследователи стараются избежать взгляда на домохозяйство только как на адаптацию к изменениям природных условий. Подобные изменения продиктованы наличием случаев, в которых при сходных природных условиях существует множество различных форм организации домохозяйств на одной территории [42].

Источники и методика изучения домохозяйств

Изучение домохозяйств требует особого внимания к используемым источникам. Не все результаты полевых работ пригодны для реконструкции этой единицы адаптации. Методика раскопок «штыками» и недостаточно детальная графическая фиксация находок, применявшаяся нередко археологами на средневековых, в т.ч. бохайских памятниках, во второй половине XX в. привели к тому, что полевая документация этих лет является менее информативной, чем современная, и не позволяет получить такие необходимые сведения, как: 1) границы территории домохозяйства; 2) полный список находок (артефактов и экофактов) и их про-

странственное распределение в раскопе; 3) следы запустения жилища и его дальнейшего разрушения.

Наибольшее количество информации о деятельности, осуществляемой в бохайских домохозяйствах, получено на городищах Горбатка и Краскинское, а также на Абрикосовском поселении в Приморском крае. На городищах исследователи выделяют от 5 до 6 строительных горизонтов в жилых кварталах [14, с. 72]. Под горизонтом здесь следует понимать совокупность относительно синхронных археологических объектов, расположенных на памятнике. Кроме того, было установлено, что в Краскинском городище жилища располагались согласно планировочной структуре, сложившейся не позднее 4-го строительного горизонта [13].

При изучении домохозяйств большое значение имеет подход к сбору информации в поле. Так, для оценки хозяйственной деятельности, осуществлявшейся населением памятника в древности, внимание обращается не только на жилища, но и на межжилищные пространства. Это обусловлено рядом факторов: во-первых, обработка ряда ресурсов была невозможна в доме и могла производиться рядом с ним; во-вторых, важным элементом домохозяйства является хозяйственный двор. Установление зон хозяйственной деятельности позволяет также определить и границы хозяйственного двора (при его наличии). Для определения закономерностей в распределении артефактов эффективным инструментом может стать планиграфический анализ, наиболее полно разработанный в отечественной литературе на палеолитическом материале [27].

Значительную роль играет отбор почвенных проб для последующей водной флотации. Из них извлекаются различные мелкие фрагменты керамики, орудий, а также экофакты, такие как семена растений и мелкие кости животных. Пробы грунта отбираются по возможности со всего раскопа или в наиболее информативных местах, таких как пол жилища, хозяйственные ямы и очаги. Поквадратный и пообъектный анализ образцов почвы позволяют получить наиболее сбалансированную статистическую выборку. Места взятия проб привязываются к сетке плана раскопа для последующего анализа пространственного распределения находок и их плотности. Для обработки проб наиболее перспективным является метод водной флотации, подробно описанный в литературе [30; 41]. Для

определения флоры, окружавшей памятники в бохайское время, и культивируемых населением растений отдельно берутся образцы грунта для споро-пыльцевого анализа [22].

Для реконструкции домохозяйства важна и хозяйственная деятельность, которая осуществлялась в жилище. Особый характер застройки ряда памятников, при котором на месте старых разрушенных жилищ позднее сооружались новые, затрудняет получение таких данных. Обычно в таком случае исследователи выделяют условный «пол» жилища. Это часть заполнения жилища, которая сформировалась в период жизнедеятельности его обитателей. Процесс формирования «пола» частично освещен в литературе [39]. Во время бытования жилища его обитатели ненамеренно оставляли мелкий мусор, который втапывался в пол жилища. Безусловно, происходила периодическая уборка пола помещения, но она не могла полностью устранить скопления мелкой керамики и экофактов. Предположительно, места наибольшей концентрации находок в полу жилища совпадают с местами, где жителями регулярно велась хозяйственная деятельность. Подход не лишен недостатков, однако это оптимальный способ получить информацию об организации пространства жилища. Кроме того, важную информацию можно извлечь из анализа распределения остатков хозяйственной деятельности жителей вокруг жилища. Это позволит определить виды деятельности, которые люди осуществляли в прилегающем пространстве.

Основные аспекты изучения бохайских домохозяйств

Для того, чтобы реконструировать домохозяйство, необходимо учитывать условия, которые формируют окружающую человека среду. В связи с этим можно выделить факторы, определяющие специфику домохозяйств: 1) ландшафтная структура территории, формирующая ресурсную базу домохозяйства; 2) технологии, создаваемые для извлечения ресурсов из конкретной территории и их обработки; 3) социальная структура общества, необходимая для функционирования технологий. Кроме обозначенной последовательности все три фактора в некоторой степени находятся во взаимной зависимости.

Ландшафтная структура территории складывается из климата, рельефа и почв. Определяющим фактором является климат. Особую важ-

ность для исследования представляют сведения о климате в бассейне Японского моря в бохайское время. Работы палеогеографов указывают на более теплые климатические условия, поскольку были обнаружены споро-пыльцевые спектры с большим содержанием пыльцы широколиственных деревьев в материалах, датированных серединой I тыс. н.э. [18, с. 210]. Следует особо отметить создание А.М. Коротким шкалы изменения климата и уровня Японского моря для голоцена [26, с. 16]. Однако информация в ней больше подходит для масштабных реконструкций жизнедеятельности человека на всей протяженности этого геологического периода, чем для работы с куда более коротким периодом существования государства Бохай. Согласно последним исследованиям, климат Приморья в период существования государства Бохай был несколько теплее, чем сегодня – примерно на 2 градуса Цельсия [25]. Исследователи проводят параллели с «эпохой викингов» (VII–XI вв.) и аналогичным потеплением в Европе. Повышается в этот период и уровень моря, однако точные цифры установить достаточно сложно. Можно лишь говорить о появлении морских отложений дальше современной береговой линии. Подобные сведения могут помочь в определении выбора бохайцами мест для проживания, а также в характеристике одного из условий формирования ресурсной базы обитателей прибрежных памятников.

Сталкиваясь с окружающей средой, общество создает технологии, необходимые для извлечения ресурсов из имевшегося потенциального набора. К этим технологиям относятся производство пищи, домостроительство и ремесла. Результатом реконструкции может стать годичный цикл жизнеобеспечения бохайского домохозяйства. Построение годичных циклов известно в археологической литературе [6]. Кроме того, мы имеем дело с земледельческим обществом, которое достигло стадии государства, и некоторое влияние на жизнеобеспечение домохозяйства будет оказывать и обмен – как внутрисоциальный, так и международный.

Земледелие играло основную роль в жизнеобеспечении бохайцев. Животноводство, охота и собирательство находились на второстепенных позициях. Бохайцы использовали для земледелия поймы рек [4]. Раскопанный участок бохайского поля с Николаевского-I городища свидетельствует о наличии грядковой систе-

мы земледелия (Архив ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 713). Аналогичная система фиксируется и у крестьянских хозяйств Маньчжурии начала XX в. [35].

Некоторые из бохайских домохозяйств, судя по всему, специализировались на определенных ресурсах. На городище Горбатка выделен т.н. ремесленный квартал. На его территории осуществлялась обработка металла, кости, дерева, камня, а также глиняных изделий [11, с. 29]. Некоторые исследователи относят последние четыре типа производств к домашним ремеслам [20].

В бохайском домостроительстве известны два основных типа жилищ: полуземлянки и наземные дома [10]. Подобные находки фиксируются на памятниках как российского Приморья, так и КНР. Все они по своей конструкции являются каркасно-столбовыми, о чем свидетельствуют находки столбовых ям. Наиболее распространенный тип жилища со временем изменяется. Если в нижних горизонтах бохайских памятников в основном встречаются полуземлянки, то в более поздних доминируют наземные дома с кановой системой. Существуют также локальные варианты – полуземлянки с канами [15; 34].

Аналогичные исследования проводили и зарубежные ученые. В жилищах, относящихся к XVI–XVII в. и найденных в Джорджии, Рэми Гужон выделил места, в которых были обнаружены скопления керамики, отходов производства и различных бытовых инструментов. Соотнеся находки с видами деятельности, исследователь определил функциональные зоны внутри жилищ. Используя сведения о гендерном разделении труда, Гужон атрибутирует функциональные зоны как «женские» и «мужские» [38].

На уровне домохозяйства производились различные бытовые предметы, не требовавшие специализированных мастерских (изделия из кости, лепные сосуды мохэского типа). Это позволяло обитателям обеспечивать свои собственные потребности. Кроме этого, как показывает анализ бохайской лепной керамики, найденные в соседних домах сосуды имеют сходные элементы в оформлении венчика, манере обработки поверхности и цветовой окраске после обжига [12]. Это говорит о том, что произведенные в одном домохозяйстве сосуды могли передаваться внутри круга родственников и, возможно, соседей.

Вероятно, имел место и обмен на уровне поселения. В литературе есть сведения о распространении круговой керамики на бохайских памятниках. Как указывает на основании петрографического анализа Е.И. Гельман, на бохайских памятниках существовало свое собственное производство керамики [12]. Произведенная одним или несколькими гончарами посуда распространялась там же, где была произведена, и обеспечивала нужды домохозяйств отдельно взятого города или поселения.

Археологические данные позволяют говорить и об обмене на региональном уровне. На территории государства Бохай был распространен сорт керамики с трехцветными глазурями (саньцай). Изначально его стали производить в Китае, и бохайцы переняли традицию его производства. Производимый бохайцами саньцай был распространен только в пределах государства, что свидетельствует о сформировавшемся внутригосударственном рынке. О межрегиональном обмене говорят и находки 15 видов двухстворчатых морских моллюсков на городище Горбатка [14, с. 108]. Оно находится на расстоянии около 100 км от морского побережья, и моллюски, очевидно, были доставлены сюда в результате обмена между континентальным и прибрежным бохайским населением. Помимо моллюсков предметом обмена также являлась и рыба. Об этом свидетельствуют находки костных остатков морских видов рыб на том же памятнике [3].

Для обеспечения функционирования технологий нужны определенные социальные структуры. В частности, для поддержания грядковой системы земледелия необходим трудовой коллектив, соответствующий размеру не менее чем малой семьи. Мы можем попытаться определить размер бохайской семьи по археологическим данным. Для таких расчетов можно использовать жилища. В применении к археологии юга Дальнего Востока существует три подхода. Первый опирается на площадь, необходимую для хозяйственной деятельности одного человека, и применялся к жилищам кроуновской культуры [7]. Второй предполагает анализ объема использовавшихся в жилище сосудов. Исходя из необходимого объема для одного человека рассчитывается размер использовавшейся их семьи [7, с. 72]. Третий же исходит из площади отопительной системы жилища – кана. Площадь кана имеет значение, поскольку в холодное время года все обитатели дома

использовали его в качестве теплого спального места. Данный подход был опробован на чжурчжэньском материале [2].

Мы уже предпринимали попытку расчета количества человек, обитавших в одном жилище. Для этого использовались жилища верхнего горизонта Краскинского городища. Исходя из средней площади канов, мы получили цифру в 7 человек на одно жилище [24]. Однако стоит отметить, что жилища верхнего горизонта Краскинского городища имеют аномально большой для бохайских жилищ размер. Они были использованы для расчетов в силу хорошей сохранности кана. Вместе с тем такой подход не принимает во внимание хозяйственную деятельность человека, организацию спальных мест помимо кана, поэтому для расчетов необходимо учитывать все существующие методики.

Для решения вопроса о бохайской семье интересно обратиться к сведениям о среднем размере хозяйства в эпоху династии Тан. По данным налоговых документов уездов Дунхуан и Турфан, средняя численность одной семьи равнялась 5,5 человека [40]. Кроме этого, можно воспользоваться сведениями о численности проживавших на территории Маньчжурии в начале XX в. китайцев. Е.Е. Яшнов приводит разные цифры – от 14,6 человек в одной семье до 16,4 [35]. Приведенные выше цифры говорят нам, вероятно, о разной методике подсчета, из чего следует вопрос: как именно следует рассчитывать размер семьи? Возможно, применительно к археологическому материалу нужно брать в расчет не одно жилище. Об этом свидетельствует и упомянутый выше случай обмена керамическими сосудами между жителями соседних жилищ.

При изучении домохозяйств требуют особого рассмотрения такие параметры, как зона хозяйственного использования и демографическая емкость изучаемой местности. Зона хозяйственного использования представляет собой условную площадь (точную установить невозможно), в пределах которой население памятника могло потенциально эффективно осуществлять сбор и добычу ресурсов. В литературе принято считать такой зоной 10 км вокруг памятника у охотников-собирателей и 5 км у земледельцев. При этом, стоит отметить, что, согласно этнографическим наблюдениям, земледельцы редко располагали свои поля дальше, чем в 2–3 км от дома [17, с. 332]. Стоит отметить, что не вся земля в указанном радиусе могла быть

пригодна для сбора ресурсов – здесь важную роль играет ландшафтная структура территории. При анализе хозяйственной деятельности нужно понимать, какие ресурсы находились вокруг памятника в изучаемое время. Для того, чтобы определить разницу между сегодняшними условиями и палеогеографическими, можно использовать данные споро-пыльцевого анализа, а также экофакты, найденные на памятнике. Эти сведения позволят охарактеризовать флору и фауну, а также почвы, наполнявшие зону хозяйственного использования в древности.

Демографическая емкость – величина, соответствующая примерному количеству человек, которые могли прокормиться на указанной территории. Для расчета этой величины необходимо не только определить размер зоны хозяйственного использования, но и учитывать особенности рельефа, площадь, доступную под пашню. Кроме этого, нужно знать, какую урожайность могли давать используемые ранее технологии. Для получения подобных сведений можно обратиться к этнографическим аналогиям.

При использовании этнографического материала рассматриваются культуры, проживающие в тех же природных условиях, что и объект археологического исследования, и ведущие такой же тип хозяйства. В нашем случае таким примером могут выступить китайские крестьяне в Маньчжурии первой половины XX в. Их хозяйство активно исследовал Е.Е. Яшнов. Судя по его изысканиям, в среднем хозяйстве с десятины собирали 1 248 кг зерновых [35, с. 122].

Кроме урожайности нам необходимо знать также минимум зерна, потребляемый одним человеком в год. Э.С. Кульпин на материалах Китая XVIII–XX вв. приводит в качестве такого физиологического минимума 300 кг зерновых в год [20]. Если помимо урожайности и потребления мы будем знать площадь пашни, доступной бохайцам на конкретном памятнике, то сможем рассчитать, сколько человек могла обеспечить местность в рамках зоны хозяйственного использования. Однако это будут сведения, полученные только на основе земледелия, без учета безусловно имевших место элементов охоты и собирательства, дававших какое-то количество дополнительных калорий. С помощью полученных сведений можно корректировать демографические расчеты, производимые по археологическому материалу, поскольку мы уже определили максимально возможную численность населения на данной территории.

Выводы

Для реконструкции бохайских домохозяйств представляется оптимальным использование экосоциального подхода. Он предполагает определение природных условий, технологий, созданных для приспособления к ним, и социальных структур, обеспечивающих эти технологии. Анализ природных условий государства Бохай учитывает особенности ландшафтной структуры территории и ее влияния на формирование пригодных для использования человеком ресурсов. Человек выбирает места для проживания, исходя из наличия необходимых ему ресурсов. К процессу их добычи и обработки относятся производство пищи, ее обработка, домостроительство и ремесленное производство. В обществах, достигших стадии государства, имеет значение межрегиональный и международный обмен. Технологии требуют определенного общественного устройства, поэтому необходимо знать тип семьи, поскольку зачастую семья соответствует домохозяйству.

При реконструкции домохозяйств важна информативность используемых источников. Часть материала, полученного во второй половине XX в. из бохайских памятников, содержит меньше сведений, чем материалы современных раскопок. Но в целом собранные за последние полвека данные позволяют судить о жизнедеятельности бохайцев на разных этапах их существования, в т.ч. оценить эффективность их адаптации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асташенкова Е.В., Гельман Е.И. Хозяйственная деятельность населения Абриковского поселения по результатам археологических исследований // Известия лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18. № 3. С. 69–93.
2. Артемьева Н.Г. К демографической характеристике чжурчжэньской семьи // Новое в дальневосточной археологии. Южно-Сахалинск, 1989. С. 18–21.
3. Беседнов Л.Н., Гельман Е.И. Рыболовство у населения бохайского городища Горбатка // Лев Николаевич Беседнов – исследователь древнего рыболовства: сборник научных статей. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2015. С. 229–236.
4. Болдин В.И. Земледелие и животноводство у бохайцев и чжурчжэней Приморья (по материалам археологических исследований): автореф. дис. ... канд. ист. н. Владивосток, 1985.
5. Вострецов Ю.Е. Археологическое изучение поведенческой адаптации древнего населения // Россия и АТР. 2016. № 4. С. 5–18.
6. Вострецов Ю.Е. Годичный цикл жизнеобеспечения на поселении Зайсановка-7: адаптация ранних земледельцев к условиям жизни на побережье Приморья // Северная палеокультура – культурные адаптации в конце плейстоцена и голоцена: материалы международной научной конференции «По следам древних костров» (г. Магадан, 29 августа – 8 сентября 2005 г.). Магадан, 2005. С. 138–142.
7. Вострецов Ю.Е. Жилища и поселения железного века юга Дальнего Востока СССР (по материалам кроуновской культуры): автореф. дис. ... канд. ист. н. Ленинград, 1987.
8. Вострецов Ю.Е. Приморские охотники-собиратели и земледельцы бассейна Японского моря: адаптация и взаимодействие в среднем и позднем голоцене (6500–1800 лет назад): автореф. дис. ... д. ист. н. Санкт-Петербург, 2010.
9. Гельман Е.И. Бохайский город в российской истории: от архимандрита Палладия до наших дней // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 1. С. 60–72.
10. Гельман Е.И. Бохайские жилища и хозяйственные сооружения // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии: материалы международной научной конференции (г. Улан-Удэ, 7–8 апреля 2015 г.). Улан-Удэ, 2015. С. 230–239.
11. Гельман Е.И., Кодзима Е. Бронзолитерное производство бохайцев в долине р. Илистой // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 2. С. 26–30.
12. Гельман Е.И. Внутренняя и внешняя торговля в государстве Бохай // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2019. Т. 25. С. 151–166.
13. Гельман Е.И. Стратиграфия, хронология и периодизация Краскинского городища // Археология евразийских степей. 2023. № 1. С. 25–38.
14. Города средневековых империй Дальнего Востока. М.: Издательство восточной литературы, 2018.
15. Государство Бохай (698–926 гг.) и племена Дальнего Востока России. М.: Наука, 1994.
16. Долуханов П.М. География каменного века. М.: Наука, 1978.
17. История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М.: 1986.

18. Короткий А.М., Караулова Л.П., Троицкая Т.С. Четвертичные отложения Приморья. Стратиграфия и палеогеография. Новосибирск: Наука, 1980.
19. Корякова Л.Н. Формирование и развитие археологии поселений (зарубежный опыт) // Уральский исторический вестник. 2012. № 4. С. 4–13.
20. Кульпин Э.С. Человек и природа в Китае. М.: Наука, 1990.
21. Лещенко Н.В. Домашние ремесла у бохайцев (на основе изучения археологических памятников в Приморье) // Россия и АТР. 2018. № 4. С. 173–189.
22. Лящевская М.С. и др. Палинологические исследования бохайского поселения Абрикосовское (Приморский край) // Поволжская археология. 2022. № 4. С. 22–36.
23. Массон В.М. Поселение Джейтун (Проблема становления производящей экономики). Л.: Наука, 1971.
24. Малышев А.С. О некоторых демографических аспектах изучения Краскинского городища // Humaniora Forum – X научно-практическая конференция студентов и аспирантов: материалы. Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2022. С. 154.
25. Микишин Ю.А., Петренко Т.И., Гвоздева И.Г. Поздняя фаза атлантического периода голоцена на юге Приморья // Успехи современного естествознания. 2019. № 12. С. 96–107.
26. Первые рыболовы в заливе Петра Великого. Природа и древний человек в бухте Бойсмана. Владивосток: Изд-во ДВО РАН, 1998.
27. Разгильдеева И.И. Планиграфический анализ жилищно-хозяйственных комплексов верхнего палеолита Забайкалья. Чита: ЗабГУ, 2018.
28. Раевский К.А. Наземные сооружения земледельцев междуречья Днепра – Днестра в I тыс. н.э. // Советская археология. 1955. № 23. С. 250–277.
29. Сергушева Е.А. Земледелие на территории Приморья в период существования государства Бохай (по археоботаническим и археологическим данным) // Вестник ДВО РАН. 2012. № 1. С. 100–107.
30. Сергушева Е.А. Археоботаника: теория и практика. Владивосток: Дальнаука, 2013.
31. Усачева И.В. Дом и домохозяйство у населения сосновоостровской культуры эпохи позднего неолита в Зауралье: модель промыслово-хозяйственной деятельности // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 4. С. 93–105.
32. Усачева И.В. Дом и домохозяйство в каменном веке Зауралья и Севера Западной Сибири: возможности социально-экономической реконструкции // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 3. С. 73–79.
33. Хэ Юймэн. Изучение бохайских селищ в археологии КНР // Россия и АТР. 2022. № 3. С. 182–200.
34. Хэ Юймэн. Общая характеристика жилищ Бохая (по материалам археологических памятников КНР) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2021. № 1. С. 48–61.
35. Яшнов Е.Е. Китайское крестьянское хозяйство в Северной Маньчжурии: экономический очерк. Харбин: Типография КВЖД, 1926.
36. Beaudry, M.C., 2015. Households beyond the house: on the archaeology and materiality of historical households. In: Fogle, K.R., Nymanmary, J.A. and Beaudry, M.C. eds., 2015. Beyond the walls: new perspectives on the archaeology of historical households. Gainesville: University Press of Florida, pp. 1–8.
37. Douglass, J.G., and Gonlin, N. eds., 2012. Ancient households of the Americas: conceptualizing what households do. Boulder: University Press of Colorado.
38. Gougeon, R.A., 2012. Activity areas and households in the late Mississippian Southeast United States: who did what where? In: Douglass, J.G. and Gonlin, N. eds., 2012. Ancient households of the Americas: conceptualizing what households do. Boulder: University Press of Colorado, pp. 141–162.
39. LaMotta, V.M. and Schiffer, M.B., 1999. Formation process of house floor assemblages. In: Alisson, P.M. ed., 1999. The archaeology of household activities. London: Routledge, pp. 15–23.
40. Liao, T., 2001. Were the past Chinese families complex? Household structures during the Tang Dynasty, 618–907 AD. Community and Change, Vol. 16, no. 3, pp. 300–350.
41. Marston, J.M., Guedes, J.D. and Warinner, C. eds., 2014. Method and theory in paleoethnobotany. Boulder: University Press of Colorado.
42. Souvatzi, S., 2012. Between the individual and the collective: household as a social process in Neolithic Greece. In: Parker, B.J. and Foster, C.P. eds., 2012. Household archaeology: new

perspectives from the Near East and beyond. Winona Lake: Eisenbrauns, pp. 15–43.

43. Wilk, R.R. and Rathje, W. L., 1982. Household archaeology. *The American Behavioral Scientist*, Vol. 25, no. 6, pp. 617–639.

REFERENCES

1. Astashenkova, E.V. and Gel'man, E.I., 2022. Khozyaistvennaya deyatel'nost' naseleniya Abrikosovskogo poseleniya po rezul'tatam arkheologicheskikh issledovaniy [Economic activity of the population of Abrikosovskoe settlement according to the results of archaeological research], *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologii*, Vol. 18, no. 3, pp. 69–93. (in Russ.)

2. Artem'eva, N.G., 1989. K demograficheskoi kharakteristike chzhurchzhen'skoi sem'i [On the issue of demographical characteristics of Jurchen family]. In: *Novoe v dal'nevostochnoi arkheologii. Yuzhno-Sakhalinsk*, 1989, pp. 18–21. (in Russ.)

3. Besednov, L.N. and Gel'man, E.I., 2015. Rybolovstvo u naseleniya bokhaiskogo gorodishcha Gorbatka [Fishing among the population of Bohai walled town Gorbatka]. In: Vostretsov, Yu.E. ed., 2015. *Lev Nikolaevich Besednov – issledovatel' drevnego rybolovstva: sbornik nauchnykh statei*. Vladivostok: IAE DVO RAN, pp. 229–236. (in Russ.)

4. Boldin, V.I., 1985. Zemledelie i zhivotnovodstvo u bokhaitsev i chzhurchzhenei Primor'ya (po materialam arkheologicheskikh issledovaniy) [Agriculture and animal husbandry among the Bohais and Jurchens of Primorye (based on archaeological research materials)], avtoreferat dissertatsii kandidata istoricheskikh nauk. Vladivostok. (in Russ.)

5. Vostretsov, Yu.E., 2016. Arkheologicheskoe izuchenie povedencheskoi adaptatsii drevnego naseleniya [Archaeological study of behavioral adaptation of ancient population], *Rossiya i ATR*, no. 4, pp. 5–18. (in Russ.)

6. Vostretsov, Yu.E., 2005. Godichniy tsikl zhizneobespecheniya na poselenii Zaisanovka-7: adaptatsiya rannikh zemledel'tsev k usloviyam zhizni na poberezh'e Primor'ya [Annual life cycle on the settlement Zaisanovka-7: adaptation of early farmers to living conditions on the coast of Primorye]. In: *Severnaya patsifika – kul'turnye adaptatsii v kontse pleistotsena i golotsena: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Po sledam drevnikh kostrov»* (g. Magadan, 29 avgusta – 8 sentyabrya 2005 g.). Magadan, 2005, pp. 138–142. (in Russ.)

7. Vostretsov, Yu.E., 1987. Zhilishcha i poseleniya Zheleznogo veka yuga Dal'nego Vostoka SSSR (po materialam krounovskoi kul'tury) [Dwellings and settlements of the south of the Soviet Far East (the case of Krounovskaya culture materials)], avtoreferat dissertatsii kandidata istoricheskikh nauk. Leningrad. (in Russ.)

8. Vostretsov, Yu.E., 2010. Primorskie okhotniki-sobirатели i zemledel'tsy basseina Yaponskogo morya: adaptatsiya i vzaimodeistvie v srednem i pozdnem golotsene (6500–1800 let nazad) [Hunters-gatherers and farmers of Japanese sea basin: adaptation and interaction in Mid – to Late Holocene (6500–1800 BP)], avtoreferat dissertatsii doktora istoricheskikh nauk. Sankt-Peterburg. (in Russ.)

9. Gel'man, E.I., 2018. Bokhaiskii gorod v rossiiskoi istorii: ot arkhimandrita Palladiya do nashikh dnei [Bohai town in Russian history: from archimandrite Palladius to present days], *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya*, no. 1, pp. 60–72. (in Russ.)

10. Gel'man, E.I., 2015. Bokhaiskie zhilishcha i khozyaistvennye sooruzheniya [Bohai dwellings and household constructions]. In: *Aktual'nye voprosy arkheologii i etnologii Tsentral'noi Azii: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferents (g. Ulan-Ude, 7–8 aprelya 2015 g.)*. Ulan-Ude, 2015, pp. 230–239. (in Russ.)

11. Gel'man, E.I. and Kodzima, E., 2013. Bronzolitinoe proizvodstvo bokhaitsev v doline r. Ilistoi [Bohai's bronze metallurgy in the Ilistaya River valley], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, no. 2, pp. 26–30. (in Russ.)

12. Gel'man, E.I., 2019. Vnutrennyaya i vneshnyaya trgovlya v gosudarstve Bohai [Domestic and foreign trade in Bohai state], *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii DVO RAN*, Vol. 25, pp. 151–166. (in Russ.)

13. Gel'man, E.I., 2023. Stratigrafiya, khronologiya i periodizatsiya Kraskinskogo gorodishcha [Stratigraphy, chronology and periodization of the walled town of Kraskino], *Arkheologiya evraziiskikh stepei*, no. 1, pp. 25–38. (in Russ.)

14. Kradin, N.N. ed., 2018. *Goroda srednevekovykh imperii Dal'nego Vostoka* [Cities of the medieval empires of the Far East]. Moskva: Izdatel'stvo vostochnoi literatury. (in Russ.)

15. Shavkunov, E.V. ed., 1994. *Gosudarstvo Bokhai (698–926 gg.) i plemena Dal'nego Vostoka Rossii* [Bohai state (698–926) and the tribes of Russian Far East]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

16. Dolukhanov, P.M., 1978. Geographiya kamennogo veka [Geography of Stone Age]. Moskva: Nauka. (in Russ.)
17. Bromlei, Yu.V. ed., 1986. Istoriya pervobytnogo obshchestva. Epokha pervobytnoi rodovoi obshchiny [The history of prehistoric society. The age of primitive tribal community]. Moskva: Nauka. (in Russ.)
18. Korotkii, A.M., Karaulova, L.P. and Troitskaya, T.S., 1980. Chetvertichnye otlozheniya Primor'ya: stratigrafiya i paleogeografiya [Quaternary sediments of Primorye: stratigraphy and paleogeography]. Novosibirsk: Nauka. (in Russ.)
19. Koryakova, L.N. 2012. Formirovanie i razvitie arkheologii poselenii (zarubezhnyi opyt) [Formation and development of settlement archeology (foreign experience)], Ural'skii istoricheskii vestnik, no. 4, pp. 4–13. (in Russ.)
20. Kul'pin, E.S., 1990. Chelovek i priroda v Kitae [Human and nature in China]. Moskva: Nauka. (in Russ.)
21. Leshchenko, N.V., 2018. Domashnie remyosla u bokhaitsev (na osnove izucheniya arkheologicheskikh pamyatnikov v Primor'e) [Home crafts among the population of Bohai state (case study of archaeological sites in Primorye)], Rossiya i ATR, no. 4, pp. 173–189. (in Russ.)
22. Lyashchevskaya, M.S. et al., 2022. Palinologicheskie issledovaniya bokhaiskogo poseleniya Abrikosovskoe (Primorskii krai) [Palynological studies of Bohai settlement of Abrikosovskoe (Primorsky Krai)], Povolzhskaya arkheologiya, no. 4, pp. 22–36. (in Russ.)
23. Masson, V.M., 1971. Poselenie Dzheitun (problema stanovleniya proizvodnyashchei ekonomiki) [Jeitun settlement: the emergence of a productive economy]. Leningrad: Nauka. (in Russ.)
24. Malyshev, A.S., 2022. O nekotorykh demograficheskikh aspektakh izucheniya Krasinskogo gorodishcha [On some demographic aspects of studying the walled town of Kraskino]. In: Humaniora Forum – X nauchno-prakticheskaya konferentsiya studentov i aspirantov: materialy. Vladivostok: Izd-vo DVFU, 2022, p. 154.
25. Mikishin, Yu.A., Petrenko, T.I. and Gvozdeva, I.G., 2019. Pozdnyaya faza atlanticheskogo perioda golotsena na yuge Primor'ya [Late phase of the Atlantic Holocene in the south of Primorye], Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya, no. 12, pp. 96–107. (in Russ.)
26. Vostretsov, Yu.E. ed., 1998. Pervye rybolovy v zalive Petra Velikogo. Priroda i drevnii chelovek v bukhte Boismana [The first fishermen in Peter the Great Bay. Nature and ancient man in Boisman Bay]. Vladivostok: Izd-vo DVO RAN. (in Russ.)
27. Razgil'deeva, I.I., 2018. Planigraficheskii analiz zhilishchno-khozyaistvennykh kompleksov verkhnego paleolita Zabaikal'ya [Planigraphic analysis of households of the Upper Paleolithic of Transbaikalia]. Chita: ZaBGU. (in Russ.)
28. Raevskii, K.A., 1955. Nazemnye sooruzheniya zemledel'tsev mezhdurech'ya Dnepra – Dnestra v I tys. n.e. [Ground-based structures of the farmers from the Dnieper-Dniester interfluvium in the 1st millennium AD], Sovetskaya arkheologiya, no. 23, pp. 250–277. (in Russ.)
29. Sergusheva, E.A., 2012. Zemledelie na territorii Primor'ya v period sushchestvovaniya gosudarstva Bokhai (po arkheobotanicheskim i arkheologicheskim dannym) [Agriculture on the territory of Primorye during the existence of Bohai state (according to archaeobotanical and archaeological data)], Vestnik DVO RAN, no. 1, pp. 100–107. (in Russ.)
30. Sergusheva, E.A., 2013. Arkheobotanika: teoriya i praktika [Archaeobotany: theory and practice]. Vladivostok: Dal'nauka. (in Russ.)
31. Usacheva, I.V., 2019. Dom i domokhozyaistvo u naseleniya sosnovooostrovskoi kul'tury epokhi pozdnego neolita v Zaural'e: model' promyslovo-khozyaistvennoi deyatel'nosti [House and household among the population of Sosnovooostrovskaya culture of the late Neolithic era in the Trans-Urals: model of economic activity], Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii, no. 4, pp. 93–105. (in Russ.)
32. Usacheva, I.V., 2014. Dom i domokhozyaistvo v kamennom veke Zaural'ya i Severa Zapadnoi Sibiri: vozmozhnosti sotsial'no-ekonomicheskoi rekonstruktsii [House and household in the Stone Age of Trans-Urals and the North of Western Siberia: possibilities for socio-economic reconstruction], Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii, no. 3, pp. 73–79. (in Russ.)
33. He Yuimen, 2022. Izuchenie bokhaiskikh selishch v arkheologii KNR [The study of Bohai settlements in the archeology of the People's Republic of China], Rossiya i ATR, no. 3, pp. 182–200. (in Russ.)
34. He Yuimen, 2021. Obshchaya kharakteristika zhilishch Bokhaya (po materialam arkheologicheskikh pamyatnikov KNR) [An overview of Bohai dwellings (according to the

data from the archeological sites in China)], *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, no. 1, pp. 48–61. (in Russ.)

35. Yashnov, E.E., 1926. *Kitaiskoe krest'yanskoe khozyaistvo v Severnoi Man'chzhurii: ekonomicheskii ocherk* [The Chinese peasant economy in Northern Manchuria: an economic essay]. Harbin: Tipografiya KVZhD. (in Russ.)

36. Beaudry, M.C., 2015. Households beyond the house: on the archaeology and materiality of historical households. In: Fogle, K.R., Nymann, J.A. and Beaudry, M.C. eds., 2015. *Beyond the walls: new perspectives on the archaeology of historical households*. Gainesville: University Press of Florida, pp. 1–8.

37. Douglass, J.G., and Gonlin, N. eds., 2012. *Ancient households of the Americas: conceptualizing what households do*. Boulder: University Press of Colorado.

38. Gougeon, R.A., 2012. Activity areas and households in the late Mississippian Southeast United States: who did what where? In: Douglass, J.G. and Gonlin, N. eds., 2012. *Ancient households of the Americas: conceptualizing what households do*. Boulder: University Press of Colorado, pp. 141–162.

39. LaMotta, V.M. and Schiffer, M.B., 1999. Formation process of house floor assemblages. In: Alisson, P.M. ed., 1999. *The archaeology of household activities*. London: Routledge, pp. 15–23.

40. Liao, T., 2001. Were the past Chinese families complex? Household structures during the Tang Dynasty, 618–907 AD. *Community and Change*, Vol. 16, no. 3, pp. 300–350.

41. Marston, J.M., Guedes, J.D. and Warinner, C. eds., 2014. *Method and theory in paleoethnobotany*. Boulder: University Press of Colorado.

42. Souvatzi, S., 2012. Between the individual and the collective: household as a social process in Neolithic Greece. In: Parker, B.J. and Foster, C.P. eds., 2012. *Household archaeology: new perspectives from the Near East and beyond*. Winona Lake: Eisenbrauns, pp. 15–43.

43. Wilk, R.R. and Rathje, W. L., 1982. Household archaeology. *The American Behavioral Scientist*, Vol. 25, no. 6, pp. 617–639.

*Статья поступила в редакцию 08.01.2024;
рекомендована к печати 22.03.2024*

И.В. Шмидт, Д.С. Федорова*

АРХЕОЛОГИЯ АРКТИКИ:
ОБЗОР ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРОЕКТОВ
(КАНАДА, ГРЕНЛАНДИЯ, НОРВЕГИЯ)

Статья посвящена обзору зарубежных исследовательских проектов, направленных на сохранение археологического наследия арктической зоны в условиях климатического кризиса. Авторы рассматривают такие проекты, как «Arctic CHAR» (Канада), «REMAINS of Greenland» (Гренландия) и «CULTCOAST» (Норвегия), в качестве возможного варианта методической реакции на происходящие изменения в крио-контекстах археологических памятников. В статье проанализированы цели и задачи данных проектов, использованные методические алгоритмы и полученные результаты.

Ключевые слова: арктическая археология, культурное наследие, Arctic CHAR, REMAINS of Greenland, CULTCOAST

Arctic archaeology: a review of foreign research projects (Canada, Greenland, Norway). IRINA V. SCHMIDT, DARYA S. FEDOROVA (Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia)

The article presents a review of foreign research projects aimed at preserving the archaeological heritage of the Arctic region under climate crisis. The authors consider projects such as Arctic CHAR (Canada), REMAINS of Greenland (Greenland) and CULTCOAST (Norway) as an example of methodological response to ongoing changes. The article analyzes the goals and objectives of these projects, their methodological algorithms and results.

Keywords: Arctic archaeology, cultural heritage, Arctic CHAR, REMAINS of Greenland, CULTCOAST

Введение

Возникший во второй половине XVIII в. интерес к Арктике развивался в контексте возможностей и специфики интересов ряда известных археологических школ [1; 30]. В течение последнего десятилетия мировая и отечественная археология наращивают арктическую фокусировку в своих программах исследований.

Одним из резонансных событий в ряду множества мероприятий, иллюстрирующих глубину обозначенного интереса, является международная конференция «On melting ground. Arctic Archaeology», прошедшая в октябре 2021 г. в г. Хемниц (Германия). Доклады отразили культурную и природную специфику Арктики, ее климатические трансформации и объемы по-

* ШМИДТ Ирина Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры теологии, философии и культурологии факультета истории, теологии и международных отношений Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия, shmidtiv@omsu.ru

ФЕДОРОВА Дарья Сергеевна, магистрант кафедры всеобщей истории факультета истории, теологии и международных отношений Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия, daria-fedorowa2018@ya.ru

© Шмидт И.В., Федорова Д.С., 2024

терь исторических материалов, обозначили необходимость развития стратегий по сохранению культурного наследия данной зоны [5]. Тезисы конференции стали идейным фундаментом для данной статьи, которая посвящена рассмотрению и анализу зарубежных проектов, раскрывающих векторы развития мировой арктической археологии.

Арктическая зона охватывает бассейн Северного Ледовитого океана, северные районы Скандинавии, России, Канады, Дании и американского штата Аляска. Географическая разность, обусловленная государственно-политической дробностью, создает большое количество проблем для археологов, стремящихся стандартизировать алгоритмы исследования различных историко-культурных комплексов. Получение «общего знаменателя» затруднительно, учитывая разность контекстов циркумполярной территории и ее климатического градиента. Однако информационный обмен способствует развитию методической эрудиции, необходимой археологам для экстренного реагирования на всевозможные вызовы, выдвигаемые меняющейся Арктикой.

Источниковую базу предлагаемого исследования составили тематические статьи, программные документы и полевые отчеты проектов «Arctic CHAR» (Канада), «REMAINS of Greenland» (Гренландия) и «CULTCOAST» (Норвегия). Их анализ дает представление о моделях реакции на общепризнанный экологический кризис в Арктике на уровне государственных программ и частных исследовательских практик.

Дестабилизационные процессы в Арктике

Согласно отчету Национального управления океанических и атмосферных исследований США (National Oceanic and Atmospheric Administration) климатические изменения сильно меняют Арктику [38]. Происходит активное таяние и исчезновение криосферных зон, что создает для арктической археологии как проблемы, так и возможности. Экстремально низкие температуры сохранили источники с обширным информационным спектром и беспрецедентными сведениями о человеческом прошлом. На арктической территории зарегистрировано около 180 тыс. памятников, потенциал которых сложно оценить [16]. Безусловно, процессы оттаивания открывают новые комплексы и пополняют

арктический архив новыми данными. Однако термические перемены проблематичны в плане последовательности и «правильности» выхода объекта из крио-хранилища. Нарушение баланса ведет к элиминации, безвозвратной потере того, что не способно пережить отбор, вызванный потеплением.

Прибрежные памятники и сооружения, защищенные льдом и мерзлотой, плохо переносят сокращение снежного/ледового покрова и повышение уровня моря. Штормовые нагоны ускоряют эрозию, размывают береговую линию, разрушают и обнажают археологические объекты [16; 19; 25; 26]. Затапливание внутренних районов и экстремальные наводнения затрудняют поиск и изучение памятников [32; 40]. Серьезные стратиграфические нарушения ожидаемы из-за интенсификации оттаивания почв, формирования криогенных холмов и воронок, а также оползней [20; 28; 36]. Дестабилизация процессов почвенно-культурных слоев активизирует микробиологическую деструкцию органического содержимого [17; 23; 29]. Озеленение территории и изменение почвенного покрова нарушает стратиграфию и целостность артефактов, маскирует установленные и потенциальные места объектов [15; 24; 31; 39]. Лесные пожары уничтожают остатки наземных конструкций; открытый выжигающий покровный огонь приводит к обугливанию артефактов в подперновом слое [8; 21; 41]. Климатический дисбаланс открывает территории для мародеров, грабящих археологические памятники, а также туристов, которые могут собирать, нелегально хранить и продавать собранные с поверхности артефакты [2; 4; 6].

Обозначенные перемены ведут к крупномасштабному разграблению, рассредоточению и уничтожению уникальных археологических комплексов. Как на это может реагировать мировое археологическое сообщество? Его методическая реакция должна учитывать природу трансформационных процессов и сложность их комплексного запуска. Внимание рассматриваемых ниже проектов концентрируется на уязвимых и разрушающихся объектах, системе их поиска, фиксации и мониторинге состояния с последующим проведением спасательных раскопок.

Проект «Arctic CHAR»

Канадский проект «Arctic CHAR» (Arctic Cultural Heritage At Risk) действовал с 2013 по 2017 гг. при сотрудничестве Университета

Торонто и Центра культурных ресурсов инувиалуитов. Его цель – спасение памятников инувиалуитской культуры периода раннего средневековья. Регион изучения – нижнее течение р. Маккензи на северо-западе Канады, восточная часть о. Ричардс, северное побережье п-ова Туктояктук, где находятся поселения Китигаарюит, Куукпак и Нувугак, зимние деревни, лагеря и районы, специализировавшиеся на охоте и рыбалке [11]. Общая площадь исследований составила около 10 000 км² и включала как материковую зону, так и около 300 км береговой линии (Полевые материалы автора, далее – ПМА. Переписка с М. Фризенем. 20.02.2024). Территория испытывает серьезные наносные/нагонные нагрузки, вызванные изостатическими и эвстатическими изменениями в прибрежной океанической зоне и быстрой дегляциацией. Эти перемены не вызваны климатическим кризисом, однако катализированы им [14].

Проект получил поддержку и выдвинул следующие исследовательские цели: изучение пространственных закономерностей в понимании влияния потепления на археологические объекты; смягчение последствий методами картирования; раскопки критически важных мест. Были поставлены задачи собрать природно-экологические и пространственные данные об объектах для последующего создания GIS-модели; осуществить «аэрофотоконтроль» отдельных прибрежных зон для оценки состояния объектов и регистрации «вымораживаемых» памятников; произвести спасательные раскопки с учетом степени угрозы комплексу и информационной важности памятника. Работы включали стандартные полевые алгоритмы и ряд специализированных – наблюдение внутри и за пределами объекта, 3D сканирование, создание архивной записи и построение перспективных графиков динамики «разморозки» участков [14].

Первый этап (2013 г.) предполагал мониторинг общего состояния памятников и был сконцентрирован на выявлении региональных объектов. Группа провела аэроинспекцию, осмотрела береговую линию и прибрежные участки, сравнила состояние памятников и их ландшафта с более ранними оценками этих параметров в базах данных, выделила участки-маркеры для фиксации скорости эрозии, составила первичные описания для объектов, собрала радиоуглеродные образцы и артефакты с поверхности. Результатом сезона стало описание 19 археологических объектов, большая

часть которых активно разрушалась; часть из них была признана стабильными [14].

Второй этап (2014 г.) был посвящен полевым исследованиям: были проведены раскопки на поселении Куукпак – деревне куукпангмиутов. Поселение, как и соседние комплексы в заливе Мак-Кинли (среди которых – деревни Китигаарьюит и Туктояктук), было открыто и исследовано ранее (1988, 1994 и 1995 гг.), но тщательно не изучено. Эскавации подвергся участок жилищной западины недалеко от его центра, расположенный поодаль от береговых разрушений и не тронутый активной эрозией. При изучении объекта использовались методы картографирования, фотофиксации, фотограмметрии и лазерного сканирования. Дополнительно была проведена маркировка участков поселения, прилегающих к береговой линии. В ходе их повторного посещения была зафиксирована степень агрессии эрозионной поверхности. Объемы потерь площади памятника в данной зоне стремительны: около метра береговой линии в месяц-год [14].

В 2015 г. была проведена вертолетная съемка участка в ходе реализации ежегодных мониторинговых мероприятий. Исследователи облетели побережье от р. Андерсон до р. Мейсон, северо-восточную часть п-ва Туктояктук. В Мак-Кинли был произведен мониторинг археологических объектов и степени их разрушения, зафиксировано частичное разрушение/исчезновение двух крайних домов в поселении из-за береговой эрозии. Решено было прояснить взаимосвязь мерзлоты и эрозионных процессов на прилегающих к данной территории участках. По аэрофотоснимкам и спутниковым изображениям 1950, 1972 и 2004 гг. было реконструировано изменение береговой линии в Имнакпалуке. Установлено, что береговая линия стремительно отступает вглубь территории – со скоростью более 5 м в год [10].

В 2016 г. специалисты продолжили исследование жилых конструкций в Куукпаке, зафиксировали эрозию территории памятника и выветривание артефактов, завершили раскопки большого крестообразного дома, продолжили вскрытие второго дома (начатое в 2014 г.). Основной комплекс методов остался прежним, но больше внимания было уделено сбору органических остатков: были взяты пробы древесины для типового определения; исследована площадка перед одним из домов, куда выбрасывались остатки еды; органические артефакты

подвергнуты специальной обработке и консервации. Был расширен мониторинговый охват прилегающих территорий: на п-ове Туктояктук, в заливе Мак-Кинли. В результате была создана прогностическая модель изменения береговой линии района залива Кугмаллит. На основе фото-данных 1950, 1972 и 2004 гг. были выделены уязвимые участки, подвергшиеся эрозии, зоны наиболее пострадавшие в ходе эрозионной активности, терявшие ежегодно до 4 м береговой линии [11].

Третий этап (2017 г.) стал заключительным для данного проекта. Были закончены раскопки отдельных комплексов в Куукпаке. Проведена финальная аэрофоторегистрация отдельных участков залива Мак-Кинли и поселения Саткуалук. Произведено сравнение аэрофотоснимков участка залива Мак-Кинли за 2013 и 2017 гг., согласно которым за 4 года территория комплекса потеряла одно большое жилище с прилегающими к нему зонами. На основании собранных данных была рассчитана динамика приближения кромки побережья к другим объектам, выделены участки и объекты ближайших перспективных потерь [12; 13].

Проект финансировался Канадским советом по исследованиям в области социальных и гуманитарных наук, Программой полярного континентального шельфа и Научно-исследовательским институтом Авроры. Пятилетний проект обошелся примерно в 700 тыс. канадских долларов и после завершения не был продолжен (ПМА. Переписка с М. Фризенем. 20.02.2024). Он предоставил методический материал для формирования базовых спасательных мероприятий в конкретной зоне историко-культурного наследия, были отработаны алгоритмы прогностики археологических потерь. Его результаты продемонстрировали масштаб угроз и потерь, величину проблем, стоящих перед местными археологами, векторы оперативного археологического реагирования.

Проект «REMAINS of Greenland»

Гренландский проект «REMAINS of Greenland» (REsearch and Management of Archaeological sites IN a changing environment and Society), реализованный в 2016–2019 гг., был инициирован Национальным музеем Дании и Национальным музеем Гренландии, а также Центром по изучению вечной мерзлоты при Копенгагенском университете. Его цель – понять зависимость между меняющимся климатом и сохранением

памятников с деградирующим/разрушающимся почвенным покровом. Исследуемая территория – регион Нуук (юго-западное побережье Гренландии) с высокой плотностью археологических комплексов (культуры инуитов-охотников и норвежских фермеров), разнообразием памятников и артефактов, климатическим градиентом и хорошей логистической системой, что важно для транспортировки оборудования и передвижения участников проекта [3; 33; 34]. В ходе исследования должны были быть выработаны алгоритмы поиска уязвимых объектов, разработаны стратегии их спасения.

С учетом обозначенных целей были разработаны два рабочих пакета. Первый адресован изучению процессов, контролирующих сохранность объектов и артефактов, куда включены следующие задачи и методы: разработка полевого протокола описания объекта и оценки рисков (работа на месте; установка стандартов GPS-измерений; фотодокументация); документирование истории и недавней деградации археологических объектов (изучение литературы, отчетов, спутниковых снимков и исторических фотографий); изучение процессов разрушения в масштабе объекта (протокол, визуальные проверки, картографирование, аэрофотосъемка, сравнение исторической документации и фотографий, регистрация типов растительности, сбор дендро-образцов и проб, закладка малых тест-профилей, измерение почвенных показателей, установка метеостанций и автоматических камер, моделирование, сравнение аналитических и количественных показателей); изучение процессов разрушения органических материалов (лабораторные эксперименты и эксперименты на месте, микроскопические исследования, микрокалориметрия, захоронение органического материала и наблюдения за спецификой его распада, мониторинг температуры и влажности почвы, сопоставление данных, исследование температурно-зависимого распада ДНК) [33; 34; 35].

Второй проект связан с оценкой рисков прогрессивного развития размораживания почв, разработкой руководящих стратегий и принципов в отношении изменяющихся археологических объектов. Его задачи и методы: управление входными данными («калибровка источников» – отбор цифровых карт, ортофотоснимков и цифровых моделей местности, комбинация/наложение старых и новых изображений, сбор данных через прямое наблюдение, создание

базы данных и их картографирование, проведение климатического районирования, обновление почвенно-геологических карт, проведение оценки фитомассы); оценка региональных угроз (картирование, проверка данных на базе первого пакета, картографирование уязвимых объектов); создание GIS-модели памятников региона обследования, выявление их связи и корреляции с обновленной версией базы данных Национального музея и архива Гренландии; разработка руководящих принципов дальнейшего мониторинга объектов и их управления; создание программы приоритета спасательных раскопок. Реализация исследований производилась на базе результатов предыдущего проекта 2012 г. [33; 34; 35].

На первом этапе было исследовано 10 (из 14) участков включенной в проект территории: долина Аустманнадаль, Килаарсафик, Курнок, Иффиартафик, Нуугаарсук, Итиви, Эрсаа, Кангек, Караджат, Тулугарталики. Интересны критерии их отбора – это разные экологические ниши, учитывалась их насыщенность органикой, состояние мерзлых почв; не последнюю роль играло логистическое удобство зон (для перемещения большого количества оборудования и возможности оборудования стационаров); оценивался их историко-культурный потенциал. Для исследования семи объектов потребовались: GPS-система (Trimble RTK-dGPS), БСПЛА (Tarot 650-sport, Ebee fixed-wing UAV), программное обеспечение (eMotion 2, Postflight Terra 3D), цифровая, мультиспектральная и модифицированная камеры (Sony RX100M3, Seqoia, Canon NDVI). Этот мобильный тех-комплекс обеспечил фиксацию мест отбора проб и мониторинга наземных контрольных точек, ландшафтных особенностей участков; получение цифровых фотографий с разных высот и создание ортофотопланов, данных для создания модели местности; конвертирование базовых данных в распространенные GIS-форматы; создание ортомозаичных карт объектов [35].

Второй этап был посвящен полевым исследованиям, в его реализации были задействованы уже не отдельные программы и системы гаджетов, а хорошо укомплектованные станции (опустим их подробное описание и перечисление включенного оборудования). Обходы и визуальные осмотры были проведены на всех участках территории обследования; объекты отмечены и нанесены на карту. На 4 объектах заложены траншеи с экспериментальными об-

разцами дерева и кости, зашитыми в рыболовную сеть с информационной этикеткой, собраны органические образцы *in situ*, установлены датчики и регистрационное оборудование, артефакты и объемные образцы взвешены и классифицированы [35].

На 5 объектах был осуществлен отбор проб почвы и растительности: произведена количественная оценка участков с рамкой 1x1 м (25 секторов), собрана зеленая биомасса с участков, сделана фотосъемка, измерен растительный индекс (Decagon NDVI), собраны образцы почвы с разных глубин, взяты денхронологические образцы. Сняты мониторинговые метео-данные с регистраторов, установленных в 2012 г. на трех участках, заменены батареи и программы для мониторинга до 2018 г., установлены новые станции и камеры прямого наблюдения, созданы сравнительные фотосеты, произведен сбор почвы. Использовался протокол, определяющий состояние и условия консервации археологических объектов, дополненный фотографиями, рисунками, электронными таблицами и полевыми заметками [34; 35].

За 4 года работы в рамках проекта было исследовано 14 объектов, произведено 5 выездов, задействовано более 20 узких специалистов и студентов. Выявлены основные типы угроз археологическим объектам – эрозия, растительность и микробная агрессия. В перспективе археологические отложения потерпят существенные потери во внутренних районах острова, где все чаще наступает теплое и влажное лето. В течение следующих десятков лет ситуация будет меняться незначительно: 50% объектов входит в группу умеренного риска и только 20% будут серьезно нарушены/разрушены [3; 34]. Проект финансировался филантропическим фондом «Velux Foundation», который выделил на его реализацию 5 млн шведских крон [7].

Проект показал высокую прогностическую эффективность, а его результаты послужили расширению информации о климатических рисках для объектов культурного наследия, расположенных в различных зонах территории. К сожалению, реакция археологических объектов, где бы они ни находились в пределах территории обследования, обладает «общим знаменателем»: по тем или иным причинам они разрушаются, и с течением времени динамика данных процессов заметно ускоряется (это демонстрируют сами памятники, подтверждают и экспериментальные данные). Используемые

методы обеспечивают перспективность проекта с точки зрения качества наблюдений за изменяющимся состоянием объектов, но не предотвращения наблюдаемых процессов.

Проект «CULTCOAST»

Проект «CULTCOAST» (Cultural Heritage Sites in Coastal Areas) действовал с 2019 г. и в настоящий момент завершен; идет подготовка итоговой отчетности (ПМА. Переписка с В. Мартенс. 17–18.03.2024). Он реализовывался под руководством Норвежского института исследований культурного наследия. В перечне его целей значатся: поиск методов мониторинга и сохранения объектов культурного наследия, окружающей среды и ландшафтов в прибрежных районах в условиях климатических и социальных угроз. Исследуемая территория – архипелаг Шпицберген, где расположены охотничья станция Руссекейла (XVIII–XIX вв.) и угольная шахта Хиортхамн (XIX–XX вв.); остров Андойя с поселениями Хойвика и Сьобергет (1000 г. н.э. – XIX в.). Реализация проекта опирается на междисциплинарный подход (задействованы специалисты-археологии, архитекторы, географы, четвертичные геологи и климатологи) и активное национальное и международное сотрудничество [18; 22; 27].

Специфика и методы проекта во многом аналогичны озвученным выше. В Хиортхамне были проведены полевые работы с визуальными наблюдениями и оценкой состояния отдельных объектов и участков, измерения активности изменения береговой линии, установка контрольного зонда с датчиками в почве на разных глубинах до 1 м, полевые топографические съемки высокой точности. Для оценки динамики движения береговой линии использовались методы GIS – и RS-наблюдений, наземного лазерного сканирования, дистанционного зондирования, седиментологического картирования, аэрофотоснимки; для обработки данных привлекались сервисы WMS (Web Map Services), справочная система WGS_1984_UTM_Zone_33N, веб-обеспечение ArcGIS и его расширение DSAS v. 5. (Digital Shoreline Analyses System), показатели GSD (Ground sample distance), приложения Ri-ScanPro, Reality Capture и Nubigon [22; 25; 26].

Анализ DSAS-изменений береговой линии в Хиортхамне с 1927 г. показал зоны с высокой и умеренной эрозией, а также срастание береговой линии. Объект стабилен, но переувлажнен, и граница горизонта ежегодного оттаивания интенсивнее опускается вглубь промерзших почв.

Это увеличивает риски развития береговой эрозии, следовательно, и потерю прилегающих археологических комплексов. Среди факторов, влияющих на скорость разрушения объектов, – направление и интенсивность ветра и волн, седиментарный тип почвенных отложений, мощность оттайки слоя [22; 25]. Среди разрушительных факторов для территории архипелага упомянута его «туристическая привлекательность» [9].

На объекте Сьобергет также выявлено повышенное содержание воды в археологических объектах, что указывает на отсутствие разработанных грунтовых стоков. Их состояние все же признано стабильным; осадки и температурные изменения влияют пока только на их верхние слои [22]. На объекте Руссекейла начаты геофизические исследования. Результаты измерений не выявили сильного контраста между объектом и территорией за его пределами. В качестве незапланированного результата отмечена эффективность этих методов для картирования деревянных конструкций [37].

Особенность данного проекта состоит в том, что его методический актив «принципиально не инвазивен», физическое воздействие на археологические объекты минимально. Это позволяет оценить состояние объекта «извне», создать дистанционный алгоритм наблюдений. Отмеченная переувлажненность участков, безусловно, связана со стремительным оттаиванием мерзлых грунтов, к чему морфология данных участков не готова (не сформировался стоковый режим). В результате повышается риск грибкового поражения деревянных конструкций археологических объектов территории.

Проект и его результаты обладают значимостью для формирования новых программ управления культурным наследием как на национальном, так и на международном уровнях.

Заключение

Климатические трансформации, их комплексные экологические и социальные последствия представляют серьезную угрозу для арктического культурного наследия. Рост информационного объема открывающихся криохранилищ сопровождается интенсивным «источниковым вымиранием», поскольку перемены действуют взаимозависимо, усиливая разрушительные процессы (и запуская новые, механизмы которых нам еще до конца не понятны) в отношении археологических объектов и их содержимого.

Данная ситуация включена в дискуссии представителей мирового археологического сообщества, активировано коллективное реагирование и разработка соответствующих стратегий по спасению уязвимого археологического наследия. Россия пока не заявила о себе в качестве активного субъекта данных дискуссий, но это не отменяет необходимости быть методически и информационно подготовленными к оперативной реакции. Рассмотренные зарубежные исследовательские проекты предоставляют нам возможность дистанционного наблюдения за работой наших зарубежных коллег; многие данные их отчетов находятся в открытом доступе, участники проектов охотно идут на контакт. Данные проекты посвящены детальному изучению процессов, влияющих на сохранность памятников и артефактов в контексте климатических изменений. Они реализуются в методических режимах, понятных и доступных нам – разведки, раскопки, наблюдение за состоянием объекта *in situ*. Однако привлекаемые технологии, безусловно, прогрессивнее используемых нами. К тому же арктические программы исследований требуют немалых средств. Используя результаты наших коллег, мы оказываемся в более выгодном положении. Располагая «репертуаром» программ и результатов, мы вправе выбирать наиболее удобные из них для наших целей и возможностей. Осмысление мирового опыта в данной сфере необходимо для модернизации наших методик исследования, повышения методической креативности отечественной археологии. Привлечение менее «травматичных» методов изучения объекта для сохранения его информационного потенциала, стандартизация системы оценивания для выбора способа и срока реагирования, представленность результатов на национальном и международном уровнях для последующей социальной адаптации в долгосрочной перспективе – с этими аспектами археологической реальности арктических зон необходимо оперативно знакомиться. Темпы разрушений данных территорий стремительно увеличиваются. Собранный материал, его комплектность позволили получить представления о динамике ущерба (и его последствиях), выявить зоны наибольшего давления изменяющейся экологии, построить график его развития и оценить потенциальный ущерб культурному наследию. Обладая подробной информацией, можно прогнозировать и контролировать ряд процессов, экстраполировать полученные данные на другие участки. Данные

проекты позволяют четко осознать, что промедление в решении этих вопросов стоит нашему историко-культурному наследию очень дорого (много дороже привлекаемых технологий и сопутствующих расходов). Для арктической археологии настало время быстрых реакций и коллективного опыта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Перцев Д.М. Арктика: археолого-антропологический ракурс // Россия и АТР. 2022. № 2. С. 11–29.
2. Питулько В.В., Павлова Е.Ю. Проблемы изучения и сохранения древностей Восточно-Сибирской Арктики // Полярные чтения на ледоколе «Красин». 2016. № 3. С. 173–192.
3. Федорова Д.С. Арктическая археология: обзор проекта «REMAINS of Greenland» (Гренландия) // 300-летие Российской академии наук – археология и этнография Сибири: традиции, школы и открытия: материалы LXIII российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых (Новосибирск, 26–29 апреля 2023 г.). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2023. С. 284–285.
4. Blankholm, H.P., 2009. Long-term research and cultural resource management strategies of climate change and human impact. *Arctic Anthropology*, Vol. 46, no. 1/2, pp. 17–24.
5. Brenøe, S.I., 2023. Conference review: On melting ground. *Arctic Archaeology. Polarforschung*, Vol. 91, pp. 1–4.
6. Brodie, N. et al., 2006. *Archaeology, cultural heritage, and the antiquities trade*. Gainesville: University Press of Florida.
7. Center for Permafrost (CENPERM). REMAINS has started. URL: <https://cenperm.ku.dk/news/remains-has-started/>
8. Descals, A. et al., 2022. Unprecedented fire activity above the Arctic Circle linked to rising temperatures. *Science*, Vol. 378, no. 6619, pp. 532–537.
9. Flyen, A.C., Flyen, C. and Hegnes, A.W., 2023. Exploring vulnerability indicators: tourist impact on cultural heritage sites in High Arctic Svalbard. *Heritage*, Vol. 6, no. 12, pp. 7706–7726.
10. Friesen, M., 2015. Arctic cultural heritage at risk (Arctic CHAR): Climate change impacts on the Inuvialuit archaeological record. Progress report on the 2015 field season. Toronto.
11. Friesen, M., 2016. Arctic cultural heritage at risk (Arctic CHAR): Climate change impacts on

the Inuvialuit archaeological record. Progress report on the 2016 field season. Toronto.

12. Friesen, M., 2017. Arctic cultural heritage at risk (Arctic CHAR): Climate change impacts on the Inuvialuit archaeological record. Progress report on the 2017 field season. Toronto.

13. Friesen, M. and Méreuze, R., 2020. An igluryuaq unearthed: a pre-contact Inuvialuit cruciform house from Arctic Canada. *Journal of Field Archaeology*, Vol. 45, no. 6, pp. 464–478.

14. Friesen, T.M., 2015. The Arctic CHAR project: climate change impacts on the Inuvialuit archaeological record. *Les Nouvelles de l'archéologie*, Vol. 141, pp. 31–37.

15. Hollesen, J. et al., 2015. Winter warming as an important co-driver for *Betula nana* growth in western Greenland during the past century. *Global Change Biology*, Vol. 21, no. 6, pp. 2410–2423.

16. Hollesen, J. et al., 2018. Climate change and the deteriorating archaeological and environmental archives of the Arctic. *Antiquity*, Vol. 93, no. 363, pp. 573–586.

17. Hollesen, J. et al., 2015. Permafrost thawing in organic Arctic soils accelerated by ground heat production. *Nature Climate Change*, Vol. 5, pp. 574–578.

18. How cultural heritage is threatened by nature and tourists in the Arctic. URL: <https://www.niku.no/en/2019/08/how-cultural-heritage-is-threatened-by-nature-and-tourists-in-the-arctic/>

19. Irrgang, A.M. et al., 2019. Impacts of past and future coastal changes on the Yukon coast – threats for cultural sites, infrastructure, and travel routes. *Arctic Science*, Vol. 5, no. 2, pp. 107–126.

20. Lewkowicz, A. and Way, R., 2019. Extremes of summer climate trigger thousands of thermokarst landslides in a High Arctic environment. *Nature Communications*, Vol. 10. URL: <https://www.nature.com/articles/s41467-019-09314-7>

21. Li, X. et al., 2021. Influences of forest fires on the permafrost environment: a review. *Advances in Climate Change Research*, Vol. 12, no. 2, pp. 48–65.

22. Martens, V.V. and Krangnes, L., 2022. Monitoring as a tool to evaluate preservation possibilities. Results from the CULTCOAST project. *Frontiers in Earth Science*, Vol. 10. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/feart.2022.960420/full>

23. Matthiesen, H. et al., 2021. Bone degradation at five Arctic archaeological sites: quantifying the importance of burial environment and bone characteristics. *Journal of Archaeological Science*,

Vol. 125. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S030544032030217X>

24. Matthiesen, H. et al., 2020. The impact of vegetation on archaeological sites in the Low Arctic in light of climate change. *Arctic*, Vol. 73, no. 2, pp. 141–152.

25. Nicu, I.C. et al., 2021. Coastal erosion of Arctic cultural heritage in danger: a case study from Svalbard, Norway. *Water*, Vol. 13, no. 6. URL: <https://doi.org/10.3390/w13060784>

26. Nicu, I.C. et al., 2020. Coastal erosion affecting cultural heritage in Svalbard. A case study in Hiorthhamn (Adventfjorden) – an abandoned mining settlement. *Sustainability*, Vol. 12, no. 6. URL: <https://doi.org/10.3390/su12062306>

27. Norwegian Institute for Cultural Heritage Research (NIKU). CULTCOAST. URL: <https://www.niku.no/en/prosjekter/cultcoast/>

28. NOVA. PBS. Arctic sinkholes. Full documentary. URL: <https://youtu.be/HvKpnaXYUPU>

29. Pedersen, N. et al., 2020. Fungal attack on archaeological wooden artefacts in the Arctic – implications in a changing climate. *Scientific Reports*, Vol. 10. URL: <https://doi.org/10.1038/s41598-020-71518-5>

30. Pitul'ko, V.V., 2013. The Zhokhov Island site and ancient habitation in the Arctic: a Mesolithic wet site in the Arctic Ocean. Burnaby: Archaeology Press.

31. Prendin, A. et al., 2022. Influences of summer warming and nutrient availability on *Salix glauca* L. growth in Greenland along an ice to sea gradient. *Scientific Reports*, Vol. 12. URL: <https://doi.org/10.1038/s41598-022-05322-8>

32. Radosavljević, B. et al., 2016. Erosion and flooding – threats to coastal infrastructure in the Arctic: a case study from Herschel Island, Yukon Territory, Canada. *Estuaries and Coasts*, Vol. 39, no. 4, pp. 900–915.

33. REMAINS of Greenland. URL: https://cenperm.ku.dk/news/remains-has-started/REMAINS_of_Greenland.pdf

34. REMAINS of Greenland. 4 years of fieldwork and research. URL: <https://online.flowpaper.com/776c0763/Smarrapport/#page=1>

35. REMAINS of Greenland. Field report 2016. URL: https://nka.gl/fileadmin/user_upload/feltrapporter/REMAINS_NKA_report_23.12.2016.pdf

36. Rosen, Y., 2021. Thaw-triggered landslides are a growing hazard in the warming North. URL: <https://www.arctictoday.com/thaw-triggered-landslides-are-a-growing-hazard-in-the-warming-north/>

37. Tavakoli, S. et al., 2023. First geophysical investigations to study a fragile Pomor cultural heritage site at Russekeila – Kapp Linné, Svalbard. *Journal of Cultural Heritage*, Vol. 63, no. 363, pp. 187–193.

38. Thoman, R.L., Moon, T.A. and Druckenmiller, M.L. eds., 2023. Arctic Report Card 2023. URL: https://arctic.noaa.gov/wp-content/uploads/2023/12/ArcticReportCard_full_report2023.pdf

39. Tjellén, A. et al., 2015. Impact of roots and rhizomes on wetland archaeology: a review. *Conservation and Management of Archaeological Sites*, Vol. 17, no. 4, pp. 370–391.

40. Walsh, J. et al., 2020. Extreme weather and climate events in northern areas: a review. *Earth-Science Reviews*, Vol. 209. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0012825220303706>

41. Young, A.M. et al., 2017. Climatic thresholds shape northern high-latitude fire regimes and imply vulnerability to future climate change. *Ecography*, Vol. 40, no. 5, pp. 606–617.

REFERENCES

1. Pertsev, D.M., 2022. Arktika: arkheologo-antropologicheskii rakurs [The Arctic: an anthropological perspective], *Rossiya i ATR*, no. 2, pp. 11–29. (in Russ.)

2. Pitul'ko, V.V. and Pavlova, E.Yu., 2016. Problemy izucheniya i sokhraneniya drevnosti Vostochno-Sibirskoi Arktiki [Problems of study and preservation of antiquities in the East Siberian Arctic], *Polyarnye chteniya na ledokole «Krasin»*, no. 3, pp. 173–192. (in Russ.)

3. Fedorova, D.S., 2023. Arkticheskaya arkheologiya: obzor proekta «REMAINS of Greenland» (Grenlandiya) [Arctic archaeology: an overview of the REMAINS of Greenland project (Greenland)]. In: 300-letie Rossiiskoi akademii nauk – arkheologiya i etnografiya Sibiri: traditsii, shkoly i otkrytiya: materialy LXIII rossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) arkheologo-etnograficheskoi konferentsii studentov i molodykh uchenykh (Novosibirsk, 26–29 aprelya 2023 g.). Novosibirsk: IAET SO RAN, 2023, pp. 284–285.

4. Blankholm, H.P., 2009. Long-term research and cultural resource management strategies of climate change and human impact. *Arctic Anthropology*, Vol. 46, no. 1/2, pp. 17–24.

5. Brenøe, S.I., 2023. Conference review: On melting ground. *Arctic Archaeology. Polarforschung*, Vol. 91, pp. 1–4.

6. Brodie, N. et al., 2006. *Archaeology, cultural heritage, and the antiquities trade*. Gainesville: University Press of Florida.

7. Center for Permafrost (CENPERM). REMAINS has started. URL: <https://cenperm.ku.dk/news/remains-has-started/>

8. Descals, A. et al., 2022. Unprecedented fire activity above the Arctic Circle linked to rising temperatures. *Science*, Vol. 378, no. 6619, pp. 532–537.

9. Flyen, A.C., Flyen, C. and Hegnes, A.W., 2023. Exploring vulnerability indicators: tourist impact on cultural heritage sites in High Arctic Svalbard. *Heritage*, Vol. 6, no. 12, pp. 7706–7726.

10. Friesen, M., 2015. Arctic cultural heritage at risk (Arctic CHAR): Climate change impacts on the Inuvialuit archaeological record. Progress report on the 2015 field season. Toronto.

11. Friesen, M., 2016. Arctic cultural heritage at risk (Arctic CHAR): Climate change impacts on the Inuvialuit archaeological record. Progress report on the 2016 field season. Toronto.

12. Friesen, M., 2017. Arctic cultural heritage at risk (Arctic CHAR): Climate change impacts on the Inuvialuit archaeological record. Progress report on the 2017 field season. Toronto.

13. Friesen, M. and Méreuzé, R., 2020. An igluryuaq unearthed: a pre-contact Inuvialuit cruciform house from Arctic Canada. *Journal of Field Archaeology*, Vol. 45, no. 6, pp. 464–478.

14. Friesen, T.M., 2015. The Arctic CHAR project: climate change impacts on the Inuvialuit archaeological record. *Les Nouvelles de l'archéologie*, Vol. 141, pp. 31–37.

15. Hollesen, J. et al., 2015. Winter warming as an important co-driver for *Betula nana* growth in western Greenland during the past century. *Global Change Biology*, Vol. 21, no. 6, pp. 2410–2423.

16. Hollesen, J. et al., 2018. Climate change and the deteriorating archaeological and environmental archives of the Arctic. *Antiquity*, Vol. 93, no. 363, pp. 573–586.

17. Hollesen, J. et al., 2015. Permafrost thawing in organic Arctic soils accelerated by ground heat production. *Nature Climate Change*, Vol. 5, pp. 574–578.

18. How cultural heritage is threatened by nature and tourists in the Arctic. URL: <https://www.niku.no/en/2019/08/how-cultural-heritage-is-threatened-by-nature-and-tourists-in-the-arctic/>

19. Irrgang, A.M. et al., 2019. Impacts of past and future coastal changes on the Yukon coast – threats for cultural sites, infrastructure, and travel routes. *Arctic Science*, Vol. 5, no. 2, pp. 107–126.

20. Lewkowicz, A. and Way, R., 2019. Extremes of summer climate trigger thousands of thermokarst landslides in a High Arctic environment. *Nature Communications*, Vol. 10. URL: <https://www.nature.com/articles/s41467-019-09314-7>
21. Li, X. et al., 2021. Influences of forest fires on the permafrost environment: a review. *Advances in Climate Change Research*, Vol. 12, no. 2, pp. 48–65.
22. Martens, V.V. and Krangnes, L., 2022. Monitoring as a tool to evaluate preservation possibilities. Results from the CULTCOAST project. *Frontiers in Earth Science*, Vol. 10. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/feart.2022.960420/full>
23. Matthiesen, H. et al., 2021. Bone degradation at five Arctic archaeological sites: quantifying the importance of burial environment and bone characteristics. *Journal of Archaeological Science*, Vol. 125. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S030544032030217X>
24. Matthiesen, H. et al., 2020. The impact of vegetation on archaeological sites in the Low Arctic in light of climate change. *Arctic*, Vol. 73, no. 2, pp. 141–152.
25. Nicu, I.C. et al., 2021. Coastal erosion of Arctic cultural heritage in danger: a case study from Svalbard, Norway. *Water*, Vol. 13, no. 6. URL: <https://doi.org/10.3390/w13060784>
26. Nicu, I.C. et al., 2020. Coastal erosion affecting cultural heritage in Svalbard. A case study in Hiorthhamn (Adventfjorden) – an abandoned mining settlement. *Sustainability*, Vol. 12, no. 6. URL: <https://doi.org/10.3390/su12062306>
27. Norwegian Institute for Cultural Heritage Research (NIKU). CULTCOAST. URL: <https://www.niku.no/en/prosjekter/cultcoast/>
28. NOVA. PBS. Arctic sinkholes. Full documentary. URL: <https://youtu.be/HvKpnaXYUPU>
29. Pedersen, N. et al., 2020. Fungal attack on archaeological wooden artefacts in the Arctic – implications in a changing climate. *Scientific Reports*, Vol. 10. URL: <https://doi.org/10.1038/s41598-020-71518-5>
30. Pitul'ko, V.V., 2013. The Zhokhov Island site and ancient habitation in the Arctic: a Mesolithic wet site in the Arctic Ocean. Burnaby: Archaeology Press.
31. Prendin, A. et al., 2022. Influences of summer warming and nutrient availability on *Salix glauca* L. growth in Greenland along an ice to sea gradient. *Scientific Reports*, Vol. 12. URL: <https://doi.org/10.1038/s41598-022-05322-8>
32. Radosavljević, B. et al., 2016. Erosion and flooding – threats to coastal infrastructure in the Arctic: a case study from Herschel Island, Yukon Territory, Canada. *Estuaries and Coasts*, Vol. 39, no. 4, pp. 900–915.
33. REMAINS of Greenland. URL: https://cenperm.ku.dk/news/remains-has-started/REMAINS_of_Greenland.pdf
34. REMAINS of Greenland. 4 years of fieldwork and research. URL: <https://online.flowpaper.com/776c0763/Smarrapport/#page=1>
35. REMAINS of Greenland. Field report 2016. URL: https://nka.gl/fileadmin/user_upload/feltrapper/REMAINS_NKA_report_23.12.2016.pdf
36. Rosen, Y., 2021. Thaw-triggered landslides are a growing hazard in the warming North. URL: <https://www.arctictoday.com/thaw-triggered-landslides-are-a-growing-hazard-in-the-warming-north/>
37. Tavakoli, S. et al., 2023. First geophysical investigations to study a fragile Pomor cultural heritage site at Russekeila – Kapp Linné, Svalbard. *Journal of Cultural Heritage*, Vol. 63, no. 363, pp. 187–193.
38. Thoman, R.L., Moon, T.A. and Drukenmiller, M.L. eds., 2023. Arctic Report Card 2023. URL: https://arctic.noaa.gov/wp-content/uploads/2023/12/ArcticReportCard_full_report2023.pdf
39. Tjelldén, A. et al., 2015. Impact of roots and rhizomes on wetland archaeology: a review. *Conservation and Management of Archaeological Sites*, Vol. 17, no. 4, pp. 370–391.
40. Walsh, J. et al., 2020. Extreme weather and climate events in northern areas: a review. *Earth-Science Reviews*, Vol. 209. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0012825220303706>
41. Young, A.M. et al., 2017. Climatic thresholds shape northern high-latitude fire regimes and imply vulnerability to future climate change. *Ecography*, Vol. 40, no. 5, pp. 606–617.

Статья поступила в редакцию 01.04.2024;
рекомендована к печати 06.05.2024

С.В. Березницкий*

ИХТИОФАГИ АМУРА И РЫБОПРОМЫШЛЕННИКИ: ОТ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ДИФФУЗИИ ДО ГУМАНИТАРНОЙ КАТАСТРОФЫ

Статья посвящена воздействию рыбопромышленных компаний на традиционное речное рыболовство коренных народов Амура в XIX–XXI вв. Автор рассматривает особенности использования такого рыболовного изобретения, как заездок, в традиционной культуре коренных народов и последствия его заимствования и усовершенствования европейскими переселенцами, которые превратили данную технологию в средство бесконтрольного обогащения за счет беспощадной эксплуатации природных ресурсов.

Ключевые слова: коренные народы Амура, добыча рыбы, заездок, культурная диффузия, рыбопромышленные компании, гуманитарная катастрофа

Fish eaters of the Amur region and fishing companies: from ethnocultural diffusion to humanitarian disaster. SERGEY V. BEREZNITSKY (Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia)

The article deals with the impact of fishing companies on the traditional river fishing of the indigenous peoples of the Amur region in the XIXth–XXIst centuries. The author examines the features of using such a fishing invention as *zaezdok* (fishing fence) in the traditional culture of indigenous peoples and the consequences of its borrowing and improvement by European settlers, who turned this technology into a means of uncontrolled enrichment through ruthless exploitation of natural resources.

Keywords: indigenous peoples of the Amur region, fishing, fishing fence, cultural diffusion, fishing companies, humanitarian disaster

Введение

Общество амурских народов, как и любое другое, представляет собой постоянно видоизменяющийся историко-культурный процесс, в котором возникают сложные явления, связанные как с цикличностью, так и с линейностью развития, с замедлением и скачками, с прогрессивной или деструктивной трансформацией культурных форм. Актуальными являются исследования культурных изменений в результате

глобальных общественных вызовов, катастрофических ситуаций, угрожающих самому факту существования аборигенного сообщества. Гуманитарные катастрофы представляют собой кардинальное изменение этносоциальной системы конкретного общества, трансформацию системы жизнеобеспечения, комплекса культурных ценностей, деградацию демографической и социальной структур, разрушение духовных основ жизни людей.

* БЕРЕЗНИЦКИЙ Сергей Васильевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела этнографии Сибири Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) РАН, г. Санкт-Петербург, Россия, svbereznitsky@yandex.ru

© Березницкий С.В., 2024

Причинами локальных гуманитарных катастроф являются непродуманная управленческая, народно-хозяйственная деятельность, этнокультурные заимствования, диффузии культурных форм и механизмов. С.А. Арутюнов разработал концепцию о взаимодействии культур, кардинально отличающихся в цивилизационном отношении, в специфике хозяйственно-культурных типов, менталитета. На примере взаимодействия европейских этносов и коренных народов Севера ученый выявил, что наибольшее число культурных элементов заимствуется вторым обществом у первого, как у более многочисленного, мощного, развитого в промышленной сфере [1, с. 22, 29, 70]. Диффузия наиболее актуальна для формирования особенностей локальных культур.

Американский исследователь К. Уисслер сделал вывод о том, что при этнокультурных контактах диффузия преобладает над независимым изобретением [20, р. 132–133]. Людям гораздо легче и проще воспользоваться уже готовыми технологиями, чем создавать их самостоятельно. Уисслер классифицировал два основных вида диффузий: естественную, присущую народам традиционных культур, и целенаправленную, характерную для индустриальных культур, особенно актуальную в контексте процессов массового переселения и освоения новых территорий [21, р. 128–129].

Второй тип диффузий можно проследить на примере этнокультурного взаимодействия коренных народов Амура и европейских переселенцев со второй половины XIX в. по первую четверть XXI в. в сфере промысловых технологий и, конкретно, в амурском рыболовстве. Здесь не разрешимой до сих пор остается проблема с рыбопромышленными компаниями, осуществляющими свою деятельность в Амурском лимане.

Хозяйственно-культурный тип коренных народов Амура и его притоков включает в себя охоту на сухопутных, таежных, тундренных животных, рыболовство и морской зверобойный промысел, собирательство пищевых, лекарственных и технических дикоросов, оленеводство и собаководство. Наиболее важную роль в системе жизнеобеспечения амурских народов всегда играло рыболовство. Тунгусо-маньчжурские и палеоазиаты в течение сотен лет адаптации к местной природной среде выработали уникальные технологии добычи и переработки пищи, хитроумные ловушки, орудия промысла,

транспортные средства и другие компоненты промысловой культуры.

Традиционные орудия амурского рыболовства

Архаичные орудия лова рыбы в притоке Амура – р. Уссури, в реках восточных склонов Сихотэ-Алиня – каменные и сетные запруды, остроги, крюки и гарпуны – широко используются и в настоящее время. Некоторые из них ведут свою историю с каменного века [3, с. 857–870]. Славянские переселенцы заимствовали отдельные виды таких орудий лова у коренных народов – удэгейцев, нанайцев, орочей, тазов. Традиция заимствования уловистых орудий для добычи рыбы на Дальнем Востоке насчитывает многие сотни лет. Одним из примеров в данном случае является поворотный гарпун с костяным крючком, относящийся к охотской культуре (I тыс. до н.э. – II тыс. н.э.). Впоследствии он был известен по археологическим находкам на памятниках покровской культуры IX–XIII вв. Из бассейна Амура это орудие распространилось – в результате этнокультурных контактов, диффузий, миграций – на Сахалин, Охотское побережье, Хоккайдо. Нивхи данное орудие не заимствовали, т.к. самостоятельно разработали более удобный и надежный гарпун для добычи лосося, а в рыболовной культуре айнов он сохранился до сих пор [6, с. 314–321].

С полным правом можно назвать гениальным такое изобретение коренных народов Амура, как заездок: сложное устройство из забитых в дно водоема столбов, с системой поднимающихся и опускающихся сетей, с мешками-ловушками для содержания в них свежей рыбы в воде. Эту конструкцию сетного орудия лова устанавливают на пути хода нерестового лосося. Подгоняемая инстинктом рыба наталкивается на сеть и в попытках обойти ее проходит через своеобразный лабиринт ловушек, окончательно попадая в садок. Выбраться из него рыба не в состоянии, рыбаки же легко добывают ее из воды. Историю происхождения заездка, его диффузию из аборигенной культуры в европейскую, конструктивные, локальные, территориальные, этнокультурные особенности, технологии установки и использования рассматривали в своих трудах многие исследователи XIX–XXI вв. [2, с. 230–239; 4; 5, с. 222–223; 7, с. 61–63; 11; 13, с. 130, 148, 151; 15, с. 32–33, 53–54; 16, с. 48–55; 17, с. 92; 18, с. 19–21; 19, с. 215–218].

Н.А. Крюков, по результатам собственных наблюдений, подробным образом не только описал выбор оптимального места на реке, устройство и принцип действия заездка в Амурском лимане, но и привел стоимость его сооружения, показал точный выход определенных видов лососевых пород, объемы красной икры, цены на продукцию рыболовов. Исследователь подчеркнул, что в конце XIX в. русские переселенцы в основном покупали уже пойманную рыбу и готовую икру у нивхов и нанайцев. Желающий ловить рыбу должен был взять нужный участок реки в аренду на торгах городской управы. Заездок сооружался на отмели, на дне которой произрастал особый вид травы: именно в такие места в первую очередь заходил лосось. Сваи для заездка изготавливали из прочной листовичной древесины, под водой к ним крепились решетки из жердей листовичницы, переплетенных гибкими прутьями тальника. Натываясь на эту решетку, рыба в поисках дальнейшего хода против течения в верховья Амура на нерест неизбежно попадала в ловушку, сплетенную из волокон крапивы или из пеньки. Обычная длина заездка редко превышала в те годы 125 сажень¹. В разные сезоны один заездок давал возможность поймать от 4 до 18 тыс. штук кеты [11, с. 54–58].

Таким образом, эта ловушка максимально приспособлена для добычи нерестового лосося во время рунного хода. Она позволяет за короткое время заготовить необходимое количество вкусной белковой пищи для людей и собак – единственных ездовых животных в амурской рыболовной культуре. Из шкурок лосося аборигены изготавливали одежду, обувь, вырезали трафареты для украшения халатов, применяли в производстве различной утвари, делали клей и т.п.

Ставных неводов в традиционной рыболовной культуре коренных народов Амура не знали, при подледном лове использовали сети, ловили рыбу закидным неводом: одно крыло крепилось на берегу, другое заводили с лодки. Неводы с мотней народы Амура заимствовали у русских переселенцев [15, с. 32–33].

В конце XIX – начале XX вв., воспользовавшись временным ослаблением российских властей на дальневосточных рубежах, резко активизировались японские рыбопромышленники и браконьеры – сначала в 1860-х гг. на Сахалине, а затем в 1890-х гг. на Амуре и в Приморье. Японские рыбаки перегораживали практически

весь Амурский лиман, оставляя без рыбы негидальцев, ульчей, нанайцев, удэгейцев и других аборигенов верховьев Амура, Амгуни, Уссури, Анюя, Тунгуски и других рек. По договорам с Россией Япония в тот период осуществляла полный контроль над промыслом лосося на российском Дальнем Востоке [12, с. 394].

Именно из-за того, что заездок считается самым эффективным способом лова рыбы, в советское время их количество в рыболовецких колхозах на Амуре и Сахалине строго лимитировалось в соответствии с наблюдениями местных жителей, выводами и рекомендациями специалистов Амурского отделения Тихоокеанского научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии (ТИНРО).

От культурной диффузии к гуманитарной катастрофе через гуманитарную помощь

Понятие «гуманитарная катастрофа» появилось в научном обороте лишь в конце XX в. В целом оно означает крупномасштабное социальное бедствие, нарушение прав, свобод, благополучия людей, ухудшение моральных, эмоциональных, физических условий существования и развития сообщества, трансформацию системы жизнеобеспечения и культурных ценностей. В сравнении с природными или военными катастрофами гуманитарные отличаются именно тем, что в них на первый план выходят гуманитарные негативные последствия. Одним из источников гуманитарных катастроф являются результаты агрессивного доминирования одной из сторон межкультурных, междисциплинарных, социально-экономических контактов.

После 1990-х гг. исчезли не только государственные органы рыбоохраны, в которых служили люди с высокими моральными качествами, но и вся советская система гуманистических отношений между народами – большими и малыми. Для возникших рыбопромышленных компаний главным стал лишь принцип наживы любым путем. В отличие от своего прародителя – аборигенного заездка длиной до ста метров – современные раскидывают свои крылья на многие километры. Изобретшие такой великолепный способ лова рыбы коренные народы страдают от своего же изобретения.

Современный заездок представляет собой сложное, грандиозное, многокилометровое технологическое сооружение, состоящее из

¹ Сажень = 213 см.

огромного количества длинных свай, которые вбиваются в дно лимана при помощи мощной техники, лебедок и кранов, затем на них сооружается настил. Все пространство от уровня воды до дна затягивается сетями. В середине заездка на настиле устанавливаются лебедки, которые поднимают сети для пропуска нерестовой рыбы в проходные дни и следующих по Амуру судов с различными грузами.

В 2010–2017 гг. количество заездков на Амуре стремительно росло и достигло почти сотни. В результате в 2017 г. для ихтиофагов Амура наступила настоящая гуманитарная катастрофа, потому что рыбопромышленники не пропустили лосось дальше своих заездков. Глобальность этой катастрофы усугубляется еще и природным фактором: по всему Амуру и его притокам были лишены пищи многие виды животных и птиц.

Из-за ведомственной неразберихи рыбопромышленники всегда находят обходные пути, чтобы не выполнять правила и законы о рыболовстве в Дальневосточном рыбохозяйственном бассейне, продолжают промысел тихоокеанских лососей, чем препятствуют обеспечению даже минимальных условий их естественного воспроизводства, и даже в периоды пропуска рыбы на нерестилища ловушки не приводятся в нерабочее состояние. На основе многолетних наблюдений на Амуре ихтиологи делают убедительные выводы о том, что ловля заездками по технологии, соблюдение проходных дней, подъем сетей из воды позволили бы как добывать необходимые квоты промышленникам, так и обеспечивать красной рыбой расселенные выше Амурского лимана коренные народы. В настоящее время ученые обладают всеми современными технологиями и оборудованием (квадрокоптерами, подводными видеокамерами, сонарами, гидроакустической аппаратурой) для определения точного числа тихоокеанских лососей и выяснения особенностей их миграционной активности в конкретные сезоны [2, с. 230–239; 8, с. 93–105; 10, с. 16–32].

Ситуация с добычей нерестового лосося на Амуре очень сложна: из различных источников поступает не просто противоречивая, а противоположная и взаимно агрессивная информация. У каждой стороны конфликта есть своя правда: коренные народы требуют предоставить им право ловить рыбу там, где сотни лет рыболовным промыслом занимались их предки и создали амурскую культуру.

Окончательно точку в спорах поставил Приказ Минсельхоза России от 06.05.2022 г. № 285 (в дальнейшей редакции 10.03.2023 № 154) «Об утверждении правил рыболовства для Дальневосточного рыбохозяйственного бассейна». В пункте 32.28 этого приказа говорится: для добычи тихоокеанских лососей разрешается устанавливать в Амурском лимане не более одного ставного невода или ставного невода типа заездок (с использованием в конструкции жестких элементов и забитых в грунт свай) с одной стороны каждого канала в пределах рыболовного участка [14, с. 37–38]. Как устанавливать, сколько участков находится у рыбопромышленников в аренде, каких размеров должны быть ловушки, и другие детали рыболовной технологии уже не так важны, если разрешенным, а, следовательно, законным является сам заездок.

Таким образом, рыбопромышленники оперируют договорами о взятии огромных по площади участков Амура в долгосрочную аренду, и теперь их защищают федеральные законы. В частности, представители Ассоциации предприятий рыбной отрасли Хабаровского края выступают в защиту заездков, ссылаясь на заключение ТИНРО и мнение самих рыбопромышленников: ставной невод типа заездка как орудие лова полностью обеспечивает беспрепятственный пропуск рыбы на нерест в Амурском лимане. Категорически против таких выводов представители Ассоциации рыбодобывающих предприятий Ульчского и Комсомольского района Хабаровского края, до которых рыба просто не доходит. С ними солидарны сотрудники Амурского филиала Фонда дикой природы.

Сотрудники ТИНРО убеждают общественность, что делают свои выводы на основе объективного научного анализа состояния лососевого стада. В 2018–2023 гг. на Амуре проводились комплексные ихтиологические экспедиции для выяснения причин катастрофического снижения улова лососей и выработки неотложных решений для сохранения запасов водных биоресурсов Амура. Хотя часть представителей коренных народов убеждена, что специалисты в сфере ихтиологии намеренно искажают реальные объемы рыбы, на основании чего рыбопромышленникам выдаются завышенные квоты.

Следует упомянуть и еще один фактор, который можно назвать «подсластителем» гуманитарной катастрофы – гуманитарную помощь.

Посредством нее рыбопромышленники стараются уладить конфликт с коренными народами, с этническими лидерами, с ассоциациями коренных малочисленных народов Севера (далее – КМНС), с уполномоченными по делам КМНС, с представителями средств массовой информации, блогерами. Гуманитарная помощь представляет собой добровольное, безвозмездное, благотворительное пожертвование оборудования, расходных материалов, продовольствия, медикаментов, финансовых средств и т.п., оказание различных услуг в социальной сфере пострадавшим и нуждающимся людям.

Синтезируя большой объем информации, собранный у тунгусо-маньчжуров и палеоазиатов Амура, можно сделать вывод о том, что в оценке последствий деятельности рыбопромышленных компаний их общество не однородно (Полевые материалы автора. Хабаровский край, 2018–2023 гг.). Все информанты были единодушны в том, что для выживания им необходима рыбная диета. Однако вылов рыбы в достаточных объемах невозможен из-за деятельности рыбопромышленных компаний, установивших заездки в Амурском лимане. В результате нерестовая рыба не может пройти выше по Амуру, полностью попадая в сети этих бизнесменов.

Беседы с жителями Оремифского, Иннокентьевского, Маго и других сельских поселений Николаевского района, г. Николаевска-на-Амуре, с коренными народами Нанайского и Хабаровского районов Хабаровского края показали, что рыбопромышленники занимают неуступимую позицию для несовершенного российского законодательства в сфере рыболовства. Именно крупным рыбопромышленным компаниям под силу организовать массовый вылов лосося, чтобы его продажа сетевым оптовикам оправдала затраты на приобретение оборудования, горюче-смазочных материалов, сетей, неводов, промысловой одежды, постройку заезدков, оплату труда наемных рабочих, в т.ч. и из числа КМНС. Несмотря на то, что процент рабочих из числа КМНС небольшой, благополучие их семей, их вклад в работу компаний сказываются на бедственном положении всех КМНС бассейна Амура. Вся жизнь нивхов, негидальцев, нанайцев – как традиционная, так и современная – связана с рыбой. Это основа их жизни в биологическом и в ментальном смыслах. Для коренных народов рыба – не просто этническая пища, а основа существования и дальнейшего развития.

Анализ информации, собранной у представителей различных групп коренных народов, у сотрудников сельских и городских администраций, у чиновников, у рыбопромышленников, у сотрудников силовых структур и культурных учреждений, в Ассоциации КМНС, показал, что все эти люди оперируют своими моральными категориями, этническими, культурными, экономическими взглядами и выгодами. Рыбопромышленникам в Амурском лимане нужна коммерческая прибыль, деньги для себя и рабочих. Компании, которые находятся выше по течению Амура, в Ульчском районе, в районе имени Полины Осипенко на Амгуни, несут большие потери: они разоряются из-за того, что набрали много кредитов, выиграли конкурсы на промысловые участки, на квоты, купили оборудование, некоторые даже плавбазы.

Рыбопромышленники, добывающие рыбу в Амурском лимане, продают рыбу жителям края, представителям КМНС по фиксированной, невысокой цене – примерно 30–40 руб. за кг, в соответствии с общекраевой программой «Доступная рыба». Жители с. Нижнее Пронге, Алеевка, в основном представители КМНС, благодарны рыбопромышленникам артели «Нижнее Пронге» за гуманитарную помощь в виде горючего для моторных лодок, за обеспечение в холодный период детских садов, ветеранов бесплатными дровами, за безвозмездно предоставленные стройматериалы и продукты на зиму, которые промышленники завозят на своих судах по заявкам жителей. Единственную грунтовую дорогу, связывающую Алеевку с остальным миром, ремонтируют также рыбопромышленники. Эту дорогу местные нивхи прозвали «дорога жизни». В Нижнее Пронге и в Алеевку, расположенные на противоположном от Николаевска берегу лимана в 60 км, редко ходят пассажирские суда (из-за частых штормов), а все необходимые для жизни нивхов грузы доставляют именно рыбопромышленники.

Жители п. Пуир, в основном старики и дети, зависят от своих односельчан, которые работают на заездках рыбопромышленной компании «Штурман». Они считают, что ее закрытие станет катастрофой для поселка, ведь компания не только обеспечивает работой их семьи, но и предоставляет топливо, осуществляет ремонт детского сада, школы, клуба.

Рыболовецкий колхоз в п. Озерпах на собственные средства построил рыбообработывающий завод, который сможет платить налоги,

если будет работать на полную мощность. Колхоз и завод являются градообразующими предприятиями, вся жизнь местных нивхов зависит от них. Таким образом, вольно или невольно, многие аборигены вынуждены одобрять рыбопромышленную деятельность бизнесменов в Амурском лимане.

Определенная часть амурского сообщества возлагает надежды на попытки искусственного разведения лосося. На Амуре проблему нехватки лосося уже много лет стараются решить с помощью его искусственного выращивания на частных и государственных лососевых рыбоводных заводах (Тепловском, Биджанском, Удинском, Гурском, Анюйском и др.; на Сахалине и Курильских островах). По мнению специалистов, искусственное разведение не сможет заменить естественное ни по количеству рыбы, ни по ее качеству. Кроме того, использование икры из разных районов Охотского и Японского морей пагубно сказывается на генофонде в целом лосося и, в частности, осенней кеты [9, с. 530–533, 543]. Так, представители Амурского филиала «Главрыбвод» проанализировали работу пяти местных рыбоводных заводов по выращиванию калуги, кеты и осетра и твердо убеждены в том, что искусственное воспроизводство никогда не сравнится своими объемами с природным.

Выводы

Амурские ихтиофаги – как в прошлом, так и сегодня – оптимально расселены на огромной территории Амурского бассейна для того, чтобы своими орудиями лова добывать необходимое для системы жизнеобеспечения количество рыбных и других биологических ресурсов, без урона для окружающей природы.

Современная динамика амурских этносов представляет собой многокомпонентный процесс, который определяется природными, культурными, историческими, социальными, этническими факторами, геополитическими и локальными условиями формирования и дальнейшего развития их общности. Уникальные культурные достижения в материальной и духовной сферах, возникшие в результате длительной адаптации к окружающей среде, являются основой преемственности в процессе передачи культурного наследия не только своим потомкам, но и славянским переселенцам.

Несомненными гуманистическими достижениями обладают такие компоненты этнической

культуры амурских ихтиофагов, как приоритет освоения ими наиболее выгодных в промышленном отношении участков ландшафта, разумное соотношение объема добычи природных ресурсов, необходимых для нормального жизнеобеспечения этноса, с обязательным учетом экофобных и экофильных факторов. Заимствование европейцами заездка у коренных народов позволило им адаптироваться в новых климатических условиях, используя новые для них промысловые технологии.

Возможные сценарии дальнейшего развития культуры амурских этносов предполагают, что она может или полностью трансформироваться, или же возродиться на основе инновационного совершенствования орудий труда, в т.ч. вернувшись к использованию традиционного прообраза современного заездка. В науке известна концепция реверсивной диффузии, т.е. возвращения отдельных технологий к этносу, который их изобрел. Заездки должны вернуться к ихтиофагам Амура, но без европейских технологических усовершенствований, направленных на максимизацию добычи водных биоресурсов. Диффузионным барьером, непроницаемым экраном для подобной экофобной технологии, должна стать именно гуманитарная составляющая – понимание необходимости сохранения природного баланса. Этим пониманием, в отличие от большинства европейцев, еще обладают народы, ведущие традиционный образ жизни, в т.ч. и коренные народы Амура.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М.: Наука, 1989.
2. Захаров Е.А. и др. О влиянии использования неводоудерживающих типа «заездок» на пропуск производителей тихоокеанских лососей на нерестилища в реке Амур и Амурском лимане // Вопросы рыболовства. 2022. Т. 23. № 4. С. 230–239.
3. Золотухин С.Ф. Архаичные орудия рыболовства и их современная роль в Приморском крае // Известия ТИНРО. 2002. Т. 130. С. 857–870.
4. Золотухин С.Ф. Древнее рыболовство в районе Хабаровска. Хабаровск: Ковчег, 2013.
5. Золотухин С.Ф. К пониманию истории и современных проблем традиционного рыболовства малочисленных народов Севера в Хабаровском крае // Известия ТИНРО. 2014. Т. 179. С. 220–225.

6. Золотухин С.Ф., Лещенко Н.В., Лебедюк В.А. *Марэк* – новый вид рыболовных орудий в бассейне р. Амур // Россия и АТР. 2016. № 4. С. 314–321.

7. История и культура нивхов: историко-этнографические очерки. СПб.: Наука. 2008.

8. Колпаков Н.В., Коцюк Д.В. Кризисы рыболовства в бассейне реки Амур. Количественный анализ фонда рыбопромысловых участков // Бюллетень № 14 изучения тихоокеанских лососей на Дальнем Востоке. Владивосток, 2019. С. 93–105.

9. Коцюк Д.В. Искусственное воспроизводство тихоокеанских лососей в бассейне р. Амур: история, современное состояние, перспективы // Известия ТИНРО. 2020. Т. 200. № 3. С. 530–550.

10. Коцюк Д.В., Колпаков Н.В. Вторая амурская комплексная ихтиологическая экспедиция – предпосылки и первые результаты // Вопросы рыболовства. 2022. Т. 23. № 4. С. 16–32.

11. Крюков Н.А. Некоторые данные о положении рыболовства в Приамурском крае. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1894.

12. Курмазов А.А. Российско-японские рыболовные отношения в конце XIX – начале XX в. // Известия ТИНРО. 2005. Т. 142. С. 391–402.

13. Маак Р.К. Путешествие на Амур, совершенное по распоряжению Сибирского отдела Русского географического общества, в 1855 г. СПб.: Типография К. Вульфа, 1859.

14. Приказ Минсельхоза России от 06.05.2022 г. № 285 (в редакции 10.03.2023 № 154) «Об утверждении правил рыболовства для Дальневосточного рыбохозяйственного бассейна» (действует до 1 сентября 2028 г.). М., 2023.

15. Смоляк А.В. Традиционное хозяйство и материальная культура народов Нижнего Амура и Сахалина. Этногенетический аспект. М.: Наука, 1984.

16. Старцев А.Ф. Рыболовство негидальцев в XX в. // Россия и АТР. 2012. № 1. С. 48–55.

17. Таксами Ч.М. Нивхи: современное хозяйство, культура и быт. Л.: Наука, 1967.

18. Таксами Ч.М. Основные проблемы этнографии и истории нивхов (сер. XIX – нач. XX в.). Л.: Наука, 1975.

19. Шренк Л.И. Об инородцах Амурского края. Т. 2. СПб., 1899.

20. Wissler, C., 1917. The American Indian: an introduction to the anthropology of the New World. New York: Douglas C. McMurtrie.

21. Wissler, C., 1923. Man and culture. New York: Thomas Y. Crowell.

REFERENCES

1. Arutyunov, S.A., 1989. *Narody i kul'tury: razvitiye i vzaimodeistvie* [Peoples and cultures: development and interaction]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

2. Zakharov, E.A. et al., 2022. O vliyaniy ispol'zovaniya nevodov tipa «zaezdok» na propusk proizvoditelei tikhookeanskikh lososei na nerestilishcha v reke Amur i Amurskom limane [On the influence of the use of «zaezdok» type nets on the passing of the Pacific salmon producers to the springing territories in the Amur River and the Amur liman], *Voprosy rybolovstva*, Vol. 23, no. 4, pp. 230–239. (in Russ.)

3. Zolotukhin, S.F., 2002. Archaichnye orudiya rybolovstva i ikh sovremennaya rol' v Primorskom krae [Archaic fishing tools and their modern role in Primorsky Krai], *Izvestiya TINRO*, Vol. 130, pp. 857–870. (in Russ.)

4. Zolotukhin, S.F., 2013. Drevnee rybolovstvo v raione Khabarovska [Ancient fishing in Khabarovsk area]. Khabarovsk: Kovcheg. (in Russ.)

5. Zolotukhin, S.F., 2014. K ponimaniyu istorii i sovremennykh problem traditsionnogo rybolovstva malochislennykh narodov Severa v Khabarovskom krae [Towards understanding the history and current problems of traditional fishing of the indigenous minority peoples of the North in Khabarovsk Krai], *Izvestiya TINRO*, Vol. 179, pp. 220–225. (in Russ.)

6. Zolotukhin, S.F., Leshchenko, N.V. and Lebedyuk, V.A., 2016. *Marek* – novyi vid rybolovnykh orudii v basseine r. Amur [*Marek* as a new type of fishing tools in the Amur River basin], *Rossiia i ATR*, no. 4, pp. 314–321. (in Russ.)

7. *Istoriya i kul'tura nivkhov: istoriko-etnograficheskie ocherki* [History and culture of the Nivkhs: essays in history and ethnography]. Sankt-Peterburg: Nauka. (in Russ.)

8. Kolpakov, N.V. and Kotsyuk, D.V., 2019. Krizisy rybolovstva v basseine reki Amur. Kolichestvennyi analiz fonda rybopromyslovykh uchastkov [Fishery crises in the Amur River basin. Quantitative analysis of the fishing grounds fund]. In: *Byulleten' no. 14 izucheniya tikhookeanskikh lososei na Dal'nem Vostoke*. Vladivostok, 2019, pp. 93–105. (in Russ.)

9. Kotsyuk, D.V., 2020. Iskustvennoe vosproizvodstvo tikhookeanskikh lososei

v basseine r. Amur: istoriya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy [Artificial reproduction of Pacific salmonids in the Amur River basin: history, current state, prospects], *Izvestiya TINRO*, Vol. 200, no. 3, pp. 530–550. (in Russ.)

10. Kotsyuk, D.V. and Kolpakov, N.V., 2022. Vtoraya amurskaya kompleksnaya ikhtiologicheskaya ekspeditsiya – predposylki i pervye rezul'taty [The Second Amur complex ichthyological expedition: prerequisites and first results], *Voprosy rybolovstva*, Vol. 23, no. 4, pp. 16–32. (in Russ.)

11. Kryukov, N.A., 1894. Nekotorye dannye o polozhenii rybolovstva v Priamurskom krae [Some data on the state of fishery in the Amur region]. Sankt-Peterburg: Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. (in Russ.)

12. Kurmazov, A.A., 2005. Rossiisko-yaponskie rybolovnye otnosheniya v kontse XIX – nachale XX v. [Russian-Japanese fishing relations in the late XIXth – early XXth century], *Izvestiya TINRO*, Vol. 142, pp. 391–402. (in Russ.)

13. Maak, R.K., 1859. Puteshestvie na Amur, sovershennoe po rasporyazheniyu Sibirskogo otdela Rossiiskogo geograficheskogo obshchestva v 1855 g. [Journey to the Amur, made by order of the Siberian Department of the Russian Geographical Society in 1855]. Sankt-Peterburg: Tipografiya K. Vul'fa. (in Russ.)

14. Prikaz Minsel'khoza Rossii ot 06.05.2022 g. no. 285 (v redaktsii 10.03.2023 № 154) «Ob utverzhdenii pravil rybolovstva dlya Dal'nevostochnogo rybokhozyaistvennogo basseina» (deistvuet do 1 sentyabrya 2028 g.) [Order of the Ministry of Agriculture of Russian

Federation from 06.05.2022 no. 285 (as amended on 10.03.2023 no. 154) «On approval of fishing rules for the Far Eastern fishery basin» (valid until September, 1 2028)]. Moskva, 2023. (in Russ.)

15. Smolyak, A.V., 1984. Traditsionnoe khozyaistvo i material'naya kul'tura narodov Nizhnego Amura i Sakhalina. Etnogeneticheskii aspekt [Traditional economy and material culture of the peoples of the Lower Amur and Sakhalin. Ethnogenetic aspect]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

16. Startsev, A.F., 2012. Rybolovstvo negidal'tsev v XX ve. [Fishery of Negidals in the XXth century], *Rossiya i ATR*, no. 1, pp. 48–55. (in Russ.)

17. Taksami, Ch.M., 1967. Nivkhi: sovremennoe khozyaistvo, kul'tura i byt [Nivkhs: modern economy, culture and life]. Leningrad: Nauka. (in Russ.)

18. Taksami, Ch.M., 1975. Osnovnye problemy etnografii i istorii nivkhov (seredina XIX – nachalo XX v.) [Main issues in Nivkh ethnography and history (mid-19th and early 20th centuries)]. Leningrad: Nauka. (in Russ.)

19. Shrenk, L.I., 1899. Ob inorodtsakh Amurskogo kraya. T. 2 [On the native ethnicities in the Amur Region. Vol. 2]. Sankt-Peterburg. (in Russ.)

20. Wissler, C., 1917. The American Indian: an introduction to the anthropology of the New World. New York: Douglas C. McMurtrie.

21. Wissler, C., 1923. Man and culture. New York: Thomas Y. Crowell.

*Статья поступила в редакцию 14.03.2024;
рекомендована к печати 12.04.2024*

УДК 94(73).091.3

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2024-2/72-82>

Е.С. Юрченко*

МИССИЯ ПОСЛА США В ЯПОНИИ Р. С. МОРРИСА В СИБИРЬ В 1919 г.

В статье рассматривается дипломатическая миссия посла США в Японии Р. Морриса в Сибирь в июле-августе 1919 г. Автор акцентирует внимание на стремлении американского руководства использовать миссию, чтобы оказать влияние на политику Омского правительства, а также добиться реализации принципа «открытых дверей» в отношении сибирских железных дорог. В статье анализируются причины, побудившие посла Морриса рекомендовать своему правительству поддержать Колчака и предоставить дипломатическое признание его правительству в августе 1919 г., дается оценка роли миссии в процессе формирования «русской политики» Вашингтона летом-осенью 1919 г.

Ключевые слова: Гражданская война в России, США, иностранная интервенция, Сибирь, Омское правительство, дипломатическая миссия, Роланд С. Моррис

The mission of the U.S. Ambassador to Japan R.S. Morris to Siberia in 1919.
EKATERINA S. YURCHENKO (Pacific National University, Khabarovsk, Russia)

The article examines the diplomatic mission of the U.S. Ambassador to Japan Roland S. Morris to Siberia in July-August 1919. The author focuses on the desire of the American leadership to use the mission to influence the policy of the Omsk government, as well as to achieve the implementation of the open door policy in relation to Siberian railways. The article analyzes the reasons that prompted Ambassador Morris to recommend to his government to support Kolchak and grant diplomatic recognition to his government in August 1919, and assesses the role of the mission in the process of forming Washington's «Russian policy».

Keywords: Russian Civil War, allied intervention, Siberia, Omsk government, diplomatic mission, Roland S. Morris

Цели и характер американской политики в отношении белого движения в годы Гражданской войны по сей день являются предметом дискуссий. В данном контексте обращение к теме пребывания американского посла в Японии Р.С. Морриса в Сибири в период кризиса колчаковского движения позволяет составить более многогранную картину, отражающую

* ЮРЧЕНКО Екатерина Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент Высшей школы педагогики и истории Тихоокеанского государственного университета, г. Хабаровск, Россия, y-k22@yandex.ru

© Юрченко Е.С., 2024

весь спектр противоречий, определявших курс официального Вашингтона в вопросе об отношении к противоборствующим силам в России. Несмотря на большой интерес исследователей к проблеме участия США в иностранной интервенции в годы Гражданской войны, дипломатическая миссия посла Морриса в большинстве случаев лишь формально упоминается в отдельных работах. Так, в работе Е.И. Поповой [3] нашло отражение участие посла Морриса в заключении и реализации американско-японского соглашения по железным дорогам. Однако миссия в Сибирь упоминается в качестве эпизода, иллюстрирующего стремление США поддержать А.В. Колчака [3, с. 15]. Исключением в отечественной историографии можно считать работу М.И. Светачева. Автор подчеркивает негативную оценку американским дипломатом характера омского режима [4]. Также в работе американских исследователей Ю.П. Трани и Д.Э. Дэвиса миссия Р. Морриса представлена как попытка правительства В. Вильсона скорректировать политику в «русском вопросе» в условиях обострения внутривосточной обстановки в США и борьбы за реализацию внешнеполитической программы президента [2].

Летом 1919 г. президент США В. Вильсон находился в крайне сложной ситуации. Ему предстояло добиться от Конгресса ратификации Версальского мирного договора, который являлся краеугольным камнем всей вильсоновской программы послевоенного переустройства мира. Рост изоляционистских настроений в американском обществе и преобладание республиканской оппозиции в Конгрессе создавали серьезную угрозу планам президента. Участие американских войск в интервенции в России являлось одним из наиболее уязвимых мест во внешней политике Белого дома. Республиканцы в обеих палатах Конгресса все настойчивее требовали отчета о целях пребывания американского контингента в Сибири. Политическая элита США раскололась по вопросу о необходимости дальнейшей поддержки антибольшевистских сил и изоляции большевиков. Этот раскол ощущался и в самом правительстве. Государственный секретарь Р. Лансинг полагал, что правительство А.В. Колчака является решающей силой в борьбе с большевиками и США должны усилить его поддержку. Президент воспринимал Омское правительство как реакционную военную диктатуру, которую должно сменить демократическое гражданское правительство.

Одной из приоритетных задач пребывания американского контингента в России являлась реализация принципа «открытых дверей» в отношении сибирских железных дорог. Выполнить данную задачу руководство официального Вашингтона планировало посредством передачи управления дорогами американской железнодорожной миссии и охраны дорог в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке экспедиционным корпусом под командованием генерала У. Грейвса. При этом позиция президента полностью исключала вмешательство американских военных в политическое противостояние и поддержку какой-либо из враждующих сторон [5]. Однако в условиях Гражданской войны осуществить данный план оказалось невозможно. Противодействие со стороны союзников, в первую очередь Японии, вынудило США пойти на подписание межсоюзного соглашения по контролю над КВЖД и Транссибирскими железными дорогами. Соглашение предусматривало создание Межсоюзнического комитета из представителей каждой союзной державы, имеющей вооруженные силы в Сибири, включая Россию. Под контролем комитета создавался Технический совет, который должен был осуществлять техническое и экономическое управление железными дорогами. Военно-транспортный совет союзников координировал военные перевозки. Председателем Межсоюзного комитета был назначен министр путей сообщения Омского правительства Л.А. Устругов, а председателем Технического совета – глава американской железнодорожной миссии Дж. Стивенс [6, р. 239]. Железные дороги к западу от озера Байкал должны были охранять войска Чехословацкого корпуса. К востоку от озера контроль над железными дорогами обеспечивали японские части и американский экспедиционный корпус. Реализация соглашения оказалась в зависимости от действий казачьих атаманов И.П. Калмыкова и Г.М. Семенова, которые, опираясь на поддержку Японии, фактически контролировали значительные территории в Забайкалье и на Дальнем Востоке, парализовав железнодорожное сообщение. Адмирал Колчак оказался не в состоянии взять атаманов под контроль. Донесения генерала У. Грейвса и Дж. Стивенса о бесчинствах атаманов стали для президента Вильсона еще одним поводом отложить вопрос о признании Омского правительства [5].

Позиция американского президента стала определяющей при разработке ноты союзников

Колчаку 26 мая 1919 г. Вместо дипломатического признания Верховный правитель получил перечень требований, от выполнения которых зависело продолжение помощи. С подачи В. Вильсона в него вошли такие пункты, как созыв Учредительного собрания, расширение местного самоуправления, гражданские свободы. Однако военные неудачи и отступление армий А.В. Колчака летом 1919 г. поставили американское руководство перед дилеммой: с одной стороны, слабость омского режима делала бесперспективной продолжение помощи, с другой – окончательное поражение Колчака могло поставить крест на американских планах в отношении сибирских железных дорог и способствовать расширению японской экспансии в регионе Восточной Сибири и Дальнего Востока. Ситуация менялась ежеминутно, американские представители в России не могли прийти к единому мнению относительно того, какие действия следует предпринять. Президент желал получить информацию из первых рук. Он рассчитывал, что это поможет сформулировать программу действий, которую можно будет представить Конгрессу.

Для более детального анализа ситуации руководство официального Вашингтона приняло решение об отправке в Сибирь миссии под руководством Чрезвычайного полномочного посла в Токио Роланда С. Морриса. Выбор был не случайным. Он не являлся карьерным назначенцем. Юрист и председатель демократической партии Пенсильвании, Моррис был назначен на должность посла 30 октября 1917 г. В октябре 1918 г. он посетил Владивосток, вдохновившись масштабами перемен в России в ходе революции. На протяжении 1918–1919 г. на своем посту в Японии посол прилагал значительные усилия, чтобы сгладить противоречия между США и Японией, возникавшие из-за конфликтов между командующим американским контингентом в Сибири генералом У. Грейвсом и японскими военными, оказывавшим открытую поддержку атаманам Г.М. Семенову и И.П. Калмыкову. Моррис принял непосредственное участие в подготовке и заключении межсоюзного соглашения по железным дорогам. Кроме того, с отдельными представителями японского военного руководства в Сибири у Морриса сложились дружественные отношения. Это позволяло надеяться, что посол сможет добиться выработки совместной политики с японцами.

В своих действиях Р.С. Моррис должен был руководствоваться нотой союзников от 26 мая. Это, по мнению президента, не предполагало признания, но позволило бы американскому руководству проявить «сочувственный интерес к организации и деятельности Колчака» [6, р. 388]. Особое внимание уделялось вопросу о том, насколько сильно влияние реакционеров на адмирала и способен ли он контролировать правых [8, р. 189]. Посол должен был добиться от Колчака гарантий демократических реформ и проведения политики «открытых дверей» в отношении сибирских железных дорог. Также визит посла должен был продемонстрировать Японии, что США не потерпят японского доминирования в регионе, избежав при этом открытой конфронтации [8, р. 130–131].

Государственный департамент уведомил российского посла в Вашингтоне Б.А. Бахметева о том, какое значение придается данной миссии американским президентом. Российская сторона, в свою очередь, связывала с визитом дипломата надежды на решительные изменения в американской политике. Омский МИД в отсутствие министра иностранных дел Д.С. Сазонова, находившегося в Париже, фактически возглавил товарищ министра И.И. Сукин. На него легла основная ответственность за работу с послом Моррисом. Ранее он являлся сотрудником российского посольства в США и ратовал за укрепление отношений Омского правительства с Соединенными Штатами.

10 июля Моррис прибыл во Владивосток. На следующий день он отправился в Омск в сопровождении генерала У. Грейвса. Накануне отъезда ему еще раз напомнили из Государственного департамента о необходимости сосредоточиться на решении вопроса о железных дорогах, без которого «невозможно было экономическое восстановление Сибири и, в конечном счете, Европейской части России» [6, р. 266]. Информация, полученная от Грейвса, а также собственные наблюдения привели Морриса к весьма неутешительным выводам. 22 июля он направил доклад руководству. Военное положение антибольшевистских сил посол охарактеризовал как критическое, отметив полную деморализацию армии. Он доложил в Госдепартамент, что Колчак не в состоянии противодействовать Японии и основная масса населения его не поддерживает [8, р. 466]. Отчет Морриса вызвал неоднозначную оценку в Вашингтоне. Государственный секретарь Р. Лансинг

был склонен оправдывать недостатки омского режима временными военными трудностями, а угрозу японской экспансии считал сильно преувеличенной. Ответственность за имевшие место в политике в Сибири противоречия между американцами и японцами он возлагал на генерала Грейвса.

Американский президент, чьим инструкциям Грейвс стремился следовать неукоснительно, полагал, что США должны придерживаться политики невмешательства в Гражданскую войну. Вильсон разделял точку зрения генерала на то, что ситуация, сложившаяся в Сибири, грозит перерасти в столкновения между японскими и американскими войсками. Он полагал, что дальнейшее пребывание американских войск в России лишено смысла, поскольку они не могут обеспечивать безопасность железных дорог в Сибири из-за действий казачьих атаманов, опирающихся на поддержку Японии [7, р. 573–578]. Ключевой составляющей программы президента в «русском вопросе» было невмешательство американских войск в Гражданскую войну, что в условиях постоянных конфликтов Грейвса с казаками становилось все труднее осуществлять на практике. Подобное развитие событий могло обернуться дополнительным аргументом против его внешней политики для республиканской оппозиции в Конгрессе. В своем обращении к Сенату в июне 1919 г. Вильсон заявил, что американские войска находятся в Сибири для спасения чехов и помощи русским в восстановлении закона и порядка [8, р. 759]. Выделение значительных средств и дополнительных войск было возможно только с одобрения Конгресса. В условиях развернувшегося между демократами и республиканцами противостояния по вопросу о ратификации Версальского мира президенту нужны были весомые доказательства того, что поддержка Колчака соответствует демократическим целям, которые были положены в основу его мирной программы. Он акцентировал внимание Морриса на необходимости добиться отстранения от власти военных реакционеров в окружении адмирала и расширить представительство земств и кооперативов в органах власти Омского правительства. Также было важно, чтобы союзники осуществляли согласованную политику в Сибири. В. Вильсон дал распоряжение знакомить с докладами Р. Морриса Верховный военный совет Антанты в Париже.

В конце июля Р.С. Моррис встретился с И.И. Сукиным. Сукин вынужден был признать

серьезность военной ситуации. Он настаивал, что угроза со стороны Японии растет, и обвинил японские официальные лица в намеренной дискредитации политики США. Сукин заявил, что атаман Семенов «находится под японским контролем, и Колчак имеет над ним лишь номинальную власть» [6, р. 397]. Он постарался убедить Морриса в том, что причиной роста антиамериканских настроений среди окружения Колчака является нерешительная политика официального Вашингтона. Однако Моррис сразу постарался снять с себя лишнюю ответственность. Он заявил, что не располагает полномочиями для того, чтобы предписывать правительству какие-либо действия, и в его задачи входит лишь обсуждение проблем и выработка общего с союзниками плана действий. Понимая необходимость предотвратить возможный конфликт с Японией, Моррис неоднократно подчеркивал в беседе с Сукиным намерение согласовывать свои действия с японскими представителями.

Р.С. Моррис обозначил в беседе с И.И. Сукиным перечень вопросов, подлежащих обсуждению [6, р. 398]. Наиболее значимым из них являлся железнодорожный. Американец отметил, что союзники не удовлетворены первым опытом деятельности Межсоюзного железнодорожного комитета и недостаточным содействием со стороны русских властей. Обсуждению подлежали такие проблемы, как эксплуатация железных дорог, их охрана (сюда был включен вопрос об эвакуации чехов и замене их другими союзными отрядами), финансирование железных дорог. Помимо железнодорожного вопроса необходимо было решить также целый ряд насущных проблем: получение военного снабжения из-за границы, займы и упорядочение денежного обращения, помощь населению товарами, борьба со спекуляцией, работа Красного креста и организация благотворительной помощи.

Несмотря на пессимистический настрой, Р. Моррис полагал, что правительству Колчака удастся пережить кризис. Необходимо было направить усилия на то, чтобы оно было способно содействовать американским планам. По мнению госсекретаря Р. Лансинга, проблемы правительства А.В. Колчака были обусловлены недостаточным вниманием к вопросам гражданского управления. Он подчеркивал, что на мнение и выводы посла возлагаются особые надежды, поскольку информация, поступающая от других американских представителей, слыш-

ком противоречива и не позволяет составить объективную картину, «особенно в отношении основы и степени народной поддержки Колчака к западу от Иркутска» [6, р. 399].

Р. Моррис встретился с А.В. Колчаком. Адмирал указал, что его режим носит временный характер и «его правительство не стремится перестраивать политическую жизнь России, за исключением тех случаев, когда это могло быть необходимо для достижения его единственной цели – свержения большевистской тирании в Европейской части России». Он выразил свою убежденность, что эта цель должна быть достигнута самим русским народом, и сказал, что он не желает и не просит помощи иностранных войск в борьбе с большевизмом. Вместо этого он попросил о достаточном количестве войск союзников для надлежащей охраны линии коммуникаций и кредитах, которые позволили бы его правительству закупить припасы и оборудование. Колчак выразил свое полное согласие с необходимостью выработать общий план поддержки [6, р. 400].

В своем отчете о переговорах С.Д. Сазонову И.И. Сукин заметил, что, изначально настроенный негативно по отношению к Колчаку, посол изменил свое отношение после личной встречи. По мнению заместителя министра, фактором, осложнявшим переговоры, являлось шаткое положение дел на фронте. Оно заставляло американцев сомневаться в жизнеспособности Омского правительства. Сукин настаивал, что итоги миссии Морриса могли привести к отказу от продолжения помощи не только со стороны США, но и со стороны Франции и Англии (Государственный архив Российской Федерации, далее – ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 3. К. 93. Р. 3). В своих отчетах Сукин старался не акцентировать внимание на таком аспекте переговоров, как демократизация. Американский дипломат обозначил этот вопрос как «билль о правах». «Под ним я подразумеваю тщательно подготовленное заявление, опубликованное Колчаком, гарантирующее определенные фундаментальные права личности. Большая часть недовольства нынешним правительством, деморализация и паника, по моему мнению, вызваны полной незащищенностью личности и имущества», – пояснял Моррис свою позицию руководству Госдепартамента [6, р. 402].

На встрече с представителями Пермского университета в конце июля посол заявил: «Если Америка и другие союзные державы не оказы-

вают помощи России в ее борьбе с большевиками в полной мере, то это объясняется не какими-либо иллюзиями западных держав насчет большевизма, а тем, что эти державы не находят в России общественной группы, которая могла быть достаточно авторитетной, чтобы объединить вокруг себя весь русский народ для борьбы против большевиков». Он вновь указал на преобладание военных в системе управления и недоверие к власти со стороны населения, сравнив Омское правительство с Временным правительством князя Львова (ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 542. Л. 52–53).

Посол Р. Моррис довольно быстро осознал, какие надежны связывают с его приездом русские власти. Одновременно с этим он понимал, что ситуация критическая и любой поспешный шаг может поставить Белый дом в затруднительное положение. По его словам, он в своих действиях исходил из трех предположений: что союзники находятся в оппозиции к большевистскому режиму; что движение Колчака переживет военный кризис; что в таком случае США готовы оказать ему помощь и поддержку, если будет разработан практически осуществимый план. И этот план, в первую очередь, должен был решить вопрос о железных дорогах [6, р. 400].

Моррис обратил внимание на тот факт, что железную дорогу от Иркутска до Томска контролируют чехи, которые достаточно эффективно справляются с этой задачей, но не намерены проводить еще одну зиму в России. «По мнению всех, с кем я беседовал, – представителей Чехии, британских и французских военных, наших железнодорожников, консулов союзников и даже вдумчивых и умеренных русских, таких как православный епископ в Красноярске и назначенный Колчаком губернатор Томской области, – вывод чехов стал бы сигналом к мощному антиколчаковскому, если не пробольшевистскому восстанию во всех городах вдоль железной дороги Иркутск–Омск», – телеграфировал Моррис в Госдепартамент. Посол считал, что подобная ситуация сложилась из-за целого ряда просчетов, допущенных колчаковским руководством. В первую очередь, он имел в виду тот факт, что в Восточной Сибири власть Колчака представляют казачьи атаманы, которые не пользуются доверием населения. Не менее пагубно на политику Омского правительства влияло то, что в системе управления преобладали старорежимные чиновники и военные, не

желавшие менять свои взгляды и методы управления. Местное самоуправление ликвидировано. Правительство Колчака не предприняло мер для улучшения экономической ситуации, повсюду царил спекуляция и коррупция. Система воинской повинности вызвала протесты среди крестьян и городского населения, поскольку новобранцев отправляли на фронт необученными, не экипированными, плохо снабжали продовольствием, обрекая их на смерть [6, р. 396]. С мнением Р.С. Морриса вынужден был согласиться госсекретарь Р. Лансинг. Он полагал, что реакционеры станут самой серьезной угрозой для Колчака, особенно если смогут заручиться поддержкой Японии [6, р. 402].

Стремление японского руководства использовать свое влияние на отдельных представителей антибольшевистских сил в Сибири и на Дальнем Востоке для дальнейшей экспансии грозило полной потерей контроля над железными дорогами. Моррис доложил в Госдепартамент, что железные дороги от Владивостока до Пограничной фактически находятся под контролем казачьих атаманов, которые оказывают противодействие Дж. Стивенсу и Техническому совету. Совет должен был осуществлять управление и эксплуатацию железных дорог на востоке России. Однако атаман Г.М. Семенов отказывался признавать его полномочия. 18 июля Семенов был произведен в генерал-майоры и назначен помощником командующего Приамурского военного округа. Американская дипломатия расценила это назначение как одобрение его действий омскими властями и усиление влияния Японии. Белый дом выразил протест, но на ситуацию это не повлияло.

Р. Моррис обратил внимание на то, что в той части Китайско-Восточной железной дороги, которая проходит через северную Маньчжурию, включая Харбин и станцию Маньчжурия, проблемы с казаками нет. Здесь японские власти придерживаются железнодорожного соглашения. Но при этом они по-прежнему держат войска на всех станциях в Маньчжурии, удерживают все ранее занятые казармы, завершили прокладку своих частных телефонных и телеграфных линий и содержат свой технический персонал. По мнению посла, это свидетельствовало о том, что японцы готовятся к дальнейшему продвижению [8, р. 571–573].

Р. Моррис принял активное участие в подготовке нового межсоюзного соглашения по железным дорогам. В конце июля на совещании

с представителями союзников и правительства Колчака была достигнута договоренность о том, что чехословаки будут заменены на союзные войска, которые будут не только защищать железные дороги, но и оказывать содействие администрации; будут приняты меры против вмешательства военных в управление железными дорогами. Действие всех русских законов о железных дорогах приостанавливалось на время действия межсоюзного соглашения.

Государственный департамент частным образом уведомил российское посольство в Вашингтоне о решении союзников выделить первые 20 млн долл. для финансирования железных дорог. Из американской части планировалось выплачивать содержание корпуса Дж. Стивенса и закупки железнодорожного имущества в США (ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 3. К. 93 Р. 3). Однако реализация плана находилась в зависимости от способности адмирала удержать власть, сохранить контроль над территорией и сдерживать рост японского влияния.

В начале августа военное положение Омского правительства резко ухудшилось. И.И. Сукин по поручению Верховного правителя созвал на совещание союзных представителей. В своем отчете министру об этой встрече Сукин подчеркивал: «Я сделал им исчерпывающее и вполне откровенное сообщение о нашем военном положении, командных мероприятиях и предположениях. При этом я заявлял, что правительство, уверенное в конечном успехе своего дела, с полным спокойствием и твердостью будет проводить свой политический курс, невзирая на изменившиеся условия военной обстановки и намеревается широко использовать общественные силы и энергию страны» (ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 3. К. 93. Р. 3).

Поражение антибольшевистских сил могло привести к тому, что ни одна из задач, стоявших перед миссией Морриса, достигнута не будет. 6 августа посол телеграфировал в Вашингтон свои наблюдения относительно военного положения белых в Сибири. По его мнению, несмотря на небольшой численный перевес, антибольшевистские силы уступают большевикам. «Все отчеты указывают на то, что Сибирская армия полностью дезорганизована, деморализована и в панике. Среди командиров царят зависть и интриги. Я достоверно информирован о том, что большое количество линейных офицеров бросают свои части и бегут в тыл, что очень многие были застрелены своими солдата-

ми и что не менее 4 000 офицеров нашли убежище в Омске», – писал Моррис. Он составил аналитическую записку, дав подробную оценку Колчаку и его окружению. Американский дипломат подчеркнул, что считает адмирала честным и мужественным человеком с благими намерениями. Однако у Верховного правителя нет опыта управления, он фактически не оказывает влияния на Совет министров и является диктатором лишь формально. «Дух и цели правительства Колчака, я полагаю, умеренно либеральны и прогрессивны. Если исключить военных чиновников старого режима, которые составляют большинство в Генеральном штабе, людей из окружения Колчака нельзя отнести к реакционным по своим целям. Некоторые из них монархисты, некоторые республиканцы и несколько социалистов. Я уверен, что Колчак и его сподвижники, если бы остались у власти, выполнили бы свое обещание созвать Учредительное собрание. Их слабость заключается не в духе или целях, она заключается в полном отсутствии у них опыта и эффективности», – настаивал посол.

Давая оценку системе управления, Моррис подчеркивал, что гражданские управленцы не способны предпринимать действенные шаги, «они потеряли всякую связь, если она у них когда-либо была, с теми группами населения, кооперативами, земствами, существующими партийными организациями, которые знают условия и могли бы предложить практически осуществимые меры». Именно это, по мнению американского дипломата, стало причиной того, что реальная власть оказалась в руках военных. Они ради победы над большевиками совершенно не щадили население и не заботились о состоянии тыла. Их действия привели к полному краху экономики. Единственная транспортная система, по мнению посла, выживает только под защитой чешских войск и союзников. Везде царит коррупция, а Колчак не предпринимает никаких серьезных мер, чтобы ее обуздать. Однако, несмотря на военные, политические и экономические неудачи Колчака, Моррис в августе 1919 г. альтернативы его правительству не видел. Он был убежден, что «выбор, который стоит перед каждым умеренным в Сибири, состоит в выборе между Колчаком и большевизмом» [6, р. 404–405].

«Является ли правительство Колчака в том виде, в каком оно существует сейчас, достаточно сильным, чтобы спасти Россию от тисков

большевизма? С сожалением сообщаю, что, по моему мнению, это не так. Только радикальные изменения в кадрах и методах сделают его способным выполнить такую задачу, независимо от того, насколько большую поддержку могли бы оказать ему правительства союзников», – настаивал в своих донесениях американский дипломат. Он полагал, что нужны жесткие меры в отношении военных чиновников, «которые спекулируют армейскими припасами, пока солдаты остаются без продовольствия, реквизируют железнодорожные вагоны и продают их по огромным ценам». Также необходимо было создать совещательный орган из крестьян и земских представителей. Моррис полагал, что нынешние власти не способны все это осуществить. На вопрос, можно ли кардинально изменить положение при поддержке союзников, Моррис затруднился дать однозначный ответ, полагая, что это будет весьма сложный длительный процесс [6, р. 408–409].

В начале августа А.В. Колчак встретился с представителями союзников и сообщил им, что армия будет отступать к реке Ишим, однако сдавать Омск он не планирует, поскольку это может повлечь за собой падение правительства. Колчак просил союзников сохранить доверие его правительству еще хотя бы три-четыре недели, продолжить поставки оружия и выработку общего плана поддержки его правительства. Американский посол согласился с тем, что подобные меры в текущий момент жизненно необходимы [6, р. 412]. Моррис был уверен, что армии Колчака не удержаться на позициях. Он попросил У. Грейвса лично отправиться в Ишим, чтобы на месте оценить, есть ли шанс спасти ситуацию. Сам он был настроен крайне скептически. Грейвс подтвердил информацию о катастрофическом положении в армии. В это время Сукин сообщил Моррису о том, что планируется провести реформы в системе управления. Но американский дипломат не верил в эффективность этих начинаний. Вместе с тем он был убежден, что падение Колчака будет иметь следствием неизбежную победу большевиков и господство Японии в регионе. Он попытался сгладить впечатление от своей критики в адрес омских властей. Моррис написал в Вашингтон, что Омское правительство – единственное, с которым можно взаимодействовать в текущий момент. Поэтому американское руководство должно безотлагательно предпринять действенные шаги для его спасения [6, р. 415].

В середине августа Колчак вновь встретился с Моррисом. Адмирал оправдывал военные неудачи тем, что его правительство недооценило большевиков. Колчак заявил, что был чрезмерно сосредоточен на решении военной задачи, упустив из виду экономические проблемы. Вместе с тем Верховный правитель настаивал на том, что большевистский режим в западных регионах слабеет, и Омскому правительству жизненно важно получить помощь союзников. На вопрос Морриса о том, что произойдет с антибольшевистским движением в Сибири, если правительство Колчака падет, адмирал ответил, что на смену единому движению придут локальные. Лидирующим из них станет движение Семенова, которому, без сомнения, окажет помощь Япония. Колчак настойчиво интересовался тем, поддержит ли правительство США план помощи его правительству, выработанный союзными представителями. Однако Моррис не стал его обнадеживать. «Возможно, я был слишком сдержан, но я боялся, что каким-то словом или действием я могу вселить надежды, которые будут обмануты», – пояснял он свою позицию в ответ на критику со стороны русской прессы [6, p. 417].

К концу августа генерал У. Грейвс принял решение уехать из Омска во Владивосток. Р. Моррис, не получивший от руководства инструкций, решил отправиться с ним. Он доложил, что в текущих условиях действие межсоюзного соглашения по железным дорогам фактически не выполняется. Среди чехов начались волнения, которые могут привести к тому, что они самовольно двинутся на восток. По мнению американского посла, только немедленное признание со стороны союзников могло предотвратить крах правительства Колчака. Посол был серьезно озабочен тем, что в условиях кризиса позиции сторонников сотрудничества с США в окружении Колчака ослабли. Росло влияние тех, кто ратовал за помощь Японии. Русские чиновники на железных дорогах уже не скрывали своего враждебного отношения к американцам [6, p. 419].

В своем итоговом докладе в конце августа Моррис рекомендовал правительству США предоставить Омскому правительству дипломатическое признание, выделить 200 млн долл. и отправить 20 тыс. американских солдат для охраны железных дорог. Посол объяснил свои рекомендации главе Госдепартамента необходимостью спасти Омское правительство и дать ему время, чтобы укрепить свои позиции.

Решение Морриса внушало надежду российским властям. Сукин телеграфировал в посольство в Вашингтоне: «Моррис настойчиво указывает президенту на нежелательность останавливаться на полумерах и признать правительство без промедления, не дожидаясь выяснения военной обстановки. Последнее обстоятельство находит объяснение в опасении американцев, что в случае неудачного поворота военных дел, авторитет правительства начнет быстро падать и на его место выдвинутся другие группировки, менее приемлемые с точки зрения Америки. Особенно их, по-видимому, страшит возможность выступления Семенова и расширения таким образом влияния Японии на Дальнем Востоке». Несмотря на то, что Сукин считал свою задачу по воздействию на Морриса выполненной, он полагал преждевременным рассчитывать на полный успех, поскольку окончательное слово оставалось за президентом (ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 3. К. 93. Р. 3).

Ответ из Вашингтона был неутешительным. На вопрос о возможности отправки дополнительного военного контингента США для замены чехов на железных дорогах американский президент В. Вильсон ответил отказом [6, p. 413]. Из Белого дома ответили, что правительство США не может послать дополнительные войска и выделить кредиты без одобрения Конгресса. Несмотря на то, что на основе рекомендаций Морриса президентом готовится план помощи, любые обращения в Конгресс по этому поводу исключены до того момента, пока не будет ратифицирован Версальский мирный договор. Государственный секретарь Р. Лансинг просил Морриса убедить Колчака в том, что симпатии американского правительства на его стороне, однако оно скованно законодательными ограничениями и не может свободно распоряжаться средствами для осуществления операций за рубежом. Также Моррис должен был снова напомнить Колчаку о необходимости укрепить позиции своего правительства за счет представителей земств и муниципалитетов [6, p. 422]. На этом настаивал президент Вильсон [6, p. 418].

Моррис получил ответ на свои рекомендации 27 августа в Иркутске. Он был уверен, что без отправки американских войск все остальные пункты плана были невыполнимы. Это заставило его изменить позицию по вопросу о признании Омского правительства: «В этих обстоятельствах немедленное признание Колчака

было бы неразумным, поскольку это, по-видимому, обещало бы больше, чем мы можем выполнить» [6, р. 423]. Моррис встретился с Сукиным и сообщил ему о том, что ни на военную, ни на экономическую помощь со стороны США рассчитывать в ближайшее время не стоит. Вместе с тем он решил воздержаться от каких-либо заявлений относительно окончательной позиции своего правительства. Он полагал, что любое официальное заявление поставит руководство США в крайне затруднительное положение [6, р. 424]. Госдепартамент одобрил это решение. Вместе с тем Лансинг не сбрасывал со счетов возможность разработки и принятия более приемлемого в текущий момент плана.

В начале сентября ситуация в Сибири стабилизировалась. Однако информация о положении на фронте поступала крайне противоречивая. Англия и Франция, вдохновившись успехами А.И. Деникина, решили перенаправить помощь ему. Япония, в свою очередь, активизировала поддержку атаманов, позволяя им игнорировать новое межсоюзное соглашение по железным дорогам. Отношения между казаками и американскими военными обострились до предела. По мнению Морриса, японское правительство делало все, чтобы «позволить Семенову свободно распоряжаться железной дорогой от Маньчжурии до Верхнеудинска» [6, р. 571]. Р. Моррис тесно взаимодействовал с генералом Грейвсом. Он считал, что только У. Грейвс четко и ясно видел с самого начала, чем грозит неограниченная власть военщины. Он единственный из представителей союзников пытался с этим бороться, чем и вызвал всеобщее недовольство. Посол полностью поддерживал генерала в его стремлении добиться от омских властей действенных мер против казачьих лидеров, открыто выступавших за то, чтобы изгнать американцев из Сибири. Подчиняясь разным ведомствам, американские дипломаты и военные следовали зачастую совершенно разным инструкциям. Военное ведомство стремилось придерживаться принципа невмешательства в Гражданскую войну, в соответствии с указаниями президента. Государственный департамент, напротив, настаивал на необходимости поддержки Колчака американскими военными и дипломатами. По воспоминаниям самого генерала, он очень опасался, что столь противоречивые инструкции разрушат «сердечную атмосферу» совместной работы с Моррисом. Но дипломат его не разочаровал. Несмотря на

давление со стороны Госдепартамента, посол занял подчеркнуто нейтральную позицию. «К тому времени стало почти невозможно найти в Сибири человека, сохранявшего нейтралитет, и я очень ценил сочувствие мистера Морриса к моим усилиям по сохранению нейтралитета в ситуации, когда это стоило таких трудов», – писал впоследствии в своих воспоминаниях У. Грейвс [1, с. 148]. Моррис также разделял уверенность генерала, что удержать контроль над железными дорогами можно только устранив Г.М. Семенова и увеличив численность американского военного контингента, который должен полностью заменить чехословаков [2, с. 351]. По мнению Морриса, Япония могла в любой момент использовать казаков по своему усмотрению [8, р. 571–573]. На основании донесений Морриса и Грейвса Госдепартамент обратился к правительству Колчака и японским властям с требованием пресечь противоправную деятельность Г.М. Семенова и И.П. Калмыкова. В свою очередь, японское правительство заявило, что не может вмешиваться в деятельность представителей официальных российских властей и сняло с себя всякую ответственность за инциденты между казаками и представителями союзников. По мнению японского руководства, в подобных случаях союзники должны обращаться к Омскому правительству.

Все это привело к очередному кризису в американо-японских отношениях. 30 августа Белый дом опубликовал ноту, обвинив японское руководство в попытке установить свое доминирование в Сибири посредством поддержки казачьих атаманов. При этом Вашингтон отказывался рассматривать возможность решать спорные вопросы с правительством Колчака, сославшись на его непризнанный характер. Нота вызвала крайне негативную реакцию как у японского руководства, так и среди членов Омского правительства (ГАРФ. Ф. 10003. К. 86. Р. 4). Представители антибольшевистских сил расценили ноту как намерение Вашингтона отказаться от дальнейшей поддержки Колчака. В большинстве своем они были уверены, что нота явилась следствием пребывания Морриса в Сибири, хотя Государственный департамент это отрицал (ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 2. К. 86. Р. 5). Рост антиамериканских настроений среди окружения Верховного правителя привел к попытке добиться отстранения Сукина от должности. Стремительно росло число сторонников укрепления связей с Японией. Поползли слухи, что

Япония планирует продвижение своих войск до Байкала.

И.И. Сукин считал, что следствием американской ноты стала также активизация левой оппозиции на Дальнем Востоке. Левые эсеры стремились доказать союзникам, что колчаковское правительство скоро рухнет и агитировали за помощь демократическим силам, которые придут на смену диктатуре. Сукин был уверен, что американский посол поддастся этому влиянию. Для него не было секретом, что Моррис крайне негативно оценивал политику колчаковского правительства (ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 2. К. 86. Р. 1). Сукин допускал возможность того, что дипломат поддержит оппозицию. Он опасался, что рекомендации посла окончательно приведут к отказу США от поддержки Колчака (ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 3. К. 93. Р. 3). Он обсудил это на встрече с американским консулом Харрисом. По сведениям Сукина, посол Моррис, добравшийся до Владивостока, встретился там с представителями оппозиции. Позднее он якобы заявил, что окончательное падение Колчака вопрос нескольких дней и планируется создание правительства из революционных партий. Консул Харрис обратился за разъяснениями в Госдепартамент. Он полагал, что подобное заявление со стороны Морриса, будь оно правдой, нанесло бы непоправимый удар по положению американцев [6, р. 424].

Официальный Вашингтон опроверг все обвинения. Сведения о заявлениях Морриса были названы пропагандой. Консул во Владивостоке получил распоряжение срочно опубликовать заявление о поддержке Колчака (ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 359. Л. 15). Представители Госдепартамента заверили российского посла в Вашингтоне, что вывода американских войск из Сибири не планируется (ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 3. К. 93. Р. 3). Посол Моррис получил приказ немедленно отбыть в Японию.

Отказ Палаты представителей Конгресса США ратифицировать Версальский договор в сентябре 1919 г. фактически означали провал внешнеполитического курса В. Вильсона. Последовавший в ноябре крах Омского правительства снял с повестки дня вопрос о дальнейшей помощи и поддержке белого движения в Сибири. Тем не менее, еще оставалась надежда сохранить американское присутствие на железных дорогах, но теперь это было возможно только при содействии Японии. Р.С. Моррис вернулся в Токио. Несмотря на то, что его мис-

сия в Сибири была завершена, перед ним стояла задача найти способ сохранить межсоюзное соглашение по железным дорогам. В октябре–ноябре 1919 г. он вел переговоры с японским правительством о возможности урегулировать отношения двух стран в Сибири [6, р. 535–536]. На встрече 4 октября с представителями японского правительства Моррис подробно изложил свои выводы относительно действий японских командующих в Сибири и на Дальнем Востоке. Он представил не только свои личные наблюдения, но и многочисленные свидетельства американских и союзных представителей, доказывающие, что действия японских военных являются частью целенаправленной политики, призванной сорвать реализацию межсоюзного соглашения. Он предупредил представителей японского руководства, что столь фундаментальные различия в политике в Сибири «делают невозможным реальное сотрудничество» и могут в любой момент привести к какому-нибудь местному инциденту, который серьезно поставит под угрозу дружбу двух стран [6, р. 586].

На основании отчета Морриса об этой встрече Государственный департамент направил ноту японскому правительству, в которой обвинил японских военных в намерении поддержать попытку установить независимую российскую власть под руководством Г.М. Семенова к востоку от озера Байкал. Официальный Вашингтон заявил, что подобные действия означали бы крайне неблагоприятные последствия как для антибольшевистского движения, так и для межсоюзного соглашения по железным дорогам [6, р. 587]. Однако попытки оказать давление на руководство Японии результата не принесли. Переговоры зашли в тупик. Американское правительство не могло увеличить свой военный контингент, лишившись единственного значимого фактора влияния на ситуацию в Сибири. Дальнейшее пребывание американских солдат в России руководство Белого дома сочло бессмысленным. В результате США в декабре 1919 г. в одностороннем порядке приняли решение вывести войска. Это решение значительно ослабило позиции сторонников сотрудничества с США в японском правительстве и способствовало дальнейшему ухудшению двусторонних отношений. В мае 1920 г. Р.С. Моррис покинул пост посла в Японии.

Миссия посла Морриса в Сибирь не смогла выполнить поставленные перед ней задачи. Американское руководство намеревалось опереться на режим Колчака в реализации целей американ-

ской интервенции, при этом убедившись, что политика в Сибири не вызовет еще больших противоречий в американском обществе. Доклады Р. Морриса не позволили президенту В. Вильсону обрести почву под ногами в «русском вопросе» и укрепить свои позиции в противостоянии с Конгрессом. Американское руководство и посол Моррис были фактически лишены инструментов влияния на развитие ситуации в России. Попытки посла добиться демократизации омского режима и отстранения Г.М. Семенова в условиях военных неудач были заведомо обречены на провал. Вместе с тем материалы данной миссии свидетельствуют о наличии разногласий как в самом правительстве США, так и среди американских представителей в России по вопросу о целях и методах американской политики в Сибири. Двойственная позиция Морриса по вопросу о поддержке Колчака, явившаяся следствием этих разногласий, способствовала росту антиамериканских настроений среди представителей белого движения. Попытки использовать миссию в качестве средства давления на японское правительство лишь усилили американо-японские противоречия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грейвс У. Американская интервенция в Сибири. 1918–1920: воспоминания командующего экспедиционным корпусом. М.: Центрполиграф, 2018.
2. Дэвис Д.Э., Трани Ю.П. Первая холодная война. Наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.
3. Попова Е.И. Политика США на Дальнем Востоке (1918–1922). М.: Наука, 1967.
4. Светачев М.И. Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.). Новосибирск: Наука, 1983.
5. Юрченко Е.С. В. Вильсон и Белая Россия: отношение правительства США к проблеме дипломатического признания и поддержки антибольшевистских правительств в России, 1917–1920 гг. Хабаровск: Изд-во ТОГУ, 2016.
6. Fuller, J.V. ed., 1937. Papers relating to the foreign relations of the United States. 1919. *Russia*. Washington: U.S. Government Printing Office.

7. Link, A.S. ed., 1989. The papers of Woodrow Wilson. Vol. 59. May 10–31, 1919. Princeton: Princeton University Press.

8. Link, A.S. ed., 1989. The papers of Woodrow Wilson. Vol. 61. June 18 – July 25, 1919. Princeton: Princeton University Press.

REFERENCES

1. Graves, U., 2018. *Amerikanskaya interventsia v Sibiri. 1918–1920: vospominaniya komanduyushchego ekspeditsionnym korpusom* [America's Siberian adventure, 1918–1920]. Moskva: Tsentrpoligraf. (in Russ.)
2. Davis, D.E. and Trani, E.P., 2002. *Pervaya kholodnaya voina. Nasledie Vudro Vil'sona v sovetsko-amerikanskikh otnosheniyakh* [The first Cold War. Woodrow Wilson's legacy in U.S.-Soviet relations]. Moskva: OLMA-PRESS. (in Russ.)
3. Popova, E.I., 1967. *Politika SShA na Dal'nem Vostoke (1918–1922)* [U.S. policy in the Far East, 1918–1922]. Moskva: Nauka. (in Russ.)
4. Svetachev, M.I., 1983. *Imperialisticheskaya interventsia v Sibiri i na Dal'nem Vostoke (1918–1922 gg.)* [The imperialist intervention in Siberia and Russian Far East, 1918–1922]. Novosibirsk: Nauka. (in Russ.)
5. Yurchenko, E.S., 2016. *V. Vil'son i Belaya Rossiya: otnoshenie pravitel'stva SShA k probleme diplomaticheskogo priznaniya i podderzhki antibol'shevistskikh pravitel'stv v Rossii, 1917–1920 gg.* [W. Wilson and White Russia: the attitude of the US government to the issue of diplomatic recognition and support of anti-Bolshevik governments in Russia, 1917–1920]. Khabarovsk: Izd-vo TOGU. (in Russ.)

6. Fuller, J.V. ed., 1937. Papers relating to the foreign relations of the United States. 1919. *Russia*. Washington: U.S. Government Printing Office.

7. Link, A.S. ed., 1989. The papers of Woodrow Wilson. Vol. 59. May 10–31, 1919. Princeton: Princeton University Press.

8. Link, A.S. ed., 1989. The papers of Woodrow Wilson. Vol. 61. June 18 – July 25, 1919. Princeton: Princeton University Press.

*Статья поступила в редакцию 02.02.2024;
рекомендована к печати 15.04.2024*

С.А. Власов*

РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ФИЗКУЛЬТУРЫ И СПОРТА В ПРИМОРСКОМ КРАЕ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1946–1953 гг.)

В статье прослеживается процесс реализации государственной политики в сфере физкультуры и спорта в послевоенные годы (1946–1953 гг.) на примере Приморского края. Автор рассматривает организационные основы и особенности планирования государственной политики по развитию физкультуры и спорта, способы обеспечения массовости участия граждан в спортивных соревнованиях и регулярных занятиях физкультурой, а также трудности и проблемы, с которыми сталкивалось развитие физкультуры и спорта в крае.

Ключевые слова: физкультура, спорт, управление спортом, Приморский край, спортивные соревнования, сельский спорт

Implementation of state policy in the field of physical culture and sports in Primorsky Krai in the post-war years, 1946–1953. SERGEY A. VLASOV (Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia)

The article traces the process of implementation of state policy in the field of physical culture and sports in the post-war years (1946–1953) using the case of Primorsky Krai. The author examines the organizational foundations of the state policy aimed at the development of physical culture and sports, the features of its planning, the ways to ensure mass participation of citizens in sports competitions and regular sports activities, as well as the difficulties and problems that challenged the development of physical culture and sports in the region.

Keywords: physical culture, sports, sports management, Primorsky Krai, sports competitions, rural sports

В настоящее время государство уделяет серьезное внимание развитию физкультуры и спорта, свидетельством чего является политика по приобщению граждан к здоровому образу жизни через создание физкультурно-оздоровительных комплексов по месту жительства, а также солидные бюджетные инвестиции в проведение крупных спортивных мероприятий – Олимпийских игр 2014 г., Чемпионата мира

по футболу 2018 г. и других соревнований по различным видам спорта, которые проходили в нашей стране в последние годы.

С первых лет советской власти государство стало уделять внимание развитию физкультуры и спорта. В мае 1918 г. был создан Всеобуч (Центральный отдел всеобщего военного обучения) – первая организация, непосредственно занимающаяся вопросами физкультуры спорта.

* ВЛАСОВ Сергей Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории Дальнего Востока России Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, г. Владивосток, Россия, vlasov54@bk.ru

© Власов С.А., 2024

По решению СНК РСФСР в декабре 1920 г. в Москве был открыт Институт физической культуры. 27 июня 1923 г. было принято Постановление о создании Высшего совета физической культуры (ВСФК) при ВЦИК и его местных органов. Эти, а также последующие решения директивных органов заложили основы советской государственной политики в области физической культуры (далее – ФК) и спорта.

В 1930-е гг. государство еще более усилило внимание к физкультурно-спортивной деятельности. В апреле 1930 г. ВСКФ был переименован во Всесоюзный совет физической культуры при Правительстве СССР. В 1936 г. высший орган управления получает наименование Всесоюзного комитета по делам физической культуры и спорта (ВКФКС) при СНК. Все эти преобразования были подкреплены мощной административной поддержкой, значительным расширением штатов, увеличенным на порядок финансированием. Также создают добровольные спортивные общества (ДСО), разрабатываются и принимаются нормы комплекса «Готов к труду и обороне» (ГТО), регулярно проводятся спортивные соревнования.

В послевоенные годы в государственной политике по развитию физической культуры и спорта произошли изменения, связанные с окончанием Второй мировой войны и ростом авторитета СССР как державы, внесшей основной вклад в разгром фашизма. Советское руководство не могло не воспользоваться подобной ситуацией для продвижения коммунистических идей, распространения своего влияния в мире, в том числе используя спорт как один из инструментов «мягкой силы» [2, с. 264]. Через победы советских спортсменов на международных соревнованиях Советский Союз стремился воздействовать на умы и сердца людей по всему миру. Именно этим обусловлен тот факт, что в послевоенные годы больше внимания стало уделяться спортивным достижениям физкультурников – рекордам, росту высококлассных спортсменов (мастеров спорта, перворазрядников).

Ориентация на «чемпионство и рекордсменство» не означала забвение других утилитарных задач, стоявших перед физкультурой и спортом – подготовки молодежи к службе в армии, воспитания физически крепких труженников, способных ударно работать на строительстве коммунистического общества.

Как в довоенные и в военные годы, за развитие физической культуры и спорта отвечал Всесоюз-

ный комитет по делам физической культуры и спорта при Совете Министров СССР, на местах – региональные (краевые, областные, районные, городские) комитеты, которые являлись государственными органами руководства и контроля физкультурно-спортивной работы. Они отчитывались перед Всесоюзным комитетом о реализации планов, количестве соревнований, числе участников и т.д. В СССР существовала строго централизованная система управления и развития физической культуры и спорта, в которой центр рассылал указания, по каким направлениям проводить спортивную работу, и требовал отчетности о ее выполнении.

Физкультурно-спортивная работа в СССР, как и любая другая, планировалась, по ней осуществлялась ежегодная отчетность, включающая целый перечень статистических данных. Она строилась согласно типовым календарным планам спортивно-массовых мероприятий и соревнований, составленным Всесоюзным комитетом. Региональные комитеты следовали указаниям, поступающим из Москвы, и в свою очередь планировали работу в подчиненных им районных, городских физкультурно-спортивных организациях согласно спущенным сверху установкам, для чего на места рассылались составленные загодя календарные планы спортивно-массовых мероприятий. В Приморском крае они формировались ежегодно в декабре, затем рассылались городским, районным комитетам физической культуры и ДСО. Спортивный календарь включал множество различных соревнований, самыми крупными и массовыми были спартакиады различного уровня – краевые, городские, районные, заводские. Весной, в начале открытия летнего спортивного сезона и осенью, когда он закрывался, проводились легкоатлетические кроссы, в программу которых помимо бега на различные дистанции включались соревнования по другим видам спорта. Летом во Владивостоке устраивались состязания по плаванию и гребле. В течение всего летнего спортивного сезона проводились соревнования и по игровым видам спорта – футболу, баскетболу, волейболу. Аналогичным образом строился зимний спортивный календарь: сезон открывался массовым лыжным кроссом, в течение всей зимы проходили соревнования по зимним видам спорта (Государственный архив Приморского края, далее – ГАПК. Ф. Р-462. Оп. 1. Д. 3. Л. 16).

Послевоенные годы были трудными. На протяжении 1946–1947 гг. сохранялось действие

карточной системы по распределению продуктов и промышленных товаров. Скудное низкокалорийное питание, отсутствие достаточного количества свободного времени и желания у людей, неразвитость спортивной инфраструктуры и другие реалии послевоенной разрухи – все это сказывалось на развитии ФК и спорта. Но государственные интересы были таковы, что на эти обстоятельства старались не обращать внимания.

Главным директивным документом, определявшим ход развития физкультуры и спорта в стране в послевоенные годы, являлось постановление ЦК ВКП(б) от 27 декабря 1948 г. «О ходе выполнения Комитетом по делам физической культуры и спорта директивных указаний партии и правительства о развитии массово-физкультурного движения в стране и повышении мастерства советских спортсменов». В нем излагались главные задачи физкультурного движения на ближайшие годы, а именно: 1) развертывание массового физкультурного движения в стране и всемерное увеличение рядов физкультурных организаций и физкультурников в них; 2) улучшение работы физкультурных и ведомственных организаций во всех звеньях физкультурно-спортивной работы; 3) повышение уровня спортивного мастерства и на этой основе завоевание советскими спортсменами мирового первенства по важнейшим видам спорта [5, с. 5].

Приморский краевой комитет по делам физкультуры и спорта, руководствуясь постановлением ЦК ВКП(б), прежде всего провел ряд мероприятий организационно-методического характера среди спортивных чиновников и физкультурников-общественников, которым в своей работе необходимо было реализовать партийные установки. В январе 1949 г. был проведен краевой физкультурный актив с обсуждением постановления ЦК, за которым последовал трехдневный семинар председателей районных, городских комитетов физкультуры и спорта, председателей ДСО. В феврале были проведены однодневные семинары для низовых физкультурных коллективов, в которых приняло участие 512 чел. В районы и города края были посланы специальные бригады физкультурных работников, которые в течение 10–15 дней оказывали практическую помощь в работе комитетов (ГАПК. Ф. Р-462. Оп. 1. Д. 3. Л. 2–3).

Первостепенной задачей, обозначенной постановлением ЦК, являлось достижение

массовости – увеличение числа физкультурников и привлечение к регулярным занятиям физкультурой и спортом широких трудящихся масс. Массовость нужна была для того, чтобы через различные спортивные соревнования «просеять» как можно больше молодых людей и отобрать среди них перспективных, способных, которые в дальнейшем через регулярные, систематические занятия спортом могли повысить свой уровень и быть готовыми выступать на международных соревнованиях за сборные команды СССР.

В Приморском крае рост массовости достигался за счет проведения различных мероприятий, таких как профсоюзно-комсомольские кроссы (летом – легкоатлетические, зимой – лыжные), летние и зимние спартакиады заводов, фабрик и промышленных предприятий, спартакиады сельской молодежи, трудовых резервов и школ Министерства просвещения. Кроме того, Краевой комитет физкультуры требовал от всех ДСО, чтобы каждый совет проводил свою отраслевую спартакиаду. Тех, кто этого не делал, подвергали проработкам и разбирательствам на заседаниях комитета, а в отдельных случаях – и более высоких инстанций (заседаниях крайкома и крайисполкома).

Массовость достигалась и путем использования административного нажима для привлечения к участию в соревнованиях. Всех, кто хотя бы 1–2 раза в году участвовал в них, записывали в ряды физкультурников, хотя регулярно спортом они не занимались, спортивные секции не посещали. Тем самым реальная численность физкультурником искажалась в пользу завышения.

При существующей централизованной системе управления все региональные Комитеты по делам физкультуры и спорта отчитывались ежегодно о своей работе перед Всесоюзным комитетом, и главным критерием оценки их деятельности являлся неуклонный рост численности спортивных коллективов, физкультурников и значкистов ГТО. Здесь действовала такая же методика, как и в народном хозяйстве: показатели в отчетах за текущий год должны увеличиваться по сравнению с предыдущим периодом, необходим был неуклонный рост во всем. Чиновничья логика была проста: следует работать так, чтобы превзойти прошлогодний показатель. В расчет не принимались ни трудности послевоенного времени, ни отсутствие объективных условий для занятий физкультурой и

спортом (отсутствие спортивных сооружений, инвентаря, спортивной одежды и обуви), а главное – желаний и стимулов для занятий у рядовых граждан.

Постоянно наращивать количество физкультурников, значкистов ГТО, спортсменов-разрядников было очень сложно. Однако никто из спортивных чиновников не хотел получить взыскание или лишиться должности за плохие показатели, всем хотелось выглядеть лучше в глазах руководства. Поэтому на местах приходилось выходить из положения за счет системы приписок, завышения статистических данных для благоприятной отчетности. Подобная практика по приукрашиванию реальности существовала в основном на низовом уровне – на уровне первичных физкультурно-спортивных структур, поскольку им приходилось сталкиваться с инертной массой рядовых граждан, не желающих после работы вместо отдыха подвергать себя физическим нагрузкам и тратить на физкультуру и спорт единственный выходной. Убедить их заниматься спортом, участвовать в соревнованиях было крайне трудно. На это соглашались лишь отдельные энтузиасты.

Чиновники краевого уровня старались бороться с приписками. В мае 1948 г. Приморский краевой комитет по делам физкультуры и спорта проверил работу ДСО «Спартак», где был зафиксирован целый ряд нарушений, в т.ч. и приписки по численности физкультурников и проведенных соревнований в низовых спортколлективах (ГАПК. Ф. Р-462. Оп. 1. Д. 6. Л. 84–85). По итогам проверки и выявленных недостатков приказом председателя Краевого комитета по делам физкультуры и спорта от 28.05.1948 г. председатель ДСО «Спартак» был уволен.

Оценивая работу за 1949 г., краевой комитет подверг сомнению полученные с мест статистические данные, согласно которым в Приморском крае насчитывался 821 коллектив физкультуры с общим числом членов 47 456 чел. Краевые спортивные чиновники считали, что «многие из них только числятся и не живут полнокровной жизнью» (ГАПК. Ф. Р-462. Оп. Д. 3. Л. 4).

По мнению секретаря Приморского крайкома ВЛКСМ Елизарьева, явно завышенными были данные о количестве занимающихся в крае плаванием (5 260 спортсменов). Выступая на VII Приморской конференции ВЛКСМ (февраль 1952 г.), он с иронией отметил, что спортивные чиновники для отчета, «видимо, посчи-

тали всех купающихся в Амурском заливе в летний воскресный день» (ГАПК. Ф. П-435. Оп. 1. Д. 280. Л. 190).

По итогам работы за 1951 г. Приморский краевой комитет был вынужден признать, что многие районные комитеты плохо контролируют и ведут отчетность, а ряд ДСО – «Строитель», «Медик», «Крылья Советов» за весь 1951 г. вообще не представили ни одного отчета (ГАПК. Ф. Р-462. Оп. 1. Д. 64. Л. 16). По данным за 1952 г., в числе тех, кто делает приписки и искажает реальную ситуацию, был отмечен городской спорткомитет г. Ворошилова (Уссурийск), где больше 50% спортколлективов города «числились на бумаге, работа в них велась компанейски-стихийно, от случая к случаю» (ГАПК. Ф. Р-462. Оп. 1. Д. 114. Л. 29).

Аналогичная ситуация наблюдалась и в 1953 г. В ходе проверки в спортобществах «Водник» и «Шахтер» было установлено, что ряд коллективов физкультуры фигурировал только в документах, никакая работа в них не велась. В ДСО «Водник» к занятиям в секциях привлекались курсанты Владивостокского высшего морского училища, из которых состояли секции бокса, гимнастики, лыж, баскетбола. Для отчета работники ДСО занимались фиктивным оформлением разрядников, что имело место с лыжниками, которые в соревнованиях не участвовали, но получили спортивные разряды. Такое же положение дел было с подготовкой значкистов ГТО. В отчете указывалось, что подготовлено ГТО 1-й ступени – 1036 чел. (фактически – 563 чел.), ГТО 2-й ступени – 359 чел. (фактически – 92 чел.). За факты подтасовок председатель ДСО «Водник» Алифиренко был снят с работы (ГАПК. Ф. Р-462. Оп. 1. Д. 4. Л. 24). Также за очковтирательство и обман, развившиеся в завышении числа физкультурников-членов ДСО «Шахтер», были сняты с работы инструктор Липовецкого шахтоуправления Бабий, председатель Сучанского райсовета ДСО «Шахтер» Толочко, инструктор физкультуры шахты 3-Ц Петров (ГАПК. Ф. Р-462. Оп. 1. Д. 154. Л. 21).

Необходимо отметить, что система приписок, завышения показателей статистической отчетности существовала не только в Приморском крае, это явление наблюдалось и в других регионах РСФСР [3, с. 51; 6, с. 196]. Отчетность искажалась в сторону повышения численности физкультурных коллективов, рядовых физкультурников, значкистов ГТО и БГТО.

В отношении спортсменов-разрядников – особенно спортсменов высших категорий (первый спортивный разряд, кандидат в мастера спорта, мастер спорта) – сделать это было труднее, т.к. они, как правило, выступали в составе сборных команд Приморского края на зональных и республиканских соревнованиях и их результаты сравнивались с результатами спортсменов из других регионов. Явное несоответствие заявленной классификации и показанного результата могло вызвать подозрение с последующими проверками и оргвыводами.

Готовить спортсменов-разрядников и тех, кто в составе сборных команд края выступал на зональных и республиканских соревнованиях, обязаны были ДСО, где для этого создавались секции по различным видам спорта, в которых регулярно 2–3 раза в неделю проходили тренировки.

Ведущим спортивным обществом в края являлось «Динамо». Внутри общества систематически проводились соревнования по различным видам спорта, члены ДСО «Динамо» принимали участие во всех городских и краевых спортивных мероприятиях и занимали призовые места. Лучшие спортсмены-динамовцы входили в сборные Приморского края и выступали на зональных и республиканских соревнованиях. Помимо «Динамо», по мнению краевого комитета, неплохо работали ДСО «Большевик», «Пищевик», «Локомотив», «Угольщик» (ГАПК. Ф. Р-462. Оп. 1. Д. 3. Л. 67).

Всего в крае насчитывалось 15 ДСО (данные 1951 г) и многие работали очень слабо по причине неуккомплектованности кадрами, необеспеченности спортивными базами, отсутствия помощи со стороны профсоюзных и комсомольских организаций (ГАПК. Ф. Р-462. Оп. 1. Д. 64. Л. 2). Поэтому чаще всего вся их деятельность сводилась к тому, чтобы подготовить к очередным соревнованиям группу физкультурников лишь для того, чтобы ДСО мог выставить команду и не получить взыскание за неявку. Результаты членов ДСО «Медик», «Энергия» и ряда других были очень низкими и даже не укладывались в нормативы ГТО.

Одним из средств активизации физкультурно-спортивной работы являлась пропаганда физкультуры и спорта, которая была призвана содействовать широкому вовлечению населения в занятия, повышению спортивного мастерства. Пропаганда велась средствами печати, радио, через различные виды искусства – кино, лите-

ратуру, живопись, скульптуру. Государственная власть использовала спорт как часть идеологии, формируя этический и эстетический спортивный канон в качестве образца для советских граждан. Эффективным средством агитации и пропаганды являлись сами спортивные мероприятия.

В первые два послевоенных года агитационно-пропагандистская работа в крае велась слабо. Так, за 1947 г. по вопросам ФК и спорта было прочитано всего 17 лекций (ГАПК. Ф. Р-462. Оп. 1. Д. 3. Л. 183). В дальнейшем работа улучшилась, в 1948 г. было проведено 8 выступлений по радио с докладами о физическом воспитании; организован еженедельный радиовыпуск спортивных известий; при Краевом спорткомитете создана лекторская группа из 23 преподавателей высших и средних учебных заведений, которая подготовила и прочитала 22 лекции и 65 докладов о физическом воспитании на предприятиях, в учреждениях, колхозах, совхозах и МТС; лекциями, докладами и беседами было охвачено свыше 60 тыс. чел. Помимо этой работы проведено 12 показательных выступлений лучших спортсменов и три показательных футбольных матча футбольной команды мастеров ВВС (Москва), на которых присутствовало свыше 30 тыс. зрителей (ГАПК. Ф. Р-462. Оп. 1. Д. 3. Л. 74). В 1949 г. лекторской группой было прочитано 98 лекций. Для показательных выступлений из лучших спортсменов были сформированы специальные бригады, которые выступали в сельских районах. По радио еженедельно (по вторникам) передавался выпуск спортивных известий, выступали сильнейшие спортсмены – чемпионы и рекордсмены, руководители краевых, городских и районных комитетов и председатели спортивных обществ.

В целях широкой пропаганды физкультуры и спорта Приморским краевым комитетом было издано 30 тыс. наглядных плакатов по всем видам спорта. Эти материалы, а также фотохроника ТАСС, куда входили фотографии с всесоюзных и международных соревнований с выступлениями советских спортсменов, снимки, отражающие массовую работу физкультурных организаций на предприятиях, в учреждениях, учебных заведениях и колхозах, распределялись по городским, районным комитетам и спортивным обществам (ГАПК. Ф. Р-462. Оп. 1. Д. 3. Л. 14–15).

В 1950 г. к чтению лекций, помимо лекторской группой, привлекались партийно-комсо-

мольские и советские работники, физкультурники, в общей сложности было задействовано более 100 чел., которые прочитали 480 лекций. В целях популяризации физкультуры и спорта в районы края выезжали 43 агитбригады лыжников, мотоциклистов, велосипедистов, в составе которых приняло участие более 500 физкультурников. Участники агитпоходов были снабжены необходимой литературой, печатными конспектами лекций и докладов, различными лозунгами и плакатами. Для наглядной агитации в городах и районах было оборудовано 12 фотостендов, отображающих достижения советских спортсменов и спортивную жизнь Приморья. Всего было изготовлено около 400 физкультурных фотомонтажей, которые вывешивались в читальных залах, в окнах магазинов, в красных уголках (ГАПК. Ф. Р-462. Оп. 1. Д. 27. Л. 18–19).

В 1951 г. Всесоюзный комитет по делам физической культуры и спорта издал директиву по вопросу организации и пропаганды физкультуры, в которой указывалось о необходимости создания в краях, областях, республиках секций пропаганды физической культуры – общественных организаций, для работы в которых подбирались умелые и активные специалисты. В их задачу входило проведение бесед на производстве, в парках и садах, устройство кинолекториев, спортивных вечеров, организация наглядной агитации – лозунгов, плакатов, показательных выступлений, фотовыставок. На селе агитационными центрами становились клубы, избы-читальни, красные уголки, в которых проводились беседы, доклады, лекции [1, с. 105].

В Приморском крае во исполнение директивы Всесоюзного комитета при Краевом комитет по делам физкультуры и спорта во второй половине 1951 г. была организована секция пропаганды и агитации во главе с А.П. Лопаткиным, руководителем военно-физкультурного отдела Приморского краевого комитета ВЛКСМ.

В течение года секцией пропаганды было прочитано 450 лекций и докладов, проведено свыше 200 показательных выступлений, в т.ч. чемпионов СССР и РСФСР – Бориса Назаренко, Михаила Князева, Алексея Погребца и др. В городах выступления лучших спортсменов и тренеров проводились в кинотеатрах перед началом киносеансов.

Уделялось внимание наглядной агитации – стадионы, водные станции, клубы оформлялись лозунгами, плакатами, диаграммами на темы

физкультуры и спорта. Хорошо была организована наглядная агитация в Ворошилове на стадионе ДСО «Локомотив», в Артеме на шахте 3-Ц, где в доступной форме отражалась физкультурная и спортивная жизнь коллектива, достижения спортсменов, рост рядов значкистов ГТО и разрядников. Ход физкультурно-массовых мероприятий, соревнований, спартакиад систематически освещался на страницах краевых газет «Красное знамя», «Тихоокеанский комсомолец», передавался по радио, где регулярно выходил специальный выпуск спортивных известий (ГАПК. Ф. Р-462. Оп. 1. Д. 64. Л. 87–89).

Несмотря на широкую пропаганду, ее воздействие было ограничено объективными обстоятельствами, поскольку для желающих заняться физкультурой и спортом не было надлежащих условий – отсутствовала необходимая спортивная инфраструктура, не хватало спортивного инвентаря.

В 1947 г. Приморский край располагал девятью стадионами, три из которых не были достроены еще с довоенного времени; имелось также 63 футбольных поля, 64 универсальных спортплощадки, 32 баскетбольных и 182 волейбольных площадки (ГАПК. Ф. Р-462. Оп. 1. Д. 3. Л. 190).

Средств для ремонта существующих спортивных объектов и строительства новых не хватало. К концу 1940-х гг. во Владивостоке не было завершено строительство стадионов «Динамо» и «Судостроитель». Стадион «Динамо» начали строить еще до войны, но с ее началом строительство законсервировали и возобновили в 1946 г. силами строительной организации Министерства внутренних дел с привлечением общественности и молодежи города (ГАПК. Ф. П-435. Оп. 1. Д. 71. Л. 31). К 1948 г. были построены: футбольное поле, баскетбольная и волейбольная площадки, легкоатлетический сектор с беговыми дорожками. Но не было никаких подсобных спортивных сооружений (раздевалок, душевых, комнат для тренеров и судей) и трибун для зрителей. Приморский крайком ВКП(б), крайисполком неоднократно обращались с ходатайствами в Совет Министров СССР о выделении средств на достройку стадиона «Динамо», который в послевоенные годы являлся главной спортивной ареной Владивостока и Приморского края (ГАПК. Ф. Р-26. Оп. 33. Д. 366. Л. 1). Однако в силу различных обстоятельств стадион «Динамо» был достроен только во второй половине 1950-х гг.

Не были восстановлены закрытые в военные годы стадионы – «Водник» во Владивостоке, «Локомотив» в Ворошилове, в Черниговском, Тернейском и ряде других районов. Требовался капитальный ремонт Дома физкультуры во Владивостоке, по смете необходимо было 300 тыс. руб., а республиканский спорткомитет выделил 60 тыс., остальные средства предлагал изыскать на месте (ГАПК. Ф. Р-462. Оп. 1. Д. 3. Л. 89).

В 1949 г. спортивная инфраструктура края была представлена двумя Домами физкультуры (во Владивостоке и Ворошилове), тремя стадионами во Владивостоке, двумя в Ворошилове, десятью упрощенными стадионами в райцентрах, более 200 различными спортивными площадками. Из 323 семилетних и средних школ спортивные залы имелись только в 35, в остальных занятия по физкультуре проходили в коридорах. В школах имелось 367 спортивных площадок, из них волейбольных – 122, баскетбольных – 58, площадок для городков – 98, гимнастических городков – 29 (ГАПК. Ф. Р-462. Оп. 1. Д. 3. Л. 12, 23–24).

Физкультурники края были плохо обеспечены спортивным инвентарем. Несмотря на решение Крайисполкома о необходимости местной промышленности и промкооперации наладить его производство, оно выполнялось не полностью. На 1947 г. было запланировано изготовить штанг для занятий тяжелой атлетикой 25 шт. (произвели 18 шт.), комплектов для игры в городки – 800 шт. (сделали 100 шт.), матов гимнастических – 70 шт. (не изготовили ни одного), лыж предполагалось выпустить 10 тыс. пар (не выпустили ни одной), хоккейных коньков – 3 тыс. пар (не сделали ни одной). Лишь по производству спортивной одежды и обуви план был выполнен. Несмотря на ссылки на объективные обстоятельства – отсутствие необходимого материала и сырья, план на 1948 г. на спортивный инвентарь и оборудование по отношению к плану 1947 г. был увеличен на 100%. Крайисполком требовал, чтобы спортивный инвентарь выпускался на местах в городах, районах и физкультурники не рассчитывали на централизованные поставки, которые покрывали лишь 71% от потребности и к тому же поступали с опозданием, без учета сезонности – зимний обычно в начале лета, летний – в зимние месяцы (ГАПК. Ф. Р-462. Оп. 1. Д. 3. Л. 190). Так, в 1950 г. на весь край поступило всего 30 баскетбольных, 100 волейбольных, 200 футбольных мячей, поэтому при

распределении по городам и районам приходилось выделять по 1–2 мяча (ГАПК. Ф. П-435. Оп. 1. Д. 226. Л. 154).

Еще одной проблемой, сказывающейся на развитии физкультуры и спорта в крае, была нехватка кадров – организаторов физкультурно-спортивной работы, тренеров и преподавателей физкультуры. На работу в аппарат городских и районных комитетов часто принимали людей без специального образования, в лучшем случае это были бывшие спортсмены, но иногда привлекали и тех, кто мало знал физкультуру и спорт, имел низкий образовательный уровень, не обладал организаторскими способностями. По оценке Краевого спорткомитета, в 1948 г. из 24 председателей районных комитетов с работой справлялись только 11 чел., остальные по разным причинам (нехватка образования и квалификации, организаторских навыков) – нет (ГАПК. Ф. Р-462. Оп. 1. Д. 3. Л. 184).

В последующие годы ситуация с физкультурно-спортивными чиновниками не улучшилась. Несмотря на решение Приморского крайисполкома (декабрь 1949 г.) о запрете рай – и горисполкомам освобождать или перемещать председателей городских и районных комитетов без согласования с Краевым комитетом по делам физкультуры и спорта, а также использовать их длительное время на работе, не связанной с физкультурно-спортивной, все это не выполнялось. Люди часто менялись, многих не устраивала низкая зарплата, невозможность улучшения жилищных условий – «физкультурники», как и работники образования и культуры, стояли на низшей ступени партийно-государственной номенклатуры и обеспечивались жильем в последнюю очередь. В 1949 г. сменилось 13 председателей районных и городских комитетов (ГАПК. Ф. Р-26. Оп. 22. Д. 110. Л. 10, 12), в 1950 г. – 19 чел., в 1951 г. – более 20 чел. (ГАПК. Ф. П-435. Оп. 1. Д. 280. Л. 165). В ряде районов за год сменилось 2–3 председателя. Некоторые уходили не только из-за материальных и жилищно-бытовых условий: не устраивало отношение к ним со стороны районных руководителей, которые распоряжались ими по собственному усмотрению в ущерб основной работе, которую они должны были выполнять – посылали в качестве уполномоченных на лесозаготовки, посевную, уборочную, отправляли в командировки для решения других задач (ГАПК. Ф. Р-462. Оп. 1. Д. 64. Л. 20–21; Ф. П-435. Оп. 1. Д. 71. Л. 22).

Не лучше была ситуация с тренерскими кадрами и преподавателями физкультуры. В 1948 г. их общая численность составляла 214 чел., но только 6 чел. имели высшее физкультурное образование (ГАПК. Ф. Р-462. Оп. 1. Д. 3. Л. 184). В 1951 численность тренерско-преподавательского состава заметно увеличилась (до 330 чел.), но количество специалистов с высшим физкультурным образованием по-прежнему было низким – 8 чел. (ГАПК. Ф. Р-462. Оп. 1. Д. 64. Л. 65–66). Большинство из тренеров и преподавателей имели среднее специальное образование или окончили краткосрочные курсы.

Средние школы были полностью укомплектованы преподавательским составом, а в семилетних школах преподавателей не хватало. В 180 семилетних школах уроки физвоспитания вели преподаватели-совместители, которые не имели даже среднего специального физкультурного образования. Для того, чтобы решить кадровую проблему с преподавателями в школах, в 1951 г. при Владивостокском педагогическом училище был открыт факультативный курс физического воспитания, в котором обучалось 37 чел. (ГАПК. Ф. Р-462. Оп. 1. Д. 64. Л. 65–66).

Помимо штатных работников занятия в секциях вели инструктора-общественники, которых за послевоенные годы было подготовлено 638 чел., но работали из них не все, к тому же не по всем видам спорта. Не хватало инструкторов-общественников по гимнастике, городкам, велоспорту и некоторым другим видам спорта, а больше всего подготовили по популярным у молодежи игровым видам спорта (волейбол, футбол, хоккей) и силовым (штанга и борьба) (ГАПК. Ф. Р-462. Оп. 1. Д. 65. Л. 20–21).

Все вышеперечисленные проблемы – от нежелания большей части молодежи заниматься спортом до слабой инфраструктуры и отсутствия спортивного инвентаря – негативно сказывались на развитии физкультуры и спорта. Но в городах края, тем не менее, находились энтузиасты – любители, за счет которых во многом спорт существовал, развивался. Нельзя не учитывать и административное воздействие, благодаря которому проводились соревнования, открывались секции, велась определенная работа. В сельской местности для развития спорта не было никаких объективных условий. Сам образ жизни сельского жителя был таков, что приходилось работать круглосуточно – сначала в колхозе, затем на своем личном приусадебном участке и подворье, в единственный свобод-

ный день часто проводились «воскресники», а во время уборочных или посевных кампаний практиковалась семидневная рабочая неделя [7, с. 193–194]. Свободного времени не оставалось ни для какого вида досуга, включая спорт, к тому же напрочь отсутствовала инфраструктура, тренерские кадры и другие необходимые для физкультуры и спорта условия. Для занятий физкультурой и спортом оставалась зима, и большинство соревнований проходило по зимним видам спорта, в основном лыжам, которые проводились регулярно, однако число участников было крайне незначительным. Так, в январе 1948 г. в краевых лично-командных соревнованиях по лыжам среди сельской молодежи приняло участие 9 районов (55 чел. – 38 мужчин, 17 женщин) (ГАПК. Ф. Р-462. Оп. 1. Д. 6. Л. 5). В следующем 1949 г. в них участвовали представители 10 районов, всего 74 чел. (ГАПК. Ф. Р-462. Оп. 1. Д. 16. Л. 13).

Соревнования летом проводились нерегулярно. Чтобы вовлечь в занятия физкультурой и спортом как можно больше сельских жителей, крайисполком принял решение о проведении в 1948 г. летней спартакиады сельской молодежи (ГАПК. Ф. Р-462. Оп. 1. Д. 3. Л. 88). В ходе ее подготовки сельскую молодежь привлекли к традиционному майскому профсоюзно-комсомольскому легкоатлетическому кроссу, но сроки его проведения совпали с посевной, что снизило численность сельских физкультурников, принявших участие в нем.

Финальные соревнования краевой спартакиады сельской молодежи прошли в июле 1948 г. во Владивостоке. В ее программе было всего два вида спорта – легкая атлетика и плавание. Выступили представители 11 районов, общей численностью 106 чел. (62 мужчины, 44 женщины). В отчете о соревнованиях отмечалось, что подавляющее большинство участников выступало босиком (без обуви) и только единицы имели специальные легкоатлетические «шиповки», что красноречиво свидетельствовало о том бедственном положении, в котором находился сельский спорт. Большинство сельских физкультурников имели низкую подготовку, только 11 чел. смогли выполнить норму третьего спортивного разряда, у всех остальных результаты были ниже (ГАПК. Ф. Р-462. Оп. 1. Д. 11. Л. 4).

В 1949 г. в летней краевой спартакиаде сельской молодежи участвовало 16 районов (156 чел.) (ГАПК. Ф. Р-462. Оп. 1. Д. 3. Л. 13).

При этом, несмотря на рост числа участников, проблемы, присущие сельскому спорту, остались. Сельские физкультурники не были обеспечены спортивной инфраструктурой, инвентарем, научно-методической литературой, тренерскими кадрами. Спортивную работу проводили преподаватели физкультуры сельских школ, если для этого у них было время и желание, и люди, отслужившие в Советской Армии, где они получили какие-то первоначальные навыки физкультурно-спортивной подготовки.

Лишь в отдельных коллективах физкультурно-спортивная работа была поставлена на должном уровне. Так, в колхозе «Новая деревня» с. Тихменево Шмаковского района за 1948 г. было проведено 12 соревнований внутри коллектива, физкультурники принимали участие во всех районных соревнованиях, часть сельских спортсменов – в краевых, два человека в составе сборной края участвовали в зимней спартакиаде РСФСР. В коллективе подготовили значкистов ГТО 1-й ступени – 23 чел., БГТО – 12 чел. Неплохо была организована работа в колхозе «Большевик» с. Уссурка Кировского района. Здесь регулярно занимались спортом 29 чел., за 1948 г. подготовили значкистов ГТО 1-й ступени – 11 чел., БГТО – 7 чел. По итогам 1949 г. одним из лучших сельских спортивных коллективов стал коллектив физкультурников колхоза «Дальний Восток» Гродековского района, в котором 54 чел. регулярно занимались спортом в секциях гимнастики, шахмат, шашек и др. Все они сдали нормы ГТО. Коллектив за лучшие показатели в работе в 1949 г. был награжден Краевым комитетом по делам ФК и спорта спортивным инвентарем и оборудованием (ГАПК. Ф. Р-462. Оп. 1. Д. 3. Л. 10, 68).

В 1950 г. Совет Министров РСФСР принял постановление об образовании ДСО «Колхозник» с целью усиления физкультурно-спортивной работы среди сельских жителей – повышения массовости, вовлечения в занятия ФК и спортом новых сельских физкультурников, улучшения их спортивных результатов. Появилось новое спортивное общество и в Приморском крае, но желаемого роста в сельском спорте не произошло. В отчете Приморского краевого комитета по делам ФК и спорта за 1951 г. было отмечено, что в 116 колхозах коллективы физкультуры так и не были созданы, а численность членов ДСО «Колхозник» составляла всего 7 246 чел. (ГАПК. Ф. Р-462. Оп. 1. Д. 64. Л. 13).

Завершением послевоенного периода в развитии физкультуры и спорта можно считать 1953 г., когда произошли изменения в руководстве физкультурно-спортивным движением страны. 15 марта 1953 г. вышло постановление Совета Министров СССР № 763, в котором предписывалось: «Упразднить Комитет по делам физкультуры и спорта при Совете Министров СССР и передать его функции Министерству здравоохранения СССР, образовав для этого в составе Министерства здравоохранения СССР Главное управление по физкультуре и спорту» [4]. В Приморском крае спорткомитет был также упразднен, а при Краевом отделе здравоохранения был создан отдел по физкультуре и спорту, который продолжил физкультурно-спортивную работу уже в новой политико-экономической ситуации, сложившейся в стране после марта 1953 г.

Оценивая процесс реализации государственной политики в области физкультуры и спорта в Приморском крае в послевоенные годы, следует отметить, что, несмотря на проблемы социально-экономического характера – послевоенную бедность, нехватку продовольствия и отсутствие свободного времени у жителей края, неразвитость спортивной инфраструктуры, дефицит спортивного инвентаря и др., краевой спорткомитет проводил определенную физкультурно-спортивную работу, в результате которой произошло увеличение числа спортивных соревнований, физкультурников и спортсменов-разрядников. Несмотря на отдельные недостатки – приписки в отчетности, административный нажим по привлечению к занятиям спортом, невыполнение планов по развитию спортивной инфраструктуры и выпуску спортивного инвентаря, можно констатировать, что Приморский краевой спорткомитет в целом справлялся с задачами, поставленными перед ним партией и правительством.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Истягина-Елисеева Е.А., Дубинин А.С. История пропаганды массового спорта средствами спортивно-исторического наследия в период 1945–1991 гг. // Вестник спортивной истории. 2016. № 1. Ч. 2. С. 103–111.
2. Мартыненко С.Е. Политизация спорта: история и современность // Вопросы истории. 2020. № 9. С. 263–271.
3. Нурдыгин Е.А. Использование массового физкультурно-спортивного движения в со-

ветской политической жизни в начале 1950-х гг. (по материалам Пензенской области) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2016. № 2. С. 51–54.

4. О Комитете по делам физкультуры и спорта. Постановление Совета Министров СССР 15.03.1953 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/4.07.2023>

5. О ходе выполнения Комитетом по делам физической культуры и спорта директивных указания партии и правительства о развитии массово-физкультурного движения в стране и повышении мастерства советских спортсменов // Сборник руководящих материалов по физической культуре и спорту. М.: Профиздат, 1952. С. 3–9.

6. Сиякин С.С. Общественно-спортивное движение в Курской области во второй половине XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4–2. С. 195–200.

7. Филев М.В. Сельский досуг: опыт микроисторического исследования послевоенного колхоза «Большевик» Калининградской области (1946–1964 гг.) // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: сборник материалов Международной молодежной научной школы-конференции. Новосибирск: Свободные науки, 2021. С. 193–204.

REFERENCES

1. Istyagina-Eliseeva, E.A. and Dubinin, A.S., 2016. Istoriya propagandy massovogo sporta sredstvami sportivno-istoricheskogo naslediya v period 1945–1991 gg. [The history of the mass sports promotion by the means of sports historical heritage, 1945–1991], Vestnik sportivnoi istorii, no. 1, pp. 103–111. (in Russ.)

2. Martynenko, S.E., 2020. Politizatsiya sporta: istoriya i sovremennost' [Politicization of sport: history and modern state of affairs], Voprosy istorii, no. 9, pp. 263–271. (in Russ.)

3. Nurdygin, E.A., 2016. Ispol'zovanie massovogo fizkul'turno-sportivnogo dvizheniya v sovetskoi politicheskoi zhizni v nachale 1950-kh

gg. (po materialam Penzenskoi oblasti [The use of mass sports movement in Soviet political life in the early 1950s (the case of Penza Oblast')], Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Seriya: Obshchestvennye nauki, no. 2, pp. 51–54. (in Russ.)

4. O komitete po delam fizkul'turi i sporta. Postanovlenie Soveta Ministrov SSSR 15.03.1953 g. [On the Committee on physical culture and sports. Resolution of the Council of Ministers of the Soviet Union of 15.03.1953]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/4.07.2023> (in Russ.)

5. O khode vypolneniya Komitetom po delam fizicheskoi kul'turi i sporta direktivnykh ukazanii partii i pravitel'stva o razvitii massovo-fizkul'turnogo dvizheniya v strane i povyshenii masterstva sovetskikh sportsmenov [On the implementing of the directives of the party and government by the Committee on physical culture and sports on the development of the mass physical culture movement in the country and improving the skills of Soviet athletes]. In: Sbornik rukovodyashchikh materialov po fizicheskoi kulture i sportu. Moskva: Profizdat, 1952, pp. 3–9. (in Russ.)

6. Sinyakin, S.S., 2009. Obshchestvenno-sportivnoe dvizhenie v Kurskoi oblasti vo vtoroi polovine XX v. [Mass sports movement in Kursk Oblast' in the second half of the XXth century], Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta, no. 4–2, pp. 195–200. (in Russ.)

7. Filyov, M.V., 2021. Sel'skii dosug: opyt mikroistoricheskogo issledovaniya poslevoennogo kolkhoza «Bol'shevik» Kaliningradskoi oblasti (1946–1964 gg.) [Rural leisure: an attempt of microhistorical study of a post-war collective farm «Bolshevik» in Kaliningrad Oblast', 1946–1964]. In: Aktual'nye problemy istoricheskikh issledovaniy: vzglyad molodykh uchenykh: sbornik materialov Mezhdunarodnoi molodezhnoi nauchnoi shkoly-konferentsii. Novosibirsk, 2021, pp. 193–204. (in Russ.)

*Статья поступила в редакцию 27.11.2023;
рекомендована к печати 12.02.2024*

Е.С. Волкова*

ВАУЧЕРНАЯ ПРИВАТИЗАЦИЯ И ЕЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ НА СТРАНИЦАХ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Используя художественные произведения в качестве исторического источника, автор анализирует отношение жителей Дальнего Востока к чековой приватизации и ее последствиям. Дальневосточные литераторы преимущественно характеризуют процесс разгосударствления имущества в негативном ключе – как обманную, грабительскую, преступную политическую акцию, рассматривая ее в общем контексте неolibеральных реформ и считая основным инструментом смены социального порядка. Многие авторы делают акцент на пренебрежительном отношении неolibеральных политиков к основной массе населения, пишут о резкой дифференциации по уровню доходов, которая привела к расколу в российском обществе, прогрессирующей конфликтности и росту криминогенности.

Ключевые слова: Дальний Восток России, рыночные реформы, приватизация, ваучер, писатели, художественная литература

Voucher privatization and its social consequences in the fiction of the Russian Far East. ELENA S. VOLKOVA (Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia)

Using fiction as a historical source, the author analyzes the attitude of residents of the Russian Far East to voucher privatization and its consequences. Far Eastern writers predominantly characterize the process of denationalization of property in a negative way – as a deceptive, predatory, criminal political action, considering it in the general context of neoliberal reforms. Many authors focus on the disdainful attitude of neoliberal politicians towards the ordinary people, write about the sharp differentiation of population by the income level, which carved a deep rift in Russian society and led to an increase in crime.

Keywords: Russian Far East, market reforms, privatization, voucher, writers, fiction

Ваучерная приватизация 1992–1994 гг., ставшая первым этапом реформирования отношений собственности и, по сути, заложившая основы современной российской экономиче-

ской системы, явилась одной из самых ярких и шокирующих политических акций постсоветского периода. Три десятилетия спустя эта тема не теряет своей актуальности, оставаясь в

* ВОЛКОВА Елена Сергеевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, г. Владивосток, Россия, elenavolkova1@yandex.ru

© Волкова Е.С., 2024

фокусе внимания исследователей, политиков, журналистов. Судя по всему, именно начальный этап приватизации оставил в коллективной памяти наиболее глубокий след, поскольку в этот процесс были непосредственно вовлечены все граждане России. При этом отношение различных социальных групп к приватизации по-прежнему является малоизученным аспектом [5, с. 50], и данная работа призвана частично восполнить этот пробел. Мы придерживаемся подхода к историческому исследованию, сформулированного А.К. Соколовым: «История разворачивается не сверху, через восприятие “сильных мира сего” и не через официальный дискурс, воплощающий “язык власти”, а как бы “снизу” и “изнутри”...» По мысли Соколова, в центре внимания находится «человек, причем не сам по себе, а как элементарная клеточка живого и развивающегося общественного организма» [35].

Главным историческим источником в данном исследовании выступают произведения дальневосточной художественной литературы, созданные современниками рыночных реформ. Как правило, литератор не ставит перед собой задачу в точности воспроизвести событийный ряд освещаемого периода – основная ценность этой группы источников заключается в том, что они представляют собой живые свидетельства, воссоздающие повседневные структуры, транслирующие дух эпохи, общественные настроения, отношение соотечественников к историческим событиям и процессам в обобщенно-символической художественной форме. Подобная информация представляет безусловную ценность для историка, работающего в антропологическом ключе. Об этом пишет, например, Н.Б. Лебина, которая широко использует художественные тексты в своих исследованиях, концептуально следуя за Л.Н. Гумилевым, считавшим, что «каждое великое и даже малое произведение литературы может быть историческим источником... как факт, знаменующий идеи и мотивы эпохи...» Во многих случаях наиболее важной для историка становится «внешне второстепенная», по выражению Лебиной, информация, редко оказывающаяся в центре внимания рядового читателя [23].

Ю.М. Лотман называет художественный текст конденсатором культурной памяти, отмечая, что он «обладает способностью сохранять память о своих предшествующих контекстах. ...Для воспринимающего текст – всегда ме-

тонимия реконструируемого целостного значения» [24, с. 21]. Для проведения подобной реконструкции приходится тщательно настраивать и перенастраивать исследовательскую оптику. При анализе художественных произведений мы руководствовались методологическими положениями Х.-Г. Гадамера, призывающего историка работать с текстами так, как действует судебный следователь при опросе свидетелей: «Историк стремится заглянуть за тексты, чтобы добиться от них сведений, которых они давать не хотят и сами по себе дать не могут, ...стремится дополнить и проконтролировать текст, обращаясь к другим преданиям. ... Отдельные тексты вместе с другими источниками и свидетельствами объединяются для историка в единство предания в целом. Единство этого целого и есть его подлинный герменевтический предмет» [7, с. 399–401].

Разговоры о необходимости реформирования отношений собственности зазвучали в высших эшелонах власти со второй половины 1980-х гг., в 1990 г. обсуждение этого вопроса вышло в публичное пространство. Расшатывание советской идеологии в годы перестройки, кризис социальной политики и зарождение рыночных структур в условиях фактически сформированного потребительского общества подготовили базу для внедрения в общественное сознание идей приватизации [4, с. 132–133; 5, с. 49]. Исследователи констатируют, что в позднесоветский период дальневосточный социум двигался в русле общероссийских процессов [28, с. 460–465, 492, 786–793, 914–918].

Проводя разъяснительную кампанию, реформаторы говорили только об ожидаемых позитивных результатах приватизации, практически не касаясь минусов, акцентируя внимание на создании многочисленного класса частных собственников (которые, приобретя акции предприятий, будут получать стабильный доход), на повышении эффективности производства, создании конкурентной среды и привлечении инвестиций; СМИ в большинстве своем выступили в поддержку идей разгосударствления. Источники свидетельствуют, что реформа собственности изначально была воспринята большинством населения позитивно: переход к рыночным отношениям по западному образцу виделся как прямая дорога к благополучной и красивой жизни [4, с. 139]. Магаданский поэт А.А. Пчелкин с горькой иронией описывает, как, сидя перед телевизором и вдыхая «сладкий

дым рекламы», соотечественники предавались радужным мечтам: «...и заживет – от пуза! – Русь святая...» [31, с. 51].

Первоначально планировалось использовать именные приватизационные счета, которые должны были быть открыты в Сбербанке для всех граждан. Впоследствии реформаторы отмечали, что такая схема «была организационно трудно реализуема, могла привести к техническому коллапсу, блокирующему весь процесс приватизации» и, кроме того, «лишала эти банковские вклады важнейшего качества – ликвидности» [9, с. 65] (средства, зачисляемые государством на именные счета, могли быть только переданы по наследству), и от этой идеи вскоре отказались. В ноябре 1991 г. председателем Государственного комитета РСФСР по управлению госимуществом стал А.Б. Чубайс, который инициировал принятие новой программы приватизации и убедил руководство страны и, в частности, Б.Н. Ельцина остановить выбор на «обезличенных» приватизационных чеках (в обиходе получивших название «ваучеры»), которые разрешено было покупать и продавать без ограничений, дарить, обменивать, вкладывать в паевые и чековые инвестиционные фонды.

Соответствующий указ президента вышел в свет в августе 1992 г. [38], и уже с 1 октября стартовала выдача приватизационных чеков. Ранее слово «ваучер» (от англ. *voucher* – расписка) использовалось в основном в профессиональных кругах для обозначения документа, удостоверяющего получение денежных средств, товаров, услуг и пр. Широким слоям населения это слово стало известно только с началом чековой приватизации. В стихотворении А.А. Пчелкина читаем:

...Учим снова и снова,
Слитно и по слогам,
Рвотно-собачье слово
«ваучер» – словно – «Гав!» [31, с. 8]¹

Номинальная стоимость приватизационного чека оценивалась в 10 тыс. руб.² Глава Госкоми-

¹ По воспоминаниям современников, Б.Н. Ельцин тоже неприязненно относился к термину «ваучер». «Он просто запретил членам правительства употреблять на совещаниях это, по его мнению, неприличное слово, говорить следовало только о приватизационных чеках», – пишет Е.Т. Гайдар [8, с. 202].

² Впоследствии реформаторы неоднократно заявляли, что объявленная цифра – 10 тыс. руб. – была

мушества А.Б. Чубайс заявил, что один ваучер соответствует по стоимости двум автомобилям «Волга», и, судя по всему, это высказывание произвело впечатление на новоявленных россиян: пресловутые две «Волги» упоминаются и в художественной литературе. «Народ соблазнили новыми лозунгами, звали к лучшей жизни, но как жить, никто не знал», – констатирует приморский литератор А. Бондарь [3, с. 7]. Надеялись, что «рынок сам все отрегулирует» – в этом уверяли сограждан младореформаторы. Многие исследователи отмечают, что ваучерная приватизация была проведена реактивными темпами, в сжатые сроки [5, с. 48]. Изначально гражданам объявили, что срок действия чеков, выпущенных в 1992 г., истекает 31 декабря 1993 г., затем его продлили, но только до 1 июля 1994 г. «Эта скорость и натиск пропаганды ошеломили людей», – заключает историк А.С. Ващук [4, с. 144]. Многие просто не успевали осознать меняющуюся реальность, разобраться в новых экономических механизмах и отношениях собственности. Герой произведения хабаровского прозаика В.В. Сукачева констатирует, что приватизация проходила с «молчаливого согласия» широких слоев населения [36, с. 385–386], и здесь возможны две причины: первая – позитивное отношение к реформе собственности, надежды на повышение благосостояния (о чем мы писали выше), а вторая – растерянность, непонимание происходящего.

А.А. Пчелкин ведет счет потерям рядового дальневосточника Петрова, у которого в «лихие девяностые» не осталось «ни сберкнижки и ни крова, ни работы, ни жены», только «кепка, ваучер, штаны» – минимальный набор, побуждающий Петрова испытывать чувство вины перед Родиной за свое бедственное материальное положение [31, с. 58–59]. У другого персонажа А.А. Пчелкина семейная жизнь тоже трещит по швам, и не последнюю роль в этом играют новые социально-экономические условия. Герой сравнивает себя с ваучером – их объединяет бесполезность, никчемность:

...не заработал, не зашиб,
и не наторговал...
Скажи, какой же я мужик?
Одни штаны! Завал!..
Никто, ничто, ни для кого,
Я – ваучеро-чек.

условной, реальная стоимость ваучера зависела от конкретной приватизационной ситуации [8, с. 201].

Гайдар вот выдал мне его,
А что с того? А что с него
теперь получишь? Хек! [31, с. 48].

Многие не искушенные в экономических вопросах граждане, толком не уяснив, для чего нужен ваучер и что с ним делать, обращались к перекупщикам (более того, некоторые старались избавиться от приватизационного чека как можно скорее, опасаясь, что его стоимость «съест» инфляция [1, с. 22]). Об этом способе упоминает, например, сахалинский писатель А.С. Тоболяк в повести «Денежная история», приводя и курс доллара, и стоимость основных продуктов питания, что позволяет оценить порядок цен. Из текста можно заключить, что «перекупщики около ворот рынка» в Южно-Сахалинске в мае 1993 г. давали за ваучер 3,5 тыс. руб. (эта сумма была эквивалентна примерно 3,5 долларам) [37, с. 82], но современники описывают и такие случаи, когда неприятельный гражданин получал в обмен на приватизационный чек одну-две бутылки водки и был этим вполне удовлетворен. Биробиджанский литератор А.Л. Драбкин, вспоминая 1990-е гг., пишет о «лихорадке ваучеров, лихо пропитых и проданных россиянами» [18].

Герой автобиографического произведения благовещенца Е.П. Гончарова после получения ваучера обменял его «на акции чекового инвестиционного фонда, обещавшего построить международный мост через Амур»: «В том и другом случае был большой ажиотаж, и мне пришлось выстоять длинные очереди... После нескольких реорганизаций ЧИФ испарился» [10, с. 68–69]. А поскольку за ваучер все же был уплачен комиссионный сбор в размере 25 руб., герой твердой рукой включает его в длинный список своих бесполезных трат. Персонаж владивостокского прозаика В.О. Авченко тоже получил нулевой доход: его приватизационный чек «благополучно сгинул в “Русском доме селенга”» [2, с. 96].

Автобиографической героине владивостокского автора Т.А. Жариковой, вложившей ваучеры (свой и сына) в акции «энной организации», повезло немногим больше. «На годовые дивиденды можно купить только две булки хлеба», – констатирует она и, считая эту сумму оскорбительной, обрушивается с критикой на реформаторов: «До какой же степени нужно в очередной раз обмануть и раздавить унижением свой народ, затеяв с ним бесстыдную игру

на доверчивости, простодушии, на его экономической безграмотности, наконец» [20, с. 57–58]. Героиня Жариковой – женщина средних лет, преподаватель вуза, в годы реформ едва сводящая концы с концами – в оценке чековой приватизации не одинока: целый ряд литературных персонажей чувствуют себя обманутыми, одураченными реформаторами. «Краснобаям поверил народ», – сетует герой благовещенца П.М. Никиткина [27, с. 222].

Хабаровский прозаик А.В. Гребенюков, упоминая о финансовых пирамидах и аферах, которые проворачивали в 1990-е гг. «тысячи авантюристов», отмечает: «Самое же крупное и подлое дело, незаметное для глаз простых граждан, совершил ваучер, принеся сказочные состояния одним и оставив с носом других. Соотношение: один к тысяче. Наверное, это было самое великое надувательство в мире за всю его историю» [13, с. 195]. Таким образом, писатель ставит ваучерную приватизацию в один ряд с многочисленными мошенническими схемами, объясняя их широкое распространение в первые постсоветские годы «отсутствием законов и всеобщим пофигизмом» [13, с. 195]. В другом произведении Гребенюкова бульдозерист Сашка недоумевает: «Хорошо живут нынче эти новые русские. Только откуда такие деньжищи берут – неясно. Стартовали, вроде, все от одного ваучера. А поди ж ты, обошли на вороных» [15, с. 43].

«Все заводы за гроши приватизировали», – возмущается герой В.В. Сукачева [36, с. 385]. Судя по всему, здесь имеются в виду такие распространенные схемы, как занижение балансовой стоимости приватизируемых объектов или сговор о снижении цены предприятия. Действенных механизмов контроля за ходом приватизации в тот период не существовало, кроме того, руководство страны в 1990-е гг., по большому счету, не проявляло политической воли по привлечению к ответственности за нарушения, допущенные в ходе приватизации, или проявляло ее весьма избирательно. Народные неологизмы «прихватизация», «прихватизировать», фигурирующие в целом ряде литературных произведений дальневосточных авторов, со всей очевидностью демонстрируют отношение широких слоев населения к процессу разгосударствления имущества. В стихах А.А. Пчелкина встречается и другой вариант с той же эмоционально-оценочной окраской – «прив-аннулировать» [31, с. 62]. В.О. Авченко пишет о

людях, разоренных приватизацией [2, с. 299], называя ее «преступной в прямом смысле слова» [2, с. 213].

В повести магаданского автора В.М. Фатеева простой парень Колян (который «и торговал, и таксовал, и челночил, ... в моря ходил, на скорой трубил») приходит к выводу, что «ваучеры эти – народу глотку заткнуть, как же, по две «Волги» на каждого... Вместо «Волги» последние несчастные вклады и то захапали...»; «... Частную собственность объявили. И у народа все подчистую отняли! А что еще не отняли, отнимут! Побаловались, и будя!» [39]. Отметим, что реплика литературного героя, по сути, коррелирует с заключениями ряда исследователей, которые оценивают раздачу ваучеров как формальную акцию, организованную с целью придания приватизации государственных предприятий видимости общенародного характера (см., напр.: [1, с. 33]).

В тексте А. Бондаря читаем: «выделилась кучка приближенных к власти дельцов, ... обогатилась, “кинув” всю страну на приватизации» [3, с. 7]. «Большинство жителей обнищало, но зато сто десять новых русских стали олигархами», – говорит герой хабаровчанина К.В. Распутина [32, с. 226]. Возможно, жители дальневосточных территорий острее воспринимали несправедливость нового общественного порядка: зарплаты здесь в советский период были более высокими, но это объяснялось экстремальными природными условиями, неразвитой (или недостаточно развитой) социальной инфраструктурой, дороговизной жизни в регионе, перебоями со снабжением, бытовыми неудобствами и пр. В свою очередь, «новые русские» в 1990-е гг. в большинстве своем разбогатели слишком легко и чаще всего – незаконно, поэтому их стремительный взлет не имел морального оправдания в глазах основной части населения [12, с. 98–99]. Добавим, что показатели дифференциации доходов на Дальнем Востоке к середине 1990-х гг. ощутимо превышали среднероссийские [26, с. 55]. А.В. Гребенюков пишет о своей героине: «К “новым русским”, к тем, кто успел хапнуть и скопить за год-два большой капитал, она не относилась, а являлась представителем самой большой части населения – простофиль, то есть честных, порядочных, добродушных людей, короче – бедных, бедствующих на обширных и таких богатых просторах России» [15, с. 39]. Говоря о резком расслоении российского общества в результате рыночных

реформ, дальневосточные писатели, следуя традициям русской классической литературы, безусловно сочувствуют «простофилям» даже тогда, когда эти люди вовлекаются в деструктивные практики или, доведенные до самого края, совершают противоправные действия.

Литературных героев, которые выиграли от приватизации, в проанализированных нами художественных текстах не так много³; это представители советской номенклатуры и руководители промышленных предприятий. Так, в повести хабаровского литератора Н.В. Семченко отец главного героя, бывший работник крайкома партии, в годы реформ становится «директором небольшого заводика», получает неплохие дивиденды, может себе позволить приобретать дорогие, статусные товары и оплачивать своему сыну обучение в частной школе, куда ходят «отпрыски самых известных и уважаемых в городе людей» [33, с. 15]. В то же время отец директора, приходящийся главному герою дедом, демонстрирует диаметрально противоположное отношение к реформе собственности, категорично заявляя, что «всех олигархов, прихватизировавших народное имущество, надо в “Матросскую тишину” посадить, отменить итоги ваучеризации, ... и снова начать строить общенародное государство, где все равны» [33, с. 53].

Напомним, что А.Б. Чубайс в качестве оправдания итогов приватизации безапелляционно заявлял, что «для значительной части населения (80–90%) функции активного собственника противопоказаны вообще» [30, с. 353]. «Не тот народ правительству достался», – саркастически замечает в одном из стихотворений А.А. Пчелкин [31, с. 51]. Герой В.М. Фатеева так формулирует кредо реформаторов 1990-х гг.: «... Мы новое государство. Для новых русских... Березовских, ну там Гусинских... А все Ивановы пусть идут на рынок. На любой – китайский, вешевой, продовольственный, в крайнем случае на рынок труда, самый дешевый. Глядишь, за что-нибудь и продадут свои рабочие навыки и руки» [39]. Неудивительно, что при таком отношении простой народ, по словам А.А. Пчелкина, «то в Лившица недобрый кинет взгляд, / то матерком помянет А. Чубайса» [31, с. 51]. Целый ряд литераторов пишут о высокомерно-презрительном, а, по сути, бесчеловечном отношении

³ По данным социологических исследований, результатами приватизации были удовлетворены 10–12% россиян [25, с. 83].

реформаторов к соотечественникам. «Власть сняла с себя ответственность за людей, в этом истоки наших бед, – убежден герой С.В. Забаровой. – Та большая верхняя власть сказала – вы теперь сами по себе, и государства больше нет. ... Какие-то выживут – естественным отбором. В общем, мы в дремучий евристический дарвинизм валимся» [21, с. 304–305]. В самом деле, неолиберальные политики фактически сделали ставку на естественный отбор – в частности, и Е.Т. Гайдар, и А.Б. Чубайс неоднократно заявляли, что обнищание и гибель людей, которые не способны адаптироваться к рынку, дело естественное. «Гайдар, Гайдар... Еще удар – / Хана моей семье», – сокрушается герой А.А. Пчелкина [31, с. 48]. В другом его стихотворении читаем: «Вымрем все. И туда дорога: / смерть ленивым, потрава злым» [31, с. 8]. Герой П.М. Никиткина рассуждает: «Это из ложной скромности у нас называют переход от социализма к капитализму мирным. Кто считал убитых и раненых при этом переходе? А скольких этот “мирный переход” еще сведет в могилу?» [27, с. 222].

Надежды на повышение эффективности производства и рост экономики в результате приватизации тоже не оправдались – более того, переход предприятий в частные руки зачастую давал обратный результат. Перед началом реформы законодательно не были прописаны требования к новым владельцам ни по развитию производственной базы, ни даже по сохранению профиля деятельности предприятий, технологических связей, рабочих мест [1, с. 26]. «Поскольку предприятия доставались приватизаторам практически даром, – пишет М.Г. Делягин, экономист, политик и публицист, – экономически рациональной политикой в условиях неопределенности было не их развитие, а, напротив, высасывание их, присвоение их оборотных средств с последующим выбрасыванием и распродажей по цене металлолома» [17]. Историки Л.А. Моисеева и А.С. Вашук отмечают, что на Дальнем Востоке среди новых владельцев предприятий преобладал именно такой, деструктивный тип: речь идет о собственниках, деятельность которых приводила к сворачиванию производства и распродаже основных фондов в целях личного обогащения [25, с. 95].

Подобные образы владельцев предприятий представлены и в художественных произведениях; литераторы связывают два процесса – приватизацию и деиндустриализацию,

отмечая, что упадок и закрытие промышленных предприятий оставляют тысячи людей без средств к существованию и во многих случаях способствуют деградации населенных пунктов (прежде всего, монопрофильных городов и поселков). «Два года назад вкалывал на заводе. А потом нас разогнали. Заводишко с молотка пошел. Коммерсантам сраным достался», – рассказывает герой А.В. Гребенюкова, вежливый мужчина среднего возраста в грязной одежде, проживающий в подвале хрущевки вместе с бездомными собаками [14, с. 233]. Персонаж произведения хабаровского писателя К.А. Партыки с грустью созерцает руины обогатительного комбината, который прекратил работу после приватизации. «Когда комбинат загибаться стал, создали акционерное общество, – поясняет герою коллега, начальник РОВД. – Приватизировали предприятие, провались они с такой приватизацией!» Далее следует рассказ про криминального авторитета по прозвищу Культя: «...Култышев сперва прижал директора комбината. Потом они спелись и из того, что от предприятия осталось, вдвоем деньги стали качать, а рабочих в неоплачиваемые отпуска отправляли. Култышев магазины пооткрывал, какую-то фиговую благотворительность замутил, а сам на “джип” пересел... Когда выборы подошли, Культя подшустрил и в мэры пролез...» [29]. Таким образом, выгоду от приватизации получили директор комбината и присосавшийся к нему криминальный авторитет, рядовые сотрудники предприятия остались без работы, а городок, судя по всему монопрофильный, пришел в упадок. Отметим, что в дальневосточном регионе в годы рыночных реформ 90% городов, имевшие более 15 тыс. жителей, переживали процессы «сжатия» и убыли населения (при среднем показателе по РФ 56%) [19, с. 87].

Если в западных странах с развитой рыночной экономикой в частные руки передавались, как правило, отдельные предприятия с расчетом на повышение эффективности производства, то в России приватизация проводилась с целью радикального реформирования отношений собственности, и процесс разгосударствления затронул не только убыточные, но и доходные предприятия [25, с. 83]. Одной из официально декларируемых задач, которые ставили перед собой реформаторы 1990-х гг., было формирование класса собственников. Но собственность священна и неприкосновенна только тогда, когда она легитимна, отмечает социолог Р.Х. Си-

монян. Согласно результатам социологических исследований, большинство населения России не приняло итогов приватизации⁴, а это значит, что ни о каком уважении к частной собственности, оформившейся в результате этого процесса, не может быть и речи [34, с. 64]. О том же пишет и М.Г. Делягин: «...Приватизация, став инструментом сознательного разграбления общенародной собственности (то есть всего народа, что последний немедленно ощутил на падении своего жизненного уровня), не создала, а, напротив, уничтожила святость прав собственности и сделала крупную собственность в общественном сознании а priori преступной» [17]. Т.А. Жарикова характеризует время рыночных реформ как «период чудовищного перзахвата собственности» [20, с. 58], магаданские литераторы В.И. Данилушкин – как «период начального ограбления» [16, с. 67], В.В. Горбань – как «бурные годы павловско-гайдаровско-чубайсовских реформ и грабежей» [11, с. 39].

Но если собственность нажита нечестным путем, значит, отобрать и присвоить ее – не зазорно⁵. Резкая дифференциация российского общества и катастрофическое снижение уровня жизни большинства населения в период реформ стали важными факторами роста преступности. Чувствуя себя обманутым и считая, что социальные блага в государстве распределяются несправедливо, еще недавно законопослушный гражданин пытается решить свои материальные проблемы, нарушая закон. Так, герой В.В. Горбаня, выросший в интеллигентной семье, которая оказалась беспомощна в новой постсоветской реальности, вместе с другом «активно включился в процесс “экспроприации приватизаторов”» (в то же время автор отмечает, что друзья никогда не применяли насилие в отношении беззащитных и беспомощных людей) [11, с. 38–39]. Стремительная криминали-

зация российского общества в период рыночных реформ получила широкое отражение в художественных произведениях дальневосточных авторов, но это – тема отдельного исследования [6].

Подводя итог, отметим, что в дальневосточной художественной литературе ваучерная приватизация, поначалу воспринятая обществом положительно, постфактум преимущественно характеризуется как обманная, надувательская, грабительская, преступная; нейтральные оценки единичны, позитивные на момент исследования не обнаружены. Результаты социологических исследований подтверждают, что прозаики и поэты выражают точку зрения основной массы населения, и это вполне закономерно: в постсоветский период художественная интеллигенция теряет прежние привилегии и фиксированный социальный статус и становится ближе к народу. В 1990-е гг. литераторам, за исключением немногочисленных «звезд» (которых, заметим, в дальневосточном регионе не было вовсе), приходилось беспрерывно бороться за выживание, как и большинству соотечественников, и не все преуспели в этой борьбе.

В художественных произведениях мы видим, как рыночные реформы, проводившиеся реактивными темпами, шокировали людей, вынужденных в короткие сроки приспособляться к новой социально-экономической реальности. Многие литературные герои, поверив обещаниям неолиберального правительства и, вместе с тем, до конца не разобравшись в механизмах приватизации, стали жертвами всевозможных мошеннических схем или продали свои ваучеры перекупщикам, получив незначительный или вовсе нулевой доход.

Если сравнивать тематическое поле историков и литераторов, то можно отметить, что в художественных текстах на момент исследования не выявлено таких аспектов приватизации (получивших отражение в научных трудах), как протестные настроения на отдельных дальневосточных предприятиях, где работники выступали против акционирования, а также отношение к приватизации органов власти на местах.

Вписывая ваучеризацию в общий контекст рыночных преобразований, целый ряд литераторов называет ее основным орудием трансформации общественного строя и уделяет большое внимание социальным последствиям этой реформы, которые категорически не соответствовали радужным перспективам, нарисованным

⁴ Так, по данным всероссийского социологического опроса РНИСиНП 2001 г., 85% респондентов оценили ваучерную приватизацию отрицательно и только 7% – положительно, что дало основания авторам исследования отнести ее к числу травмирующих политических акций, отторгаемых национальным самосознанием [22, с. 53–54].

⁵ В ходе всероссийского социологического опроса РНИСиНП осенью 1995 г. 45,2% респондентов заявили, что поддержали бы изъятие у «новых русских» нечестно нажитых ими состояний с помощью насильственных мер (во Владивостоке за такой способ перераспределение собственности высказались 65,8% опрошенных) [12, с. 102].

неолиберальными политиками, и ожиданиям рядовых граждан. Обеспечить подъем производства, создать эффективную и при этом социально ориентированную рыночную экономику реформаторам не удалось: по большому счету, приватизация способствовала деиндустриализации и, как следствие, безработице, пауперизации населения, деградации населенных пунктов. Вместо того, чтобы неуклонно повышать свое благосостояние, став эффективными собственниками, миллионы людей переживали катастрофическое падение уровня жизни. Многие авторы литературных произведений делают акцент на пренебрежительном отношении неолиберальных политиков к основной массе населения, пишут о резкой дифференциации по уровню доходов, которая привела к расколу в российском обществе, прогрессирующей конфликтности и росту криминогенности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 25 лет ваучерной приватизации в Российской Федерации: содержание, последствия, результаты: сборник докладов научно-практической конференции. Балашиха: РГАЗУ, 2018.
2. Авченко В.О. Правый руль. М.: Ад Маргинем, 2012.
3. Бондарь А. Осколки ледяных зеркал. Кн. 1. Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2011.
4. Ващук А.С. Инкорпорация идей реформы собственности в России и отношение дальневосточников к приватизации (первая половина 1990-х гг.) // Чтения памяти профессора Александра Александровича Сидоренко. Вып. 10. Благовещенск, 2023. С. 131–150.
5. Ващук А.С. Социальные проблемы приватизации в России 1990-х гг. в современной историографии // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2017. № 4. С. 46–52.
6. Волкова Е.С. «Криминальные и погостные» 1990-е в художественных произведениях дальневосточных литераторов // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2019. Т. 22. С. 116–134.
7. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988.
8. Гайдар Е.Т. Дни поражений и побед. М.: Вагриус, 1997.
9. Гайдар Е.Т., Чубайс А.Б. Развилки новейшей истории России. М.: ОГИ, 2011.
10. Гончаров Е.П. «Злой» дворник. Чистая правда о грязной работе. М.: АСТ, 2016.
11. Горбань В.В. ...И будем живы. М.: Андреевский флаг, 2005.
12. Горшков М.К. и др. Массовое сознание россиян в период общественной трансформации: реальность против мифов // Мир России. Социология. Этнология. 1996. Т. 5. № 2. С. 75–116.
13. Гребенюков А.В. Ангел и бес (продолжение) // Дальний Восток. 1999. № 5–6. С. 171–219.
14. Гребенюков А.В. Интервью за углом // Дальний Восток. 1998. № 2. С. 232–235.
15. Гребенюков А.В. Ох, уж эти русские: повесть. Рассказы. Хабаровск: РИОТИП, 1998.
16. Данилушкин В.И. Магаданский синдром // Дальний Восток. 2009. № 6. С. 3–70.
17. Делягин М.Г. Светочи тьмы. Физиология либерального клана: от Гайдара и Березовского до Собчак и Навального. М.: Книжный мир, 2016.
18. Драбкин А.Л. Творение архитектора Трахтенберга // Город на Бире. 2014. 31 декабря. С. 5.
19. Ефремова В.А. Отечественный и зарубежный опыт изучения городов, теряющих население: тематика, методы и центры исследований // Региональные исследования. 2015. № 3. С. 86–99.
20. Жарикова Т.А. В проеме... Владивосток: Приморское общество книголюбов, 1996.
21. Забарова С.В. Ватыркан. СПб.: Петрополис, 2020.
22. Здравомыслов А.Г. Национальное самосознание россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. № 2. С. 48–54.
23. Лебина Н.Б. Хрущевка: советское и несоветское в пространстве повседневности. М.: Новое литературное обозрение, 2024.
24. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996.
25. Моисеева Л.А., Ващук А.С. История предпринимательства на Дальнем Востоке России в конце XX – начале XXI в. Владивосток: Дальнаука, 2006.
26. Мотрич Е.Л., Найден С.Н. Население и социальное развитие российского Дальнего Востока // Пространственная экономика. 2009. № 2. С. 47–67.

27. Никиткин П.М. Русский берег. Благовещенск: Одеон, 2015.

28. Общество и власть на российском Дальнем Востоке в 1960–1991 гг. (История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 5) / Под ред. В.Л. Ларина, А.С. Вашук. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2016.

29. Партыка К.А. Проезжий. URL: <http://www.proza.ru/2009/07/21/203>

30. Приватизация по-русски. М.: Вагриус, 1999.

31. Пчелкин А.А. Непогодь: стихи перестроечных лет. Магадан: МАОБТИ, 2000.

32. Распутин К.В. Страдания по автомобилю // Дальний Восток. 2009. № 6. С. 226–229.

33. Семченко Н.В. Шотландская любовь по-французски. [Б.м.]: Издательские решения, 2015.

34. Симонян Р.Х. Российские экономические реформы 1990-х гг.: психологические аспекты // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 3. С. 60–71.

35. Соколов А.К. Социальная история России новейшего времени: проблемы методологии и источниковедения // Социальная история. Ежегодник. 1998/99. М.: РОССПЭН, 1999. С. 39–76.

36. Сукачев В.В. Избранные рассказы. Хабаровск: Дальний Восток, 2005.

37. Тоболяк А.С. Денежная история // Дальний Восток. 1994. № 10. С. 81–163.

38. Указ Президента РФ от 14.08.1992 № 914 «О введении в действие системы приватизационных чеков в Российской Федерации». URL: <https://bazanpa.ru/prezident-rf-ukaz-n914-ot14081992-h181848/?ysclid=lscpj7qzm5735307824>

39. Фатеев В.М. Золотая моль. Магадан: МАОБТИ, 2003.

REFERENCES

1. Mozhaev, E.E. ed., 2018. 25 let vauchernoj privatizatsii v Rossiiskoi Federatsii: sodержanie, posledstviya, rezul'taty: sbornik dokladov nauchno-prakticheskoi konferentsii [25 years of voucher privatization in the Russian Federation: content, consequences, results: collection of conference papers]. Balashikha: RGAZU. (in Russ.)

2. Avchenko, V.O., 2012. Pravyi rul' [Right hand drive]. Moskva: Ad Marginem. (in Russ.)

3. Bondar', A., 2011. Oskolki ledyanykh zerkal. Kn. 1 [Fragments of ice mirrors. Book 1]. Vladivostok: Izd-vo DVFU. (in Russ.)

4. Vashchuk, A.S., 2023. Inkorporatsiya idei reformy sobstvennosti v Rossii i otnoshenie dal'nevostochnikov k privatizatsii (pervaya polovina 1990-kh gg.) [Incorporation of the ideas of property reform in Russia and the attitude of the Far Eastern citizens towards privatization (the first half of the 1990s)]. In: Chteniya pamyati professora Aleksandra Aleksandrovicha Sidorenko. Vyp. 10. Blagoveshchensk, 2023, pp. 131–150. (in Russ.)

5. Vashchuk, A.S., 2017. Sotsial'nye problemy privatizatsii v Rossii 1990-kh gg. v sovremennoi istoriografii [Social aspects of Russian privatization of the 1990s in modern historiography], Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke, no. 4, pp. 46–52. (in Russ.)

6. Volkova, E.S., 2019. «Kriminal'nye i pogostnye» 1990-e v khudozhestvennykh proizvedeniyakh dal'nevostochnykh literatorov [The «criminal and graveyard» 1990s in literary works of the Russian Far East writers], Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii DVO RAN, Vol. 22, pp. 116–134. (in Russ.)

7. Gadamer, H.-G., 1988. Istina i metod. Osnovy filosofskoi germenевtiki [Truth and method: fundamentals of philosophical hermeneutics]. Moskva: Progress. (in Russ.)

8. Gaidar, E.T., 1997. Dni porazhenii i pobed [Days of defeats and victories]. Moskva: Vagrius. (in Russ.)

9. Gaidar, E.T. and Chubais, A.B., 2011. Razvilki noveishei istorii Rossii [Forks of the modern history of Russia]. Moskva: OGI. (in Russ.)

10. Goncharov, E.P., 2016. «Zloi» dvornik. Chistaya pravda o gryaznoi rabote [The «evil» janitor. The pure truth about dirty work]. Moskva: AST. (in Russ.)

11. Gorban', V.V., 2005. ...I budem zhivy [... And we will be alive]. Moskva: Andreevskii flag. (in Russ.)

12. Gorshkov, M.K. et al., 1996. Massovoe soznanie rossiyan v period obshchestvennoi transformatsii: real'nost' protiv mifov [The mass consciousness of Russians in the period of social transformation: reality versus myths], Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya, Vol. 5, no. 2, pp. 75–116. (in Russ.)

13. Grebenyukov, A.V., 1999. Angel i bes [Angel and demon], Dal'nii Vostok, no. 5–6, pp. 171–219. (in Russ.)

14. Grebenyukov, A.V., 1998. Interv'yu za uglom [An interview around the corner], *Dal'nii Vostok*, no. 2, pp. 232–235. (in Russ.)
15. Grebenyukov, A.V., 1998. Okh, uzh eti russkie [Oh, those Russians]. Khabarovsk: RIOTIP. (in Russ.)
16. Danilushkin, V.I., 2009. Magadanskiy sindrom [Magadan syndrome], *Dal'nii Vostok*, no. 6, pp. 3–70. (in Russ.)
17. Delyagin, M.G., 2016. Svetochi t'my. Fiziologiya liberal'nogo klana: ot Gaidara i Berezovskogo do Sobchak i Naval'nogo [Lights of darkness. The physiology of the liberal clan: from Gaidar and Berezovsky to Sobchak and Navalny]. Moskva: Knizhnyi mir. (in Russ.)
18. Drabkin, A.L., 2014. Tvorenie arhitekta Trakhtenberga [The creation of architect Trachtenberg], *Gorod na Bire*, December 31, p. 5. (in Russ.)
19. Efremova, V.A., 2015. Otechestvennyi i zarubezhnyi opyt izucheniya gorodov, teryayushchikh naselenie: tematika, metody i tsentry issledovaniya [Russian and international research on shrinking cities: themes, methods and centers], *Regional'nye issledovaniya*, no. 3, pp. 86–99. (in Russ.)
20. Zharikova, T.A., 1996. V proyome... [In the doorway...]. Vladivostok: Primorskoe obshchestvo knigolyubov. (in Russ.)
21. Zabarova, S.V., 2020. Vatyrgan [Watyrgan]. Sankt-Peterburg: Petropolis. (in Russ.)
22. Zdravomyslov, A.G., 2002. Natsional'noe samosoznanie rossiyan [The national identity of Russians], *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no. 2, pp. 48–54. (in Russ.)
23. Lebina, N.B., 2024. Khrushchyovka: sovetskoe i nesovetskoe v prostranstve povsednevnosti [Khrushchev apartment building: Soviet and non-Soviet in the space of everyday life]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie. (in Russ.)
24. Lotman, Yu.M., 1996. Vnutrimyslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya [Inside the thinking worlds. Human being. Text. Semiosphere. History]. Moskva: Yazyki russkoi kul'tury. (in Russ.)
25. Moiseeva, L.A. and Vashchuk, A.S., 2006. Istoriya predprinimatel'stva na Dal'nem Vostoke Rossii v kontse XX – nachale XXI v. [The history of entrepreneurship in the Russian Far East in the late XXth – early XXIst centuries]. Vladivostok: Dal'nauka. (in Russ.)
26. Motrich, E.L. and Naiden, S.N., 2009. Naselenie i sotsial'noe razvitiye rossiiskogo Dal'nego Vostoka [Population and social development of the Russian Far East], *Prostranstvennaya ekonomika*, no. 2, pp. 47–67. (in Russ.)
27. Nikitkin, P.M., 2015. Russkii bereg [Russian coast]. Blagoveshchensk: Odeon. (in Russ.)
28. Larin, V.L. and Vashchuk, A.S. eds., 2016. Obshchestvo i vlast' na rossiiskom Dal'nem Vostoke v 1960–1991 gg. (Istoriya Dal'nego Vostoka Rossii. T. 3. Kn. 5) [The history of the Russian Far East. Vol. 3. Book 5. Society and power in the Russian Far East, 1960–1991]. Vladivostok: IIAE DVO RAN. (in Russ.)
29. Partyka, K.A., 2009. Proezhii [A passerby]. URL: <http://www.proza.ru/2009/07/21/203> (in Russ.)
30. Chubais, A.B. ed., 1999. Privatizatsiya po-rossiiski [Privatization Russian way]. Moskva: Vagrius. (in Russ.)
31. Pchyolkin, A.A., 2000. Nepogod': stikhi perestroichnykh let [Bad weather: poems of the Perestroika years]. Magadan: MAOBTI. (in Russ.)
32. Rasputin, K.V., 2009. Stradaniya po avtomobilu [Suffering for automobile], *Dal'nii Vostok*, no. 6, pp. 226–229. (in Russ.)
33. Semchenko, N.V., 2015. Shotlandskaya lyubov' po-frantsuzski [Scottish love in French]. Izdatel'skie resheniya. (in Russ.)
34. Simonyan, R.Kh., 2013. Rossiiskie ekonomicheskie reformy 1990-kh gg.: psikhologicheskie aspekty [Russian economic reforms of the 1990s: psychological aspects], *Psikhologicheskii zhurnal*, Vol. 34, no. 3, pp. 60–71. (in Russ.)
35. Sokolov, A.K., 1999. Sotsial'naya istoriya Rossii noveishego vremeni: problemy metodologii i istochnikovedeniya [Social history of modern Russia: the issues of methodology and source studies]. In: *Sotsial'naya istoriya. Ezhegodnik. 1998/1999*. Moskva: ROSSPEN, 1999, pp. 39–76. (in Russ.)
36. Sukachev, V.V., 2005. Izbrannye rasskazy [Selected stories]. Khabarovsk: Dal'nii Vostok. (in Russ.)
37. Tobolyak, A.S., 1994. Denezhnaya istoriya [Money story], *Dal'nii Vostok*, no. 10, pp. 81–163. (in Russ.)
38. Ukaz Prezidenta RF ot 14.08.1992 № 914 «O vvedenii v deistvie sistemy privatizatsionnykh chekov v Rossiiskoi Federatsii» [Decree of the President of the Russian Federation No. 914 «On

introducing a system of privatization checks in the Russian Federation» of 14.08.1992]. URL: <https://bazanpa.ru/prezident-rf-ukaz-n914-ot14081992-h181848/?ysclid=lscpj7qzm5735307824> (in Russ.)

39. Fateev, V.M., 2003. Zolotaya mol' [The golden moth]. Magadan: MAOBTI. (in Russ.)

*Статья поступила в редакцию 27.02.2024;
рекомендована к печати 13.05.2024*

УДК 1(091)

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2024-2/104-110>

О.А. Матвейчев*

РУССКАЯ МЫСЛЬ XVII–XVIII вв. О СЛАВЯНСКОЙ ПРАРОДИНЕ

Статья представляет собой обзор взглядов российских мыслителей XVII–XVIII вв. на проблему славянской прародины. Автор рассматривает дунайскую гипотезу («Повесть временных лет»), доминировавшую в русской исторической мысли в XII–XIX вв., гипотезу отсутствующей прародины (И. Гизель), малоазийскую гипотезу (В.Н. Татищев, М.В. Ломоносов) и отмечает, что в исторической науке XVIII в. вопрос о славянской прародине еще не имел самостоятельного значения и решался в рамках более актуальной с точки зрения политической конъюнктуры проблемы происхождения древнерусского государства.

Ключевые слова: русская философия, русская история, славянская прародина, национальная идеология

Russian thought of the 17th and 18th centuries on the Slavic homeland. OLEG A. MATVEYCHEV (Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia)

The article presents an overview of the views of Russian thinkers of the XVIIth and XVIIIth centuries on the issue of the Slavic homeland. The author examines the Danube basin hypothesis («Russian Primary Chronicle»), which dominated Russian historical thought from XIIth to XIXth centuries, the hypothesis of the missing homeland (I. Giesel), the Asia Minor hypothesis (V.N. Tatishchev, M.V. Lomonosov) and notes that in the XVIIIth century historical thought of Russia the issue of the Slavic homeland had no independent significance and was treated within the more politically relevant issue of the origin of Russian state.

Keywords: Russian philosophy, Russian history, Slavic homeland, national ideology

Вопрос о прародине, т.е. территории первоначального расселения того или иного этноса, решался в разные эпохи в зависимости от множества факторов – политических, идеологических, культурных, религиозных. Вплоть до XVIII в. в европейском интеллектуальном пространстве господствовала идея о том, что колыбель человечества

находится в Палестине, как это представлялось в Ветхом Завете. Соответственно, и праязыком человечества считался язык Библии – древнееврейский. Впрочем, и в Средние века, и в Новое время появлялись и альтернативные теории этногенеза, нередко как результат двоеверия в странах, достаточно поздно принявших христианство.

* МАТВЕЙЧЕВ Олег Анатольевич, кандидат философских наук, профессор кафедры массовых коммуникаций и медиабизнеса факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ, г. Москва, Россия, matveyol@yandex.ru

© Матвейчев О.А., 2024

Вполне фантастическую версию происхождения северных народов и их богов предложил исландский скальд и историограф Снорри Стурлусон. В прологе к «Младшей Эдде» он дает пересказ христианской легенды о сотворении мира и появлении человечества, вплетая в него элементы нордической мифологии. Оказывается, боги скандинавского пантеона были потомками правителей Трои – города, находящегося «вблизи середины земли». Родоначальником асов был Тор, внук Приама и сын Мемнона. От него через 12 поколений родился Один, и было ему пророчество, «что его имя превознесут в северной части света и будут чтить превыше имен всех конунгов» [7, с. 13]. Тогда Один повел свой народ на север, в Саксонию, и по дороге все принимали их скорее за богов, чем за людей. «Асы взяли себе в той земле жен, а некоторые женили и своих сыновей, и настолько умножилось их потомство, что они расселились по всей Стране Саксов, а оттуда и по всей северной части света, так что язык этих людей из Азии стал языком всех тех стран» [7, с. 15].

Подобно Стурлусону, предками своих народов – франков, саксов, норманнов, бриттов – считали троянцев и некоторые другие средневековые историки, как и исландский скальд, знакомые с историей Илиона не по Гомеру (которого они не знали), а по «Дневнику Троянской войны» – мистификации, приписанной Диктису Критскому.

В XVI–XVII вв. в странах Северной Европы, стремившихся освободиться от культурного диктата Рима, начался поиск национальной идентичности. Именно тогда скандинавские ученые (Ю. Буре, Г. Штэрнфельм, О. Верелий, У. Рудбек, Т. Торфеус) вспомнили о другом, изрядно позабытом к тому времени греческом топониме – Гиперборее. Именно на эту легендарную страну они указывали как на прародину человеческого рода, и это не было невинной научной гипотезой. Здесь была вполне очевидная политическая подоплека: стремление обосновать старшинство своих стран (в первую очередь – Швеции), которые они опознавали в греческой Гиперборее, а, стало быть, их исключительную роль в мировой истории и «исторические права» на территории соседних стран.

Колыбелью народов – но не всех, а лишь славянских – объявил европейский Север и хорватский аббат М. Орбини. Славянство он рассматривал весьма широко, причисляя к нему и готов, и аваров, и аланов, и древних греков с

римлянами. По утверждению Орбини, славянское племя пошло от Иафета, старшего сына Ноя, после потопа удалившегося в Азию, и уже оттуда потомки его двинулись в Скандинавию, где «имели двести отчизн». «Когда потомки Иафета размножились столь сильно, что великая Скандинавия уже не могла их вместить, они ушли из нее, ... покорили всю Европейскую Сарматию, ... и позднее завоевали почти всю Европу, большую часть Азии и Африки» [8, с. 33, 35]. Аббат даже называет точную дату великого славянского исхода – 1460 г. до н.э. [8, с. 34].

На Руси догадки о существовании в древности единой прародины для всех славянских племен высказывал еще древний летописец Нестор: «Бѣ единъ языкъ словѣнскъ» [10, с. 15]. Проблема «этногенеза» славянских народов увязывалась в «Повести временных лет», как это было тогда принято, с библейским сюжетом о вавилонском столпотворении и разделении народов на семьдесят два языка. Среди них был, согласно Нестору, «и народ славянский, от племени Иафета – так называемые норрики, которые и есть славяне. Спустя много времени сели славяне по Дунаю, где теперь земля Венгерская и Болгарская. От тех славян разошлись славяне по земле и прозвались именами своими от мест, на которых сели» [10, с. 144].

Тезис о нахождении прародины славян на реке Дунай был существенной ревизией византийского источника, на который опирался Нестор, – византийской хроники Георгия Амартола, в которой славяне напрямую не упоминались, но угадывались в варварах, угрожавших цивилизованным ромеям. Дунайская гипотеза господствовала в русской исторической мысли в течение многих веков, вплоть до XIX в.

Если Нестор, возведший славян к самому Иафету, пытался исправить историческую несправедливость и отвести славянскому племени достойное место в истории, то перед автором «Сказания о князьях Владимирских» (XVI в.) стояла задача укрепления авторитета великокняжеской власти. В этом произведении была приведена родословная рода Рюриковичей, которые, оказывается, происходили от легендарного Пруса – властителя Пруссии, родственника императора Октавиана Августа [11, с. 281–283]. Эта легенда, призванная подкрепить притязания Москвы на византийское наследие, позднее войдет в Воскресенскую летопись, Государев родословец и Степенную книгу и станет таким

образом официальной версией генеалогии русских князей. Известно, что Иван Грозный гордился своими «немецкими» предками, а в особенности – родством с римскими кесарями.

В 1674 г. в типографии Киево-Печерской лавры был издан т.н. Синописис Киевский, автором которого считается архимандрит лавры Иннокентий Гизель. В течение более чем ста лет эта книга будет служить основополагающим трудом по истории России. Тезис о единстве Руси ляжет в основу позднейших трудов В.Н. Татищева, М.В. Ломоносова, Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского. Центральной темой Синописиса было единство Великой и Малой Руси, русского народа и государственной традиции. Поскольку Киев лишь относительно недавно вошел в состав Русского царства, автор был плохо знаком с летописями и пользовался в основном польскими источниками. По этой причине на страницах книги не нашлось места для мейнстримной для русской истории дунайской гипотезы. Вместе с тем Гизель, как и Нестор, удостоверяет происхождение славян от Иафета: «Славеноросский Христианский народ имат начало свойственного родства своего от Афета, Ноева сына, и честью благонароचितья породы своея от негоже, яко от отца, на своя чада изшедшею, от рода и в род, аки неким венцем присноцветущия славы украшаем, величается» [5, с. 49]. За славные дела, прежде всего, воинские народ этот был прозван славянами (здесь Гизель вводит в оборот этимологическую версию, которая будет популярна еще несколько столетий). Но было у него и другое название: россияне. По мнению автора Синописиса, это имя славяне приобрели «от *рассеяния* по многим странам племени своего, россеяны, а потом россы прозвашася» [5, с. 49].

Идея Гизеля много позже окажется созвучной концепциям отсутствующей прародины, согласно которым славяне были многолюдным народом, не имевшим общего для всех места расселения. Появляясь в том или ином месте Европы, славяне рассеивались среди более многочисленных народов, зачастую принимая их имена – кельтов, антов, венетов, скифов, сарматов, роксолан (с двумя последними народами отождествляет славян автор Синописиса, задавая широкую традицию в российской историографии). По этой причине этноним «славяне» фиксируется письменными источниками достаточно поздно – лишь в V–VI вв.

В XVIII в. в России начинает формироваться историческая наука. Историей России первоначально занимаются немцы – Г.З. Байер, Г.Ф. Миллер и А.Л. Шлёцер. Подобно коллегам из европейских университетов, они придают особое значение критике источников, однако в полной мере беспристрастно заниматься этим не могут. Они опираются на сведения из античных и раннесредневековых текстов о народах Восточной Европы к северу от Причерноморья как о диких, варварских племенах. Они строят свои умозаключения на сообщении Нестора, что до принятия христианства славянские племена «жили звериным обычаем, жили по-скотски» [10, с. 147], не принимая во внимание заведомую тенденциозность подобных утверждений, сделанных в эпоху борьбы с язычеством, которое требовалось очернить и скомпрометировать. Как догма была воспринята и легенда Нестора о призвании варягов, на базе которой Байер развил т.н. норманскую теорию возникновения русской государственности, основы которой были заложены в начале XVII в. Петром Петреем де Ерлезундой [9]. Копья вокруг этой теории продолжают ломаться и по сей день.

Уроженец Кёнигсберга Г.З. Байер был приглашен в Петербургскую академию наук в 1726 г. в числе прочих зарубежных специалистов. В круг его интересов входила генеалогия русского государства, которой историк посвятил работу «О варягах». В ней он утверждал, что понятие «варяги» относилось к скандинавам дворянского происхождения, нанмававшимся на службу к русским в качестве воинов или гражданских управленцев [1, с. 8]. Байер доказывал свой тезис в т.ч. с помощью этимологии, объявляя имена древнерусских князей и дружинников искаженными скандинавскими. Так, в имени «Игорь» он слышит «Ингвар», «Ивар»; «Олег» – это, несомненно, «Олав»; и даже «Святослав» «от нормандского языка испорчено», а именно – от имени «Свен» [1, с. 16]. Само слово «варяг», по Байеру, – не что иное, как финско-эстонское «варас», «разбойник», в русском ему соответствует «вор» (будто спохватившись, Байер уточняет, что «разбойники» – слово не обидное: так называли встарь и воинов, а те «не токмо в свирепствах к насильству упражнялись, но и при случае к купечеству ума употребляли» [1, с. 40].

Попытка Байера произвести русские имена от германских корней возмутила М.В. Ломоносова, язвительно заметившего, что «подобным

образом заключить можно, что имя Байера происходит от русского *бурлак*», и выразившего сожаление, что, когда немецкий академик сочинял свой труд, рядом с ним не оказалось такого человека, который бы поднес ему к носу такой химический пронизательный состав, от чего бы он мог очнуться [2, с. 31].

В 1749 г. другой немецкий историк, к тому времени уже принявший русское подданство, Г.Ф. Миллер приготовил речь для торжественного заседания Академии наук по случаю тезоименитства Елизаветы Петровны. В ней ученый пересказал своими словами дунайскую гипотезу прародины славян, снабдив ее выкладками Байера по варяжскому вопросу. По версии Миллера, до VI в. славяне жили на своей исконной территории в Придунавье, пока их не вытеснили оттуда византийцы. Тогда славяне пошли на Днепр, а затем на Ильмень, заняв земли полудиких финских племен, плативших дань варягам-скандинавам.

Миллер напоминает, что, согласно Несторовой летописи, само свое имя – «русь» – восточные славяне восприняли от норманнов, которых они пригласили собой править. В Скандинавии следы этого этнонима, однако, не обнаруживаются, зато у финнов есть слово «россалеине», которым они именовали шведов. «Новгородские славяне, услышав имя россов от финнов, оным всех из северных стран пришельцов нарицали, по чему и варяги от славян россианами названы. А потом и сами славяне будучи под владением варягов имя россиан приняли, подобным почти образом как галлы франками, и британцы агличанами именованы» [6, с. 396].

Название торжественной речи Миллера – «О происхождении народа и имени российско-го» – вызвало определенные подозрения, и текст решили обстоятельно вычитать. Большинство голосов академиков было принято решение в выступлении Миллеру отказать, а речь, уже напечатанную, уничтожить.

Ученик Миллера А.Л. Шлёцер также придавал большое значение критике источников. Обратив внимание на множество противоречий в разных списках русской летописи, он предположил, что виной тому были недобросовестные переписчики, и решил попытаться восстановить на основе всего корпуса рукописей изначальный текст Нестора. Этой работе он посвятил едва ли не полвека своей научной жизни. Первый том итогового труда «Русские летописи на древнеславянском языке» вышел в

год смерти Шлёцера, в 1809 г., а второй – еще через семь лет.

Помимо сличения списков русской летописи Шлёцер пытался установить происхождение зафиксированных в ней тезисов, привлекая к этому широкую номенклатуру зарубежных источников. Сопоставив данные византийских и европейских источников о дислокации различных славянских племен с данными о прохождении по этим территориям древних германцев (герулов, гепидов, лангобардов), Шлёцер впервые в истории четко очертил границы гипотетической славянской прародины: «местопребывание древних славян определится с довольною точностью, а именно: в треугольнике между Дуная и Теиса до Карпатских гор и за сии горы до Шлезии¹ [13, с. 134]. Напомним, что у Нестора речь шла о бассейне Дуная вообще, т.е. о весьма обширной территории от Шварцвальда до Черного моря.

Основываясь на «свидетельствах» летописца, Шлёцер пишет о свете цивилизации, принесенном на Русь просвещенными европейцами: «Русская история начинается от пришествия Рюрика и основания русского царства. ... Перед сею эпохою все покрыто мраком, как в России, так и в смежных с нею местах. Конечно, люди тут были бог знает с которых пор и откуда сюда зашли, но люди без правления, жившие подобно зверям и птицам, которые наполняли их леса, не отличавшиеся ни чем, не имевшие никакого сношения с южными народами, почему и не могли быть замечены ни одним просвещенным южным европейцем» [13, с. 418, 420].

Одним из первых противников норманнской теории был В.Н. Татищев. Он отмечал тенденциозность Байера, который «хотя в древностях иностранных весьма был сведом, но в русских много погрешал» [12, с. 93]. По мнению Татищева, история русских началась гораздо раньше, чем это изображает Нестор, а вслед за ним и пришлые немецкие ученые: «Подлинно же славяне задолго до Христа и славяно-руссы собственно до Владимера письмо имели, в чем нам многия древния писатели свидетельствуют и, во-первых, что обсче о всех славянах сказывается» [12, с. 93]. В текстах этих античных и средневековых авторов, по мнению Татищева, мы можем найти указания о местонахождении славянской прародины: «Ниже из Диодора Сицилийского и других древних довольно видимо, что словяне перее жили в Сирии и Финикии.

¹ Силезии.

... Перешед оттуду, обитали при Черном море в Колхиде и Пофлагонии, а оттуду во время Троянской войны с именем генети, галли и мешини, по сказанию Гомера, в Европу перешли и берег моря Средиземного до Италии овладели, Венецию построили и пр., как древние многие, особливо Стрыковский, Бельский и другие, скажут. Следственно, в такой близости и сообществе со греки и италианы обитав, несумненно письмо от них иметь и употреблять способ непрекословно имели, и сие токмо по мнению моему» [12, с. 93].

Наиболее непримиримым борцом с норманистами был М.В. Ломоносов. Именно он организовал разбор торжественной речи Миллера и добился ее последующего запрета. Его оскорбляло, по словам российского историка В.А. Шнирельмана, «пренебрежительное отношение господствовавшей тогда в исторической науке немецкой школы, считавшей древних славян дикарями, которым германцы несли свет учености. В свою очередь немцам эта последняя концепция служила оправданием их экспансии на восток, покорения или даже уничтожения многих славянских общин в западных районах славянского мира. Так что научный спор имел серьезную политическую подоплеку» [14, с. 100].

Ломоносов посчитал своим долгом вступить за честь своего народа и доказать его право занимать равное с европейцами место в истории, а стало быть, и на мировой арене. Он с жаром обрушился на «Русскую грамматику» Шлёцера, где немецкий историк, доказывая происхождение русского языка от немецкого, возводил слово «князь» к *knecht* (холоп), «дева» – к *dieb* (вор) и *tiffe* (сука) и т.д. Последнее показалось Ломоносову особенно возмутительным, ведь слово «дева» «употребляется у нас почти единственно в наименовании Пресвятыя Богоматери» [4, с. 426]. За столь «противную здравому рассудку» и позорящую русских вольность русский академик припечатал немца хлестко: «Каких гнусных пакостей не наколобродит в российских древностях такая допущенная в них скотина» [4, с. 427].

Независимо от Татищева, чья «История Российская» будет напечатана лишь в 1768 г., Ломоносов, вопреки летописным свидетельствам, находит истоки славянской истории в эпохе греческой архаики. Он утверждает, что «древнейшее всех преселение славян ... почитать должно из Азии в Европу» [3, с. 187]. Терри-

торией первоначального проживания ранних славян («венедов») Ломоносов считал Трою и Мидию.

После Троянской войны часть древних славян переселились на побережье Адриатического моря, другие же перешли через Кавказский хребет, заняли берега Черного и Азовского морей и отсюда продолжили экспансию на север. Эти славяне известны древним как роксоланы, они и были непосредственными предками русских². Само слово «россияне» произошло, по Ломоносову, от роксолан («россолан»).

Роксоланская земля, простиравшаяся, по указанию античных авторов, от Черного моря до Балтийского («Варяжского») и озера Ильмень, ныне населена русским народом, и это, по мысли Ломоносова, – дополнительный аргумент в пользу нашего родства с роксоланами. «Ибо никоею мерою статья не может, чтобы великий и сильный народ роксоланский вдруг вовсе разрушился, а после бы на том же месте, того же имени и того же языка сильный же народ вдруг проявился, а не был бы с первым одного происхождения» [2, с. 29]. Тот факт, что в иностранных источниках с IV по IX в. не упоминаются ни роксоланы, ни россы (руссы) Ломоносов объясняет редкостью в эти «варварские веки» писателей, которые могли бы удостоверить существование этих народов, а также отсутствием контактов с Византией в связи с захватом хазарами южнорусских территорий. Роксоланская теория окажется достаточно влиятельной и найдет себе последователей в лице В.К. Третьяковского, Ф.А. Эмина, а в XIX в. – Д.И. Иловайского, И.Е. Забелина и ряда других историков.

В исторической науке XVIII в. вопрос о славянской прародине еще не имел самостоятельного значения и решался в рамках более актуальной с точки зрения политической конъюнктуры проблемы происхождения древнерусского государства. Со времен Нестора этот вопрос был тесно связан и с попытками найти и определить место и роль славянских народов и конкретно русского народа в мировой истории. Открытия в конце XVIII–XIX вв. в области лингвистики и археологии, выработка методов исторической компаративистики придадут решению проблемы славянской (и, шире, индоевропейской) прародины подлинно научный характер. Появится целый ряд новых гипотез

² Эту идею Ломоносов основывал на данных Киевского синопсиса.

(центральноазиатская, «скифская», европейская, балтийская, арктическая и др.), многие из которых, впрочем, будут по-прежнему иметь политическую окраску – в силу специфики самого вопроса, накрепко связанного с поиском национальной идентичности и задачами конструирования национальной идеологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байер Г.З. Сочинение о варягах. СПб.: Императорская Академия наук, 1767.
2. Ломоносов М.В. Возражения на диссертацию Миллера // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений: в 11-ти т. Т. 6. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 25–42.
3. Ломоносов М.В. Древняя российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 г. // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений: в 11-ти т. Т. 6. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 163–286.
4. Ломоносов М.В. Отзыв о «Русской грамматике» А.-Л. Шлёцера. 1764, августа // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений: в 11-ти т. Т. 9. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 426–427.
5. Мечта о русском единстве. Киевский синопсис (1674). М.: Европа, 2006.
6. Миллер Г.Ф. О происхождении имени и народа российского // Фомин В.В. Ломоносов. Гений русской истории. М.: Русская панорама, 2006. С. 366–398.
7. Младшая Эдда. М.: Наука, 1970.
8. Орбини М. Славянское царство. М.: ОЛМА Медиа групп, 2010.
9. Петрей П. История о великом княжестве Московском // О начале войн и смут в Московии. М.: Фонд Сергея Дубова; Рита-Принт, 1997. С. 151–464.
10. Повесть временных лет. СПб.: Наука, 1996.
11. Сказание о князьях Владимирских // Библиотека литературы Древней Руси: в 20-ти т. Т. 9. СПб.: Наука, 2000. С. 278–289.
12. Татищев В.Н. Собрание сочинений: в 8-ми т. Т. 1. История Российская. Ч. 1. М.: Ладомир, 1994.
13. Шлёцер А.Л. Нестор. Руския летописи на древле-славенском языке. Ч. I. СПб.: Императорская типография, 1809.
14. Шнирельман В.А. Арийский миф в современном мире. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2015.

REFERENCES

1. Bayer, G.S., 1767. Sochinenie o varyagakh [Essay on the Varangians]. Sankt-Peterburg: Imperatorskaya akademiya nauk. (in Russ.)
2. Lomonosov, M.V., 1952. Vozrazheniya na dissertatsiyu Millera [Objections to Müller's dissertation]. In: Lomonosov, M.V., 1952. Polnoe sobranie sochinenii: v 11-ti t. T. 6. Moskva; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, pp. 25–42. (in Russ.)
3. Lomonosov, M.V., 1952. Drevnyaya Rossiiskaya istoriya ot nachala rossiiskogo naroda do konchiny velikogo knyazya Yaroslava Pervogo ili do 1054 g. [Ancient Russian history from the beginning of the Russian people to the death of Grand Prince Yaroslav the First or until 1054]. In: Lomonosov, M.V., 1952. Polnoe sobranie sochinenii: v 11-ti t. T. 6. Moskva; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, pp. 163–286. (in Russ.)
4. Lomonosov, M.V., 1955. Otzyv o «Russkoi grammatike» A.-L. Shlyotsera. 1764, avgusta [Review of «Russian grammar» by A.-L. Schlözer. 1764, August]. In: Lomonosov, M.V., 1955. Polnoe sobranie sochinenii: v 11-ti t. T. 9. Moskva; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, pp. 426–427. (in Russ.)
5. Mehta o russkom edinstve. Kievskii sinopsis (1674) [The dream of Russian unity. Kievan Synopsis (1674)]. Moskva: Evropa, 2006. (in Russ.)
6. Müller, G.F., 2006. O proiskhozhdenii imeni i naroda rossiiskogo [The origins of the Russian people and their name]. In: Fomin, V.V., 2006. Lomonosov. Genii russkoi istorii. Moskva: Russkaya panorama, pp. 366–398. (in Russ.)
7. Mladshaya Edda [The Prose Edda]. Moskva: Nauka, 1970. (in Russ.)
8. Orbini, M., 2010. Slavyanskoe tsarstvo [The Kingdom of the Slavs]. Moskva: OLMA Media grupp. (in Russ.)
9. Petreius, P., 1997. Istoriya o velikom knyazhestve Moskovskom [The history of the Grand Duchy of Moscow]. In: O nachale voin i smut v Moskovii. Moskva: Fond Sergeya Dubova; Rita-Print, 1997, pp. 151–464. (in Russ.)
10. Povest' vremennykh let [The Russian Primary Chronicle]. Sankt-Peterburg: Nauka, 1996. (in Russ.)
11. Skazanie o knyaz'yakh vladimirskikh [The tale of the princes of Vladimir]. In: Biblioteka literatury Drevnei Rusi: v 20-ti t. T. 9. Sankt-Peterburg: Nauka, 2000, pp. 278–289. (in Russ.)
12. Tatishchev, V.N., 1994. Sobranie sochinenii: v 8-mi t. T. 1. Istoriya Rossiiskaya.

Ch. 1 [Collected works: in 8 volumes. Vol. 1. Russian history. Part 1]. Moskva: Ladimir. (in Russ.)

13. Schlözer, A.L., 1809. Nestor. Ruskiya letopisi na drevle-slavenskom yazyke Ch. 1 [Nestor. Russian chronicles in the ancient Slavonic language. Part 1]. Sankt-Peterburg: Imperatorskaya tipografiya. (in Russ.)

14. Shnirel'man, V.A., 2015. Ariiskii mif v sovremennom mire. T. 1 [Aryan myth in the modern world. Vol. 1]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie. (in Russ.)

*Статья поступила в редакцию 11.10.2023;
рекомендована к печати 12.01.2024*

И.М. Лаврухина, И.В. Глушко, Е.В. Дикунова, В.С. Горячев, А.Ю. Пархоменко*

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О СПРАВЕДЛИВОСТИ В ТЕОРИИ И ОБЫДЕННО-ПРАКТИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ

В статье представлены интерпретации понятия «справедливость» на теоретическом уровне – в рамках различных отраслей гуманитарного знания – и в обыденно-практическом сознании. В рамках историко-философского экскурса авторы описывают базовые традиции интерпретации справедливости в антично-средневековой и новоевропейской мысли, а также в русской философии. Многослойность теоретического понимания справедливости дополнена интерпретациями справедливости в повседневном сознании, которые реконструируются на основе анкетирования представителей трех возрастных групп населения.

Ключевые слова: социальная философия, справедливость, ценности, равенство, право, обыденное мировоззрение

The perception of justice in theory and everyday consciousness. IRINA M. LAVRUKHINA, IRINA V. GLUSHKO, ELIZAVETA V. DIKUNOVA, VLADISLAV S. GORYACHEV, ALINA Yu. PARKHOMENKO (Azov-Black Sea Engineering Institute, Don State Agrarian University, Zernograd, Russia)

The article presents interpretations of the concept of justice at the theoretical level within various branches of humanities and in everyday consciousness. The authors describe the basic traditions of interpreting justice in ancient, medieval and modern European thought, as well as in Russian philosophy. The multi-layered theoretical understanding of justice is complemented by its interpretations in everyday consciousness, which are reconstructed on the basis of a survey of the representatives of three age groups.

Keywords: social philosophy, justice, values, equality, law, everyday worldview

* ЛАВРУХИНА Ирина Михайловна, доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин и иностранных языков Азово-Черноморского инженерного института – филиала Донского государственного аграрного университета, г. Зерноград, Россия, lavrukhina_i@inbox.ru

ГЛУШКО Ирина Васильевна, доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин и иностранных языков Азово-Черноморского инженерного института – филиала Донского государственного аграрного университета, г. Зерноград, Россия, glu-ir@mail.ru

ДИКУНОВА Елизавета Владимировна, студент факультета экономики и управления территориями Азово-Черноморского инженерного института – филиала Донского государственного аграрного университета, г. Зерноград, Россия, elisabeta.dikunova@yandex.ru

ГОРЯЧЕВ Владислав Сергеевич, студент факультета экономики и управления территориями Азово-Черноморского инженерного института – филиала Донского государственного аграрного университета, г. Зерноград, Россия, vlad.goryachev.05@mail.ru

ПАРХОМЕНКО Алина Юрьевна, студент факультета экономики и управления территориями Азово-Черноморского инженерного института – филиала Донского государственного аграрного университета, г. Зерноград, Россия, parkhomenko_alinka090704@mail.ru

© Лаврухина И.М., Глушко И.В., Дикунова Е.В., Горячев В.С., Пархоменко А.Ю., 2024

Некоторые понятия являются «вечными», поскольку встроены в понимание смысла нашего существования, а их осмысление необходимо для выработки стратегии нашего поведения. Понятие справедливости – из их числа. Оно неразрывно связано с такими понятиями, как равенство, добро, правда, свобода. Однако эта ценность носит отчетливо выраженный практический характер.

Со времен античности в философии было разработано значительное количество концепций справедливости, часто альтернативных. Понятно, что в силу сложности и многогранности проблемы, она не может быть освещена в рамках одной статьи. Поэтому цель, которую преследовали авторы, является и скромной, и конкретной: в самых общих чертах выявить, как теоретические положения о сущности справедливости отражаются в обыденно-практическом сознании и мировосприятии отдельных людей, принадлежащих к разным поколениям.

Самое общее представление о содержании понятия «справедливость» отражено в системе нравственных принципов (добро – зло) и подразумевает воздаяние за добро и наказание за зло. Теоретический анализ содержания понятия справедливости осуществляется в рамках социально-гуманитарного знания такими дисциплинами, как социальная философия, этика, социология, экономика, право, социальная психология.

В философии справедливость предстает как универсальная ценность, в которой можно выделять разные пласты: чувство, связанное с восприятием самого себя; способность человека оценивать других людей и общественные отношения; идеал общественных отношений; принцип жизнедеятельности людей. Но везде прослеживается общий момент – процедура и процесс соизмерения должного и сущего [6, с. 237].

Понимание многослойности и разноплановости содержания понятия «справедливость» невозможно без краткого историко-философского экскурса. Существуют две базовые традиции понимания справедливости в философии: антично-средневековая и новоевропейская. Первая связывает справедливость с понятиями равенства и блага, вторая – с понятиями равенства и права.

Уже древние греки связывали справедливость с равенством, но имели в виду следующие моменты: равенство всегда является отно-

сительным (пропорциональность равенства); приоритет в решении общественных вопросов должен быть у лучших людей, аристократов; при решении сложных вопросов принимаются во внимание интересы всех основных сторон и общественное благо в целом [5, с. 29].

Платон считал справедливость величайшим благом, которым следует обладать, поскольку это подлинное бытие и подлинная мудрость. По Платону, справедливость заключается в установлении строгой иерархии в обществе и четкой специализации каждого из сословий [15]. Это идея кастового общества, которое управляется наиболее мудрыми и добродетельными гражданами. Аристотель отмечает, что «справедливость, как кажется, есть равенство, и так оно и есть, но только не для всех, а для равных; и неравенство также представляется справедливостью, и так оно и есть на самом деле, но опять-таки не для всех, а лишь для неравных» [4, с. 459].

Классической и наиболее сбалансированной в античной философии является концепция справедливости Аристотеля. Справедливость, по Аристотелю, является «главной общественной добродетелью», обеспечивающей порядок в обществе, поскольку «справедливое – это то, что велит делать закон, а закон призывает исполнять все добродетели...» [2, с. 324]. Аристотель выделял уравнивающую (споры, действия по поводу обмена предметами) и распределяющую (соответствие степени вины или заслуг соответствующим наказаниям или поощрениям) виды справедливости [3, с. 151].

Очевидно, что аристотелевская справедливость основана на пропорциональности обмена и представляет собой благо, регулирующее поведение людей. В любом случае справедливость обеспечивает степень равновесия индивидуальных и общественных интересов. Но очевидно и то, что понимаемая таким образом справедливость неявно предполагает существование высшего арбитра, «который уполномочен объединившимися гражданами следить за тем, чтобы осуществляемое между ними распределение соответствовало достигнутой договоренности» [16, с. 102].

В Средние века эта проблема была решена таким образом, что справедливость рассматривалась как божественное предначертание, отражение божественности и мудрости в человеческом разуме. Фома Аквинский предположил, что человек не может самостоятельно постичь

справедливость и единственным способом познания смыслов божественной справедливости является правильное толкование Священного писания и учений отцов церкви [20].

В Новое время (Т. Гоббс, Дж. Локк) справедливость перестает рассматриваться как общее благо, она понимается как результат соглашения между свободными и равными индивидами по поводу взаимного признания своих прав или условий достигнутых договоренностей, обязательных для всеобщего исполнения. Именно здесь одобряемое всеми соглашение и превращается в закон. Согласно ему, каждый должен считаться с интересами других и может претендовать только на то, что предусмотрено законом. Основанием такого порядка является равенство всех людей и ценность беспристрастности.

Однако тут же возникают сложности, связанные с обоснованием и интерпретацией условий договоренности (почему эта, а не другая модель отношений должна считаться справедливой?) и различным пониманием равенства. Так, уже Аристотель сомневался в том, что возможно вести речь о справедливости в отношениях господства и подчинения. Господин всегда пристрастен и ничем не стеснен в выборе своих предпочтений. Но, очевидно, в этом случае рассмотрение вопроса уходит в политическую плоскость, а справедливость превращается в «политическую» справедливость. Политическая справедливость Нового времени зиждется на новом понимании прав человека и равенства: у индивида есть естественные неотчуждаемые права, а государство должно обеспечить их защиту; равенство всех людей понимается как равенство их природы, равенство их перед Богом; никто из людей (даже лучшие) не может господствовать над другими людьми; источником права является народ, наилучшим государством является правовое государство.

Кант завершает эту трансформацию справедливости. Он впервые проводит различие между правовой и моральной справедливостью [11, с. 249–252]. Моральная справедливость, согласно его точке зрения, базируется на нравственном категорическом императиве, а правовая является основой действия. Причем Кант видел ущербность правовой формы справедливости: «...Строжайшее право – это величайшая несправедливость, но на пути права этому злу ничем нельзя помочь, ... потому что справедливость относится только к суду совести» [12, с. 258].

Привязка справедливости к конвенционализму поставила вопрос о статусе справедливости, и если раньше мыслители считали, что справедливость стоит над человеком (Платон), то теперь она оказалась всецело зависимой от него. Ницше отмечает, «что справедливо для одного, вовсе не может быть справедливым для другого» [14, с. 111]. Вообще справедливость восхваляется прежде всего теми, кто не имеет равных прав. Согласно Ницше, разговор о ней возникает только тогда, когда она отсутствует, т.е. как реакция на несправедливость. Чтобы избежать такой откровенной индивидуализации ценности справедливости у разных людей (это может привести к абсолютно разным оценкам ими одного и того же события), в философии возникает потребность в ориентации на «высшую справедливость» и даже иллюзия ее существования. Так, Гегель признавал, что априори существует неизменный и субстанциальный принцип справедливости и складывается он в результате функционирования государственной системы в целом и действующего законодательства, а также под воздействием общих настроений, в которых проявляется здравый смысл людей [7, с. 352].

А. Камю связывает справедливость со свободой, несправедливость – с рабством, между ними идет борьба на протяжении всей истории человечества [10, с. 345].

В русской философской традиции феномен справедливости был рассмотрен А.С. Хомяковым, В.С. Соловьевым, Б.Н. Чичериным, Б.А. Кистяковским, Н.А. Бердяевым, И.А. Ильиным, П.И. Новгородцевым, А.Ф. Лосевым и др. Первые отечественные концепции справедливости в качестве важной характеристики русского сознания отмечали особенную чувствительность русского народа к проблемам справедливости [8]. Вл. Соловьев считал жажду безусловной справедливости истинным стремлением русского человека и причиной духовных исканий.

Отечественная социально-философская мысль (Н.К. Михайловский, П.Л. Лавров) активно разрабатывала понятия «правда-истина» и «правда-справедливость». В правде-истине отражается объективная необходимость, а в правде-справедливости – нравственный идеал человека [18].

Остановимся на некоторых аспектах содержательной разработки понятия «справедливость» в разных гуманитарных дисциплинах.

В этике справедливость является системообразующей моральной категорией, и другие категории (равенство, правда) или базируются на идее справедливости, или подстраиваются под нее.

«Вес» справедливости в отношении других ценностей также обсуждается. В современной философско-этической литературе можно найти различие «этики любви» и «этики справедливости», и, соответственно, ранжирование различных ценностей. Так, А.В. Прокофьев считает, что человек может в своем поведении ориентироваться на ценности любви, милосердия и доброты только тогда, когда у него есть «развитая способность к сопереживанию и альтруистическому самопожертвованию». Формы регуляции поведения, связанные с идеей справедливости, базируются не на желании блага другим людям, а на желании поддержать систему норм, которая всем индивидам гарантирует равные права. Поэтому ценности «этики любви» морально превосходят требования справедливости [17, с. 14–15].

С такой позицией не согласен Л.В. Максимов, который считает, что сравнивать мощь и масштабность установок «долга» и «любви» в производстве добрых дел недопустимо. Трактовать мотив справедливости как «неполноценный» или морально ограниченный тоже неправомерно, «поскольку указанный мотив может действовать совершенно независимо как от эгоистических соображений, так и от альтруистической жертвенности (т.е. быть чисто моральным)» [13, с. 54–56]. Например, человек может оценить распределение некоторых благ между другими людьми как несправедливое, не являясь участником ситуации, не приобретая ничего для себя в случае разрешения конфликта. А мотивы любви и сострадания иногда могут привести к аморальным поступкам.

В социальной философии разрабатывается понятие «социальной справедливости», поскольку предполагается, что она интегрирует, укрепляет связи в обществе и в целом способствует достижению общественного согласия. Дж. Роулз считает справедливость главной добродетелью социальных установлений, выполняющей ту же функцию, которую истина выполняет для мышления [19, с. 19]. Социальная справедливость включает в себя как моменты разделения, так и моменты согласования различных волей и интересов, что в итоге превращает общество в основанное на сотрудничестве целое.

Если люди по-разному понимают справедливость, то это квалифицируется ими как несправедливость, что приводит к сбоям в функционировании социальной системы и ухудшению социального самочувствия людей. Иными словами, функционирующая социальная справедливость говорит о здоровье социального организма.

Содержание социальной справедливости переживает постоянную эволюцию, которая прерывается кардинальными изменениями в его понимании. Социальная справедливость развивается в направлении увеличения критериев социального равенства и расширения поля действия этих критериев, а также распространения на все большее количество социальных групп и индивидов универсальных ограничителей свобод [1, с. 250]. Функции социальной справедливости – организация и поддержание социального порядка; интеграция общества, достижение общественного согласия; регуляция взаимоотношений между членами социума; соблюдение баланса между общественными и частными интересами; критерий социальной оценки событий.

Укрепление справедливости сегодня следует понимать не в контексте существовавших в советское время требований достичь «социальной однородности», ликвидировать социальные различия (что невозможно), а в повышении социальной защищенности т.н. «слабых» групп населения – детей, стариков, инвалидов и т.д. Социально справедливое общество может гарантировать достойные условия существования всем своим членам.

Современные представления о социальной несправедливости в нашем обществе связаны с особенно глубоким расслоением общества, что выражается в низком уровне благосостояния людей, в наличии многочисленных привилегий и льгот, связанных с особым местом в системе управления, в слабо работающем принципе ответственности за содеянное для определенных групп населения, в отсутствии одинаковых стартовых условий для представителей различных социальных групп, в накоплении преимуществ богатых по принципу «эффекта Матфея» (неравного вознаграждения). Особенности механизмов реализации социальной справедливости сегодня состоят в том, что проблемы решаются не с помощью социального противостояния, а с помощью разного рода экономических, научных и социальных технологий.

В экономической науке также активно обсуждается принцип справедливости «от каждого по способностям – каждому по труду», который сегодня требует существенной модификации. Прежде всего, необходимо уточнить вопрос, как оценивать различные виды труда. Использование таких критериев, как интенсивность, тяжесть, сложность, квалифицированность, приводит к тому, что не совсем сложный труд инвалида, на который он тратит огромные усилия, не принесет ему достаточные для его нормального существования средства; доходы предпринимателя будут в разы превышать доходы бюджетника, хотя последний может работать более интенсивно; сфера услуг становится более привлекательной, чем промышленное производство. Здесь стоит согласиться с тем, что рынок несколько изменяет традиционное понимание справедливости [1].

Принцип справедливости в юриспруденции связан прежде всего с понятием равенства. Справедливое отношение к другому человеку основано на равенстве ваших прав и обязанностей, причем равенство прав предполагает не их реальное использование, а возможность их использования всеми. В праве справедливость также не связана с достижением одинаковости всех граждан. И.А. Ильин четко указывает на то, что принцип справедливости должен быть соотнесен с требованием соразмерности поступка силам, способностям и имущественному положению людей [9]. Если говорить о правовой модели обеспечения справедливости, то она должна гарантировать всем участникам судебного процесса равные права и возможности.

Дж. Роулз считает, что принцип «правовой» справедливости реализуется тогда, когда у каждого человека есть равные права в «обширной схеме равных основных свобод, совместимых с подобными схемами свобод для других»; когда доступ к высоким статусам и должностям открыт для всех. А если признать возможность социального и экономического неравенства, то они должны быть устроены так, чтобы в итоге были ощутимы преимущества для всех [19, с. 65].

Многослойность и разноплановость в понимании справедливости на теоретическом уровне дополняется очень интересными и разноречивыми ее интерпретациями в повседневном сознании, на уровне мировосприятия. Для анализа этих представлений была разработана анкета из 10 вопросов, предложенная представителям трех возрастных групп: школьникам

(60 чел.), работающим гражданам (40 чел.) и пенсионерам (17 чел.). Опрос проводился в Кагальницком районе Ростовской области, п. Двуречье, школьники – учащиеся МБОУ Калининская СОШ № 7. Целью анкетирования было выявить, как теоретические положения о справедливости преломляются в обыденно-практическом мировоззрении, меняются ли они с накоплением жизненного опыта у людей. Отметим, что авторы статьи хорошо понимают, что количество участников анкетирования невелико, а потому и выводы недостаточно репрезентативны. Тем не менее, некоторые тенденции в функционировании принципов справедливости в реальной жизни удастся проследить и на этом материале.

Ответы на первый вопрос – «Как часто респонденты сталкиваются с несправедливостью в жизни?» – позволяют сделать вывод о том, что с возрастом критерии справедливости несколько расширяются. Пенсионеры отмечают несправедливость лишь время от времени («время от времени» – 90%; «редко» – 5%); у работающих граждан глаз на несправедливость еще не «замылится», и они оценивают жизненные ситуации более строго («постоянно, практически ежедневно» – 20%; «довольно часто» – 60%; «время от времени» – 10%); также «строги» к оценке жизненных ситуаций подростки («постоянно, практически ежедневно» – 10%; «довольно часто» – 60%). Отметим также, что ответ «редко» чаще встречается у школьников (школьники – 20%; работающие граждане – 10%; пенсионеры – 5%), что свидетельствует о временной защищенности подростков от несправедливости в семье.

При ответе на второй вопрос – «Что такое справедливость, по вашему мнению?» (допускалось несколько вариантов ответов) – респондентам были предложены формулировки справедливости с учетом их специфики в разных отраслях гуманитарного знания (философия, политология, право, социология, психология). Работающие и пенсионеры в своем большинстве (70% и 70% соответственно) ориентированы на распределяющий (баланс между заслугами и вознаграждением, между правами и обязанностями) вид справедливости Аристотеля. Школьники склонны понимать справедливость в социально-правовом контексте («учет степени вины или заслуг и определение соответствующего наказания или поощрения» – 70%; «соответствие результатов наших дей-

ствий и решений принятым нормам» – 20%). Интересно, что ответ «справедливость – это переживание человеком равного отношения к себе и другим людям» наиболее популярен у пенсионеров (пенсионеры – 70%; работающие граждане – 10%; школьники – 20%).

Понимание значимости справедливости для общества выявлялось в третьем пункте анкеты, где требовалось определить функции справедливости (от более важных к менее важным). Для школьников и пенсионеров наиболее значимой оказалась функция создания правового порядка (75% и 75% соответственно). Работающие граждане были более детальны: они предполагали, что справедливость участвует в более тонкой настройке общественных отношений («устанавливает доверие между людьми» – 50%; «организует и поддерживает социальную систему» – 30%; «способствует созданию правового порядка» – 20%). Отметим, что на функцию «мотивирует на достижение других целей» значимое внимание обратили только пенсионеры (20%).

Первые три пункта анкеты касались, если можно так сказать, уровня теоретического освоения респондентами проблемы справедливости. Затем были предложены вопросы прикладного характера. На четвертый вопрос – «В каких сферах жизни людей справедливость должна обеспечиваться в первую очередь?» – большинство опрошенных во всех группах выбрали правовую сферу («в вынесении судебных решений, в установлении соответствия наказания за преступление»: школьники – 70%; работающие граждане – 60%; пенсионеры – 70%; «во взаимодействиях граждан и государства»: школьники – 30%; работающие граждане – 30%; пенсионеры – 30%).

Интересным вопросом – как для авторов, так и для респондентов – стал пятый вопрос о соотношении различных ценностей со справедливостью: респондентам предложили расположить ценности в порядке убывания их значимости. У школьников иерархия ценностей начиналась с семьи, далее следовали счастье, любовь, дружба, свобода. Иерархия ценностей работающих граждан оказалась такой: семья, любовь, справедливость, добро, стабильность, истина. Пожилые люди в абсолютном большинстве на первое место поставили семью. Такая высокая оценка семьи всеми группами респондентов, вероятно, связана с тем, что сегодня именно в семье человек чувствует себя наиболее защищенным, в т.ч. от несправедливости.

В шестом пункте было предложено выбрать два наиболее подходящих для респондентов принципа справедливого распределения благ. Работающие и пенсионеры единодушно остановились на принципах «всем по заслугам (сколько заработаешь, столько и получишь)» и «всем как положено (по правилам и традициям)» (работающие граждане – 80%; пенсионеры – 70%). Принцип «всем по потребностям (кому больше нужно, тому и отдать, например, детям)» оказался совсем непопулярным среди этих групп. Школьники, напротив, большинством голосов выбрали этот принцип (около 70%) и принцип «всем поровну (по-братски)» (70%). Безусловно, выбор школьников был продиктован прежде всего их пока еще несамостоятельным социальным статусом.

На седьмой вопрос о сущности социальной справедливости большинство во всех группах дало одинаковый ответ – «в равенстве всех перед законом» (школьники – 80%; работающие граждане – 80%; пенсионеры – 70%). Пенсионеры (30%) связывают социальную справедливость еще и с примерно одинаковым уровнем жизни (чтобы не было ни богатых, ни бедных). Около 15% работающих граждан полагают, что «никакой социальной справедливости в обществе не было и никогда не будет».

В восьмом пункте анкеты предлагалось оценить следующее положение: «Чем выше уровень жизни, тем ниже необходимость в социальной справедливости, поскольку справедливость является действенным механизмом распределения ресурсов при низком уровне жизни». Абсолютное большинство во всех группах (школьники – 87%; работающие граждане – 92%; пенсионеры – 100%) считают, что справедливость должна существовать всегда. Правда, такую убежденность можно объяснить и тем фактом, что иные механизмы распределения основных ресурсов в нашем обществе не получили какого-либо применения.

И, наконец, девятый и десятый вопросы («Можно ли рассматривать достижение справедливости как смысл человеческой жизни?» и «Во имя чего можно пожертвовать справедливостью?») следует трактовать как вопросы, контролирующие искренность респондентов в оценке справедливости. Около 95% и работающих граждан, и пенсионеров в качестве смысловых ориентиров «справедливость» не рассматривают, при этом также большинство (работающие граждане – 82%; пенсионеры –

78%) придерживаются мнения, что «справедливостью нельзя жертвовать ни при каких условиях». Такая «вилка» свидетельствует, скорее всего, в пользу того, что статус справедливости в общественном сознании достаточно высок и социальный идеал ориентирует человека на принципы справедливости, однако реальная жизнь делает приоритетными другие ценности. Среди опрошенных школьников 81% не считает справедливость смыслом своей жизни; готовы пожертвовать ею во имя дружбы – 67%, любви – 23% и добра – 5%.

В статье были затронуты лишь некоторые аспекты проблемы справедливости – те, что, на наш взгляд, в большей степени связаны с практической стороной жизни. В поведении людей принцип справедливости будет реализовываться, если понятие справедливости будет объединено с другими ценностями человеческой жизни в устойчивую целостность. Социальная справедливость, формирующая идеал должного социального устройства, помогает обществу избежать обострения социального неравенства и достичь согласия. Однако справедливы ли будут принуждение человека к признанию справедливости или насильственная реализация идеи справедливости в мире?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимов А.С., Агеева М.А. Понятие справедливости в современной социологии // Сервис в России и за рубежом. 2012. № 5. С. 249–259.
2. Аристотель. Большая этика // Аристотель. Сочинения: в 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 295–374.
3. Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения: в 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 53–294.
4. Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: в 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 375–644.
5. Бенетон Ф. Введение в политическую науку. М.: Весь мир, 2002.
6. Васяев А.А. Понятие справедливости в философии: правовой аспект // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2021. Т. 10. № 3А. С. 234–243.
7. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990.
8. Гроздилов С.В. Понятие справедливости в общественной психологии русского народа как отражение его бытия // Научный вест-

ник Омской академии МВД России. 2018. № 3. С. 88–92.

9. Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве. М.: АСТ; Хранитель, 2006.
10. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат, 1990.
11. Канарш Г.Ю. Справедливость // Философская антропология. 2018. Т. 4. № 1. С. 244–262.
12. Кант И. Собрание сочинений: в 8-ми т. Т. 6. М.: ЧОРО, 1994.
13. Максимов Л.В. К понятию справедливости: аналитические заметки // Этическая мысль. 2017. Т. 17. № 2. С. 46–58.
14. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. М.: Интербук, 1990.
15. Платон. Государство. СПб.: Наука, 2005.
16. Пинткевич Л.Ю. Проблема справедливости в социальной философии // Философия и общество. 2009. № 2. С. 100–110.
17. Прокофьев А.В. Воздавать каждому должно... Введение в теорию справедливости. М.: Альфа-М, 2013.
18. Рачков П.А. Правда-справедливость // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2006. № 1. С. 83–107.
19. Роулз Дж. Теория справедливости. М.: ЛКИ, 2010.
20. Черных С.Н. Понятие «справедливость» в средневековой философии // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2011. Т. 7. № 4. С. 130–133.

REFERENCES

1. Anisimov, A.S. and Ageeva, M.A., 2012. Poniatie spravedlivosti v sovremennoi sotsiologii [The concept of justice in modern sociology], Servis v Rossii i za rubezhom, no. 5, pp. 249–259. (in Russ.)
2. Aristotle, 1983. Bol'shaya etika [Great ethics]. In: Aristotle, 1983. Sochineniya: v 4-kh t. T. 4. Moskva: Mysl', pp. 295–374. (in Russ.)
3. Aristotle, 1983. Nikomakhova etika [Nicomachean ethics]. In: Aristotle, 1983. Sochineniya: v 4-kh t. T. 4. Moskva: Mysl', pp. 53–294. (in Russ.)
4. Aristotle, 1983. Politika [Politics]. In: Aristotle, 1983. Sochineniya: v 4-kh t. T. 4. Moskva: Mysl', pp. 375–644. (in Russ.)
5. Beneton, Ph., 2002. Vvedenie v politicheskuyu nauku [Introduction to political science]. Moskva: Ves' mir. (in Russ.)

6. Vasyaev, A.A., 2021. Ponyatie spravedlivosti v filosofii: pravovoi aspekt [The concept of justice in philosophy: legal aspect], Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke, Vol. 10, no. 3A, pp. 234–243. (in Russ.)
7. Hegel, G.W.F., 1990. Filosofiya prava [Philosophy of law]. Moskva: Mysl'. (in Russ.)
8. Grozdilov, S.V., 2018. Ponyatie spravedlivosti v obshchestvennoi psikhologii russkogo naroda kak otrazhenie ego bytiya [The concept of justice in the social psychology of Russian people as a reflection of their being], Nauchnyi Vestnik Omskoi akademii MVD Rossii, no. 3, pp. 88–92. (in Russ.)
9. Ilyin, I.A., 2006. Obshchee uchenie o prave i gosudarstve [General theory of law and state]. Moskva: AST; Khranitel'. (in Russ.)
10. Camus, A., 1990. Buntuyushchii chelovek. Filosofiya. Politika. Iskusstvo [The rebel. Philosophy. Politics. Art]. Moskva: Politizdat. (in Russ.)
11. Kanarsh, G.Yu., 2018. Spravedlivost' [Justice], Filosofskaya antropologiya, Vol. 4, no. 1, pp. 244–262. (in Russ.)
12. Kant, I., 1994. Sobranie sochinenii: v 8-mi t. T. 6 [Collected works: in 8 volumes. Vol. 6]. Moskva: ChORO. (in Russ.)
13. Maksimov, L.V., 2017. K ponyatiyu spravedlivosti: analiticheskie zametki [Towards the concept of justice: analytical notes], Eticheskaya mysl', Vol. 17, no. 2, pp. 46–58. (in Russ.)
14. Nietzsche, F., 1990. Tak govoril Zaratustra [Thus spoke Zarathustra]. Moskva: Interbuk. (in Russ.)
15. Plato, 2005. Gosudarstvo [State]. Sankt-Peterburg: Nauka. (in Russ.)
16. Pintkevich, L.Yu., 2009. Problema spravedlivosti v sotsial'noi filosofii [The issue of justice in social philosophy], Filosofiya i obshchestvo, no. 2, pp. 100–110. (in Russ.)
17. Prokofiev, A.V., 2013. Vozdavay' kazhdomu dolzhnoe... Vvedenie v teoriyu spravedlivosti [Giving everyone his due... An introduction to the theory of justice]. Moskva: Al'fa-M. (in Russ.)
18. Rachkov, P.A., 2006. Pravda-spravedlivost' [Truth-justice], Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya, no. 1, pp. 83–107. (in Russ.)
19. Rawls, J., 2010. Teoriya spravedlivosti [A theory of justice]. Moskva: LKI. (in Russ.)
20. Chernykh, S.N., 2011. Ponyatie «spravedlivost'» v srednevekovoi filosofii [The concept of justice in medieval philosophy], Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta, Vol. 7, no. 4, pp. 130–133. (in Russ.)

*Статья поступила в редакцию 19.02.2024;
рекомендована к печати 13.03.2024*